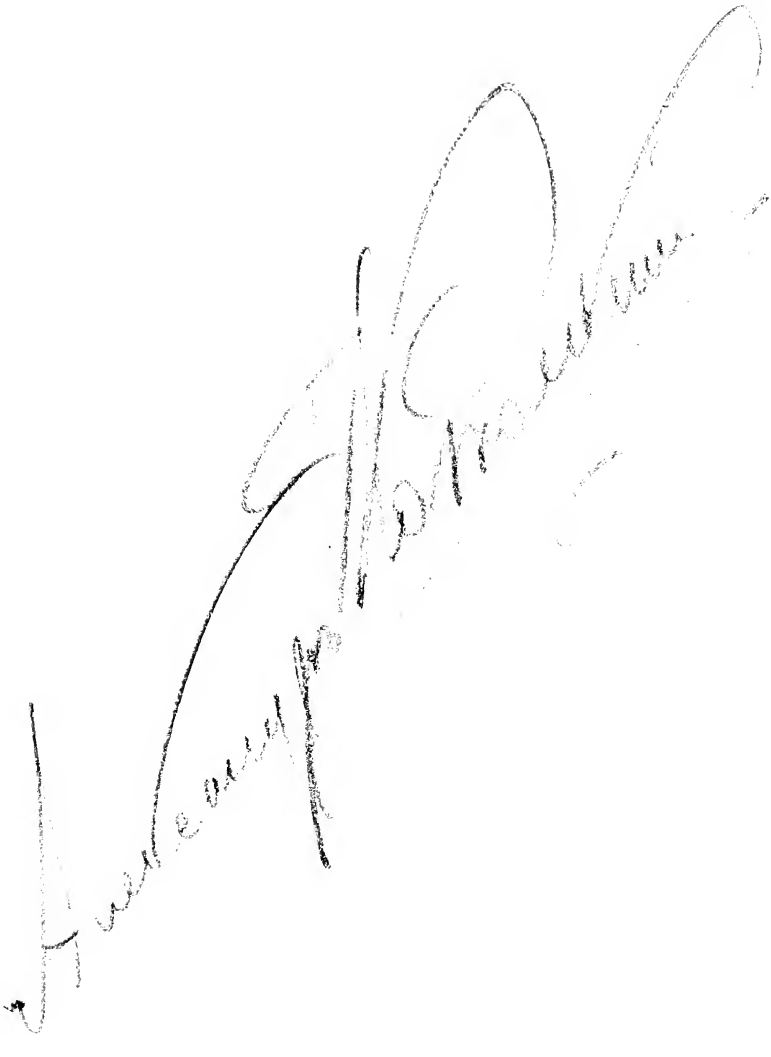
АЛЕКСАНДРЪ КОТОМКИНЪ

Воспоминанія и документы

ПАРИЖЪ
1930



АЛЕКСАНДРЪ КОТОМКИНЪ

О Чехословацкихъ Легіонерахъ въ Сибири

1918 — 1920

Воспоминанія и документы

ПАРИЖЪ
1930

Право перепечатокъ и переводовъ авторъ оставляетъ за собой.
Нарушеніе этого права будетъ преслѣдоваться по закону.

Imprimerie d'Art Voltaire, O. Zeluk, directeur, 34, rue Richer, Paris.

«...Люби Правду, храни Правду, стой за Правду даже до смерти».

Янъ Гусъ.

Съ особымъ чувствомъ я приступаю къ этимъ строкамъ и прошу у Бога помощи, дабы Онъ далъ мнѣ возможность, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, какъ можно спокойнѣе и безпристрастнѣе отнестись ко всему пережитому, о которомъ я здѣсь поведу свое повѣствованіе.

Не въ судъ или въ осужденіе кого либо пишу я эти строки, не изъ желанія возбудить чье либо любопытство, и не въ разсчетѣ на дешевую сенсацію, а по чувству долга, какъ патріотъ своей Страдалицы - Родины, и какъ человѣкъ, исполненный братскихъ, славянскихъ чувствъ къ чешскому народу, гостепріимствомъ котораго я, волей или неволей, пользовался, и которымъ пользуются еще и сейчасъ русскіе люди, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, профессора и писатели.

Быть можетъ, эти строки вызовутъ м а л о д у ш н о е волненіе среди Пражской русской колоніи, но волненіе это, я лично, счелъ-бы излишнимъ, такъ какъ я не намѣренъ сводить съ кѣмъ либо личные счеты. Я лишь собираюсь, по возможности объективнѣе, бросить взглядъ на недавнее прошлое, которое насъ непосредственно касается и на событія, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ я былъ съ момента прихода чехословацкихъ легіоновъ въ Казань, и дальше, по Сибирской магистрали, до береговъ Тихаго океана.

Думается, что теперь уже, — за 10 лѣтъ изжита острая боль событій всѣмъ намъ памятныхъ, а потому пришло время издалека взглянуть на нихъ, чтобы въ нихъ разобраться.

ГЛАВА I.

Для того, чтобы читателямъ были яснѣе мои взаимоотношенія съ чехословацкими легіонерами, я вынужденъ начать именно съ описанія этихъ взаимоотношеній, и съ того момента, когда, наконецъ, исполнилось мое завѣтное желаніе — увидѣть настоящихъ сыновей моего любимаго чешскаго героя Яна Гуса. Образъ этого славянскаго мученика не разъ вставалъ передо мною въ ореолѣ своихъ страданій за чешскій народъ, за его Вѣру и Свободу. И вотъ, будучи эвакуированъ изъ Дѣйствующей Арміи въ Кіевъ, въ 1915 году, я, подъ вліяніемъ празднества въ память пятисотлѣтней годовщины со дня мученической кончины Яна Гуса, рѣшилъ посвятить ему свои строфы въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ драматическихъ картинахъ, которыя впослѣдствіи были передѣланы мною въ 5-ти актную пьесу, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора слависта Казанскаго Университета Н. М. Петровскаго (скончавшагося потомъ отъ голоднаго тифа).

Первая встрѣча съ чехословацкими легіонерами произошла въ то время, когда моя драма «Янъ Гусъ» уже освободилась отъ цензурнаго запрета, а я самъ, какъ и всѣ русскіе люди, находился подъ властью большевиковъ, и, конечно, вмѣстѣ съ родной Казанью и всѣмъ Поволжьемъ, радовался успѣхамъ чехословацкихъ легіонеровъ, идущихъ на помощь своей старшей сестрѣ — Россіи, еще такъ недавно освободившей — однихъ славянъ отъ тысячелѣтняго иностраннаго ига, другихъ — отъ угрозы порабощенія.

Какъ сейчасъ я вижу картину занятія Казани чехо-

---

*) Глава 1-я была напечатана въ "Бѣломъ Архивѣ" 1928 г.

словацкими легіонерами. Съ какимъ восторгомъ все населеніе города Казани, отъ мала до велика, встрѣчало своихъ избавителей — братьевъ Чехословаковъ, Сербовъ и отрядъ Русской Народной Арміи, пришедшихъ съ бѣлыми повязками на рукавѣ!

Съ какой поспѣшностью, равной паникѣ, бѣжали коммунисты изъ Казани въ разныя стороны — неуспѣвшіе бѣжать бросали оружіе, падали на колѣни, плакали, просили пощады...

Во главѣ всего Волжскаго фронта стоялъ генералъ Чечекъ.

Во главѣ 1-го Чешскаго стрѣлковаго, имени Яна Гуса, полка, стоялъ доблестный командиръ, въ то время только поручикъ, а потомъ полковникъ Швецъ, храбрый и честный воинъ, любившій Россію горячей, неподкупной любовью, рвавшійся освободить ее отъ большевистскихъ путъ.

Во главѣ Сербскаго отряда стоялъ доблестный воевода Благотичъ, вскорѣ погибшій смертью храбрыхъ за Россію, Сербію и все Славянство, въ неравныхъ бояхъ подъ городомъ Свіяжскомъ. Какъ сейчасъ вижу его гробъ на лафетѣ, буквально утопавшій въ цвѣтахъ, славянскихъ лентахъ и многочисленныхъ вѣнкахъ — это провожали на мѣсто вѣчнаго упокоенія героя - славянина, помнившаго свой долгъ и оставшагося вѣрнымъ до конца матери Россіи.

Русскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Степановъ; сюда-же входилъ и только что созданный добровольческій отрядъ доблестнаго героя Каппеля.

Все это движеніе возглавлялось Комитетомъ Учредительнаго Собранія, съ помощникомъ военнаго министра эсъ-эромъ Лебедевымъ и эсъ-эрами — Фортунатовымъ, Брушвитомъ и другими.

Еще задолго до выступленія чеховъ, къ намъ, на берега Волги, летѣли вѣсти о чемъ-то важномъ, о какомъ-то торжественномъ событіи. И когда это совершилось, то почувствовалось, что наступилъ, дѣйствительно, торжественный моментъ, впослѣдствіи выдвинувшій много геро-

ическихъ и предательскихъ именъ — именъ запечатлѣнныхъ исторіей. Эти имена передавались въ то время изъ устъ въ уста, и, какъ эхо, отзывались по всей Россіи, и волновали сердца обывателя, жаждавшаго прихода избавителей отъ коммунистическаго ига. Но что они несли Русскому Народу — не было извѣстно.

А слухи шли, набѣгали, разростались и, наконецъ, свершилось!

Была взята Самара, затѣмъ Симбирскъ — настала очередь и Казани. Волненіе среди населенія усилилось: одни говорили, что подошли бандиты, другіе отвѣчали, что идутъ освободители, несущіе законъ, порядокъ и хлѣбъ.

Но вотъ стихла орудійная и ружейная стрѣльба — вошли избавители... Жизнь казанцевъ начала выпрямляться, какъ цвѣтокъ изъ подъ давившаго его камня; лица гражданъ до того хмурыя, забитыя — повеселѣли и опять затрепетала, какъ выпущенная на свободу птица, повседневная жизнь.

Къ сожалѣнію, это состояніе длилось недолго — былъ упущенъ важный моментъ закрѣпленія взятыхъ позицій. Вмѣсто этого — начались безконечные митинги, всевозможныя собранія, засѣданія, резолюціи, голосованія и все то, что, въ концѣ концовъ, явилось одной изъ важнѣйшихъ причинъ неудачъ въ борьбѣ съ большевиками. Чувствовалась безсистемность, неумѣстная нервозность, суетливость. Все это остановило порывъ, движеніе впередъ, а самое главное, не былъ захваченъ желѣзнодорожный мостъ у Казани, дабы пресѣчь накапливаніе большевистскихъ силъ.

А между тѣмъ опять начались бои; большевики, бѣжавшіе вначалѣ безъ оглядки при одномъ имени «чехи», оправились, ибо первый ударъ, который былъ настолько ошеломляющимъ своей неожиданностью, что, при условіи дальнѣйшаго его развитія, чешскіе, сербскіе отряды и русская добровольческая Народная Армія могли-бы, чуть ли не на плечахъ бѣгущихъ коммунистовъ, выйти на Московскую дорогу — этотъ первый ударъ не былъ своевременно развитъ и, и это случились по многимъ причинамъ.

Я, лично, считаю эти причины слѣдующими: 1) отсутствіе опредѣленнаго заданія у руководителей движенія, 2) полная неспособность поставить дѣло не на митинговую, а на серьезную, чисто военную почву, 3) не было дано населенію дѣйствительной увѣренности въ правотѣ этого дѣла изъ за безконечной расплывчатости лозунговъ, провозглашаемыхъ на митингахъ и въ воззваніяхъ, 4) отсутствіе единой руководящей авторитетной воли у главнокомандованія, такъ какъ генералъ Чечекъ не былъ популяренъ среди русскаго населенія и отрядовъ, а, слѣдовательно, и не имѣлъ достаточнаго авторитета, 5) открытый вывозъ золотого запаса изъ кладовыхъ государственнаго казначейства и переводъ его въ депозитъ эсъ-эровскаго «Комуча». Послѣднее послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ пропаганды большевиковъ, во множествѣ оставшихся въ Казани, вслѣдствіи опять таки недостаточнаго устройства административнаго аппарата и непринятія соотвѣтствующихъ мѣръ, какъ для борьбы съ этими элементами, такъ и для борьбы съ ихъ пропагандой.

Большевики распространяли слухи, что чехи и эсъэры пришли не для освобожденія Казани, а для вывоза русскаго народнаго достоянія — русскаго золота, и что они это продѣлаютъ и въ другихъ городахъ. Эта пропаганда возымѣла свое дѣйствіе и въ сильной мѣрѣ воспрепятствовала дальнѣйшему притоку добровольцевъ.

Такъ какъ ни уговариванія, ни воззванія, ни митинги не помогали, то въ отношеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія были приняты крутыя мѣры — вплоть до насильственной мобилизаціи крестьянъ съ угрозами разстрѣла дезертировъ.

Но населеніе въ своей массѣ оставалось глубоко равнодушнымъ къ различнаго рода «демократическимъ» призывамъ, ибо оно уже одинъ разъ больно обожглось на этихъ лозунгахъ; и, дѣйствительно, сулили ему и красный рай, и братство, и равенство, и свободу, и землю, и волю, а вмѣсто этого оно получило цѣпи рабства и неслыханный гнетъ III Интернаціонала. Очевидно, крестьяне и рабочіе помнили пословицу: «извѣрившись въ ру-

блѣ, не повѣримъ и въ иглѣ», и оставались безразличными, думали свою думу, тяжелую, непроницаемую...

А бои подъ Казанью развивались, становились упорнѣе, ожесточеннѣе, силы большевиковъ увеличивались, а наши слабѣли. Появились убитые и раненые — много раненыхъ. Общеславянская кровь какъ-бы вѣнчала общій подвигъ четырехъ братскихъ славянскихъ народовъ: русскихъ, сербовъ, чеховъ и словаковъ. Единственный разъ за все время борьбы эта кровь братскаго единенія являлась яркимъ символическимъ лучемъ въ наступившей затѣмъ тьмѣ деморализаціи, охватившей чехословацкіе легіоны, когда они, отъ береговъ Волги покатились назадъ и когда, на всѣ просьбы о помощи, ихъ вожди со спокойствіемъ, граничащимъ съ цинизмомъ, отвѣчали: «Мы не вмѣшиваемся въ русскія дѣла, наша политика — рельсы».

Но еще не было произнесено этихъ предательскихъ словъ, еще на чехахъ и словакахъ почивалъ великій духъ героевъ Зборова и Бахмача, и они еще дрались какъ соколы, мужественно отбиваясь отъ чернаго воронья — интернаціональныхъ силъ, среди которыхъ было не мало мадьяръ, латышей, австрійцевъ и нѣмцевъ, переодѣтыхъ въ красноармейскую форму и организованныхъ въ особые отряды.

Среди чеховъ особенно выдѣлялся изъ командировъ доблестный Швецъ — всегда въ бою, всегда на позиціи...

Душой и вдохновителемъ русскаго отряда на Волгѣ былъ молодой офицеръ Каппель; его добровольческій отрядъ, состоящій большей частью изъ офицерства, студенчества и гимназической молодежи, творилъ чудеса храбрости. Онъ держалъ въ страхѣ большевистскія силы и оборонялъ до послѣдней возможности весь, такъ называемый Услонскій районъ, на другомъ берегу Волги, отгоняя съ помощью о д н о й л и ш ь п у ш к и боль-

шевистскія банды — не только на сушѣ, но и на рѣкѣ. Этимъ-то воднымъ путемъ большевики и думали воспользоваться и, высадивъ десантъ, разъединить молодецкій отрядъ Каппеля съ главными силами и, окруживъ, уничтожить. Но каждый разъ Каппель, неожиданнымъ контръ-наступленіемъ, разрушалъ ихъ планы и часто бывало, что поддержанный нашей небольшой рѣчной флотиліей, обращалъ, какъ наступавшіе съ суши, такъ и съ Волги, большевистскіе, во много разъ лучше вооруженные, суда и пѣшіе отряды, въ бѣгство.

А между тѣмъ, число раненыхъ все увеличивалось и, наконецъ, рѣшено было серьезно заняться этимъ вопросомъ. Подъ госпиталь, или, вѣрнѣе, перевязочный пунктъ, было отведено Дворянское Собраніе, тамъ же была стоянка ночного дежурства внутренней стражи милиціи, несшей службу по отдѣльнымъ, разбросаннымъ по всему городу постамъ, на случай безпорядковъ или оказанія помощи и въ качествѣ резерва войскамъ, находящимся на позиціяхъ; какъ инвалидъ Великой Войны, я тоже получилъ назначеніе — начальника одного изъ сторожевыхъ постовъ внутренней охраны. Помощь этой охраны понадобилась въ послѣдній критическій моментъ защиты Казани.

Чтобы достать необходимыя деньги для ухода за ранеными, на лѣкарства и перевязочныя средства, которыхъ далеко не хватало, рѣшено было устроить день сбора и наименовать его «Днемъ Народной Арміи». —

Во дворцѣ бывшаго Командующаго Войсками Казанскаго Военнаго Округа генер. Сандецкаго, среди ряда разныхъ комиссій, засѣдала и комиссія культурно-просвѣтительная. Эта комиссія и возложила на меня задачу организовать литературный вечеръ въ Казанскомъ Городскомъ театрѣ, что и было съ успѣхомъ выполнено, при горячемъ откликѣ, какъ артистовъ, такъ и дирекціи этого театра.

Этотъ вечеръ-концертъ начался исполненіемъ чешскаго и сербскаго гимновъ и марсельезы, а вся программа

была посвящена славянской музыкѣ и славянскимъ произведеніямъ, и памяти Яна Гуса.

Городской театръ былъ переполненъ: отъ аристократа до рабочаго, — всѣ принесли свою лепту «Дню Народной Арміи».

Вечеръ - концертъ закончился американской лотереей, гдѣ публика, подъ вліяніемъ охватившаго ее жертвеннаго порыва, отдавала рядъ цѣнныхъ вещей, нѣкоторыя русскія дамы снимали съ себя даже обручальныя кольца и серьги.

Какъ это ни странно, но нужно подчеркнуть, что меньше всего, на призывъ жертвовать въ пользу больного и раненаго, отозвались имущіе классы — казанское купечество, которое, за рѣдкими исключеніями, нехотя развязывало свою мошну; были неоднократные случаи, когда сидѣвшіе на милліонахъ купцы давали не больше какъ керенку... двадцати или сорока рублевую — измятую и изорванную...

Между тѣмъ, событія развивались далеко не въ пользу нашу, иначе говоря, приближался роковой моментъ подведенія итога тѣмъ непоправимымъ ошибкамъ, которыя были допущены главарями движенія на Волгѣ.

Эти роковые итоги пришли неожиданнѣе, чѣмъ можно было-бы расчитывать; развязку ускорилъ мятежъ — выступленіе рабочихъ Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ.

Никто не ожидалъ, что Казань — главный городъ Поволжья, будетъ такъ быстро и внезапно сданъ.

Хотя рабочіе Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ и были усмирены, хотя по улицамъ города, за подписью городского головы Корсакова, отъ имени В. Лебедева и расклеивались воззванія, что Казани никакая опасность не угрожаетъ, и что населеніе призывается спокойно заниматься своимъ ежедневнымъ трудомъ — повсюду, тамъ и тутъ, чувствовалось приближеніе роковой развязки.

И она наступила скорѣе, чѣмъ ожидали, именно въ си-

лу тѣхъ причинъ, которыя могли-бы быть легко устранены, если-бы руководителемъ былъ не дилетантъ — морской министръ Керенскаго, а лицо опытное, авторитетное, разбирающееся въ обстановкѣ и заботящееся не о партійныхъ выгодахъ, а о пользѣ страждущаго Отечества и прежде всего только о немъ.

Руководители изъ «Комуча» не поняли и не оцѣнили достаточно всей важности г. Казани, какъ главнаго и опорнаго пункта всего Поволжья, да, откровенно сказать, и не до этого имъ было: съ утра до ночи и съ ночи до утра — митинги, засѣданія, собранія и опять митинги, — на которые допускались въ оппоненты ораторы съ явно коммунистической окраской, — отнимали у нихъ все дѣловое время.

Большевики, — наоборотъ, понявъ огромное значеніе Казани, воспользовались пустоболтаніемъ вождей противной стороны и заняли важный стратегическій пунктъ — переправу черезъ Волгу, укрѣпили въ то же время свои позиціи противъ Казани окопами, проволочными заграждеиіями и могущественной артиллеріей — вотъ почему всѣ усилія незначительнаго гарнизона Казани отбросить большевиковъ и развить дальнѣйшій успѣхъ, оказались запоздалыми и осуществлены быть не могли.

Не поняли или не хотѣли, — или же въ ихъ расчеты уже не входила эта «второстепенная задача», какъ удержаніе Казани, — главная задача — задача по вывозу золотого запаса изъ Казани была уже блестяще ими выполнена. А что она была въ это время выполнена «аккуратно» и кладовыя Казанскаго Казначейства были очищены своевременно и основательно — объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя данныя. Къ нимъ принадлежитъ, между прочимъ, мало извѣстная широкимъ русскимъ кругамъ, книга чешскаго легіонера маіора д-ра І. Ф. Кудели.

Книга эта носитъ названіе «О Россійскомъ золотомъ запасѣ и чехословацкихъ легіонахъ».

Издана она въ 1924 году въ Прагѣ, въ «Легіографіи» собственной типографіи легіонеровъ, являющейся од-

нимъ изъ многочисленныхъ предпріятій Банка Чехословацкихъ Легіонеровъ.

Беру эту книгу, не какъ первую попавшуюся (*), а потому, что она является изданіемъ, съ одной стороны, официознымъ, а съ другой, настойчиво рекомендуется русскимъ; такъ, напримѣръ, она была прислана въ библіотеки русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Прагѣ, для студентовъ эмигрантовъ и прислана съ «предложеніемъ» ознакомить всѣхъ русскихъ студентовъ даннаго высшаго учебнаго заведенія съ ея содержаніемъ.

«О Казанскомъ золотомъ запасѣ, — пишетъ д-ръ Куделя, — часто говорятъ и пишутъ въ томъ смыслѣ, что обвиняютъ Чехословацкое войско въ Россіи въ лишеніи Русскаго Народа его золотого запаса. Иногда это толкуется съ дѣйствительной или притворной симпатіей къ названнымъ легіонамъ, съ симпатіей, которая старается ихъ оправдать, другой же разъ — съ ненавистью указывается на то, что чехословацкіе легіонеры растащили изъ золотого запаса столько, сколько хотѣли.

Нерѣдко утверждаютъ, что изъ украденнаго золота образовался основной капиталъ и фонды Банка Чехословацкихъ Легіонеровъ.

Нелѣпая агитація нѣкоторыхъ группъ русскихъ реакціонеровъ развлекаетъ свою публику сказками о томъ, что высокій (сравнительно съ другими средне-европейскими государствами) курсъ чехословацкой кроны подкрѣпленъ золотомъ, украденнымъ изъ Казанскаго золотого запаса.

Вотъ почему я написалъ этотъ очеркъ исторіи той части Россійскаго золота, которое лѣтомъ 1918 года было захвачено у большевиковъ въ Казани, а въ началѣ весны 1920 года досталось имъ обратно.

Матеріалъ доставили мнѣ, помимо упомянутыхъ ста-

---

*) О д-рѣ Куделѣ газ. "Narodni Listy" (№ 231, 24 авг. 1926), говоритъ, что это одинъ изъ историковъ русскихъ легій и передовыхъ мыслящихъ людей. (Авт.).

тей и книгъ, равно какъ и соотвѣтственной литературы о легіонахъ, прежде всего устныя информаціи, которыя я старался, насколько это возможно, достать отъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ исторіи золотого запаса; изъ нихъ я называю И. М. Брушвита, генерала Я. Сырового, генерала Ст. Чечека, полковника Л. Крейчи, подполковника Фр. Шипа, подполковника Р. Медека и д-ра І. Благоша; д-ръ Глосъ прислалъ мнѣ изъ Познани свой разсказъ письменно».

Однако, что же это за лица, на устной информаціи которыхъ, главнымъ образомъ, построенъ весь очеркъ о «Россійскомъ золотомъ запасѣ».

Говоря объ этихъ лицахъ, я прежде всего долженъ замѣтить, что, быть можетъ, я не коснулся бы ихъ, если-бы на нихъ въ своей книгѣ не опирался самъ авторъ, маіоръ д-ръ Куделя, сославшись на этихъ лицъ, какъ на живые документы.

И. М. БРУШВИТЪ — членъ партіи эсъ-эровъ, бывшій министръ финансовъ Самарскаго эсъ-эровскаго «Комуча»; по его именно приказу Россійскій золотой запасъ и былъ перевезенъ изъ Казани въ Самару.

И. М. Брушвитъ пользуется сейчасъ въ Прагѣ исключительнымъ вниманіемъ Чехословацкаго Правительства, т. е. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое въ Чехословацкой республикѣ является доминирующимъ.

Всѣ же остальные «живые документы», упомянутые авторомъ, на устныя информаціи которыхъ онъ ссылается — чехи, легіонеры, т. е. тѣ же «обвиняемые», безпристрастіе которыхъ представляется весьма сомнительнымъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ являются непосредственно заинтересованными, — какъ напр., подполковникъ ФР. ШИПЪ, одинъ изъ директоровъ Легіобанка и одинъ изъ организаторовъ финансовъ Чехословацкихъ легіонеровъ въ Россіи.

Или, напр., маіоръ д-ръ І. БЛАГОШЪ, бывшій уполномоченный Правительства Чехословацкой Республики въ

Иркутскѣ, выдавшій адмирала А. В. Колчака большевикамъ.

Или генералъ ЯНЪ СЫРОВОЙ, бывшій Командующій Чехословацкими легіонами въ Сибири, — бывшій Военный Министръ Чехословацкой Республики, а нынѣ Начальникъ Генеральнаго Штаба.

Я не буду касаться остальныхъ лицъ — я лишь упомяну, что ни по какимъ законамъ въ мірѣ — «обвиняемые» не могутъ быть въ одно и то же время и свидѣтелями.

Несмотря на все это, будемъ, однако-же, и мы опираться на эти свидѣтельства и прослѣдимъ судьбу Казанскаго золотого запаса.

Д-ръ Куделя описываетъ, какимъ образомъ въ Казани былъ сосредоточенъ золотой запасъ. «Брестскіе переговоры о мирѣ между Центральными державами и представителями Совѣта Народныхъ Комиссаровъ были во второй половинѣ февраля прерваны заявленіями совѣтскихъ делегатовъ: аннексіоннаго мира мы не подпишемъ, но и воевать не будемъ, на что Германія отвѣтила приказомъ своимъ войскамъ — перейти въ глубь Россіи.

Въ виду этого германскаго наступленія, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ рѣшилъ сосредоточить весь золотой запасъ Россіи въ Казани, въ кладовыхъ мѣстнаго Отдѣленія Государственнаго Казначейства.

По предписанію Предсѣдателя Совнаркома, были спѣшно приспособлены подвальныя помѣщенія Банка подъ кладовыя и, съ мая мѣсяца, началась перевозка въ Казань металлическихъ запасовъ изъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ,

Такъ какъ впослѣдствіи миръ все таки не только былъ подписанъ и утвержденъ Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ, но въ Москву прибылъ уже германскій посолъ, то приходится искать другую причину эвакуаціи и концентраціи золотого запаса. А найдется она, вѣроятно, во внутреннемъ положеніи совѣтской власти того времени, когда приходилось безпокоиться за будущій день, ввиду того,

что и въ самой красной столицѣ положеніе было не вполнѣ надежнымъ.

Какъ-бы то ни было, въ Казани предположено было сосредоточить весь золотой запасъ Россіи, золотой запасъ Румыніи (пресловутую Румынскую «кукушку»), а также значительную часть серебра.

Взятіе Самары чехословаками (въ началѣ іюня) пріостановило эвакуацію запасовъ Москвы, но изъ другихъ городовъ она продолжалась въ теченіе всего іюня мѣсяца.

Въ общемъ, въ Казань, по утвержденію д-ра Кудели, за это время было доставлено золота въ монетѣ и слиткахъ на сумму свыше **пятисотъ милліоновъ** рублей номинальныхъ — 531 ящикъ съ золотомъ, платиной и издѣліями (медалями и крестами) монетнаго двора, около **восьми милліоновъ** серебряной монеты и на **сто тридцать три милліона** рублей процентныхъ бумагъ вкладчиковъ Петроградской Сберегательной Кассы.

«Послѣ взятія чехословаками Симбирска, Ленинъ и главный Комиссаръ Банка, Поповъ, предприняли спѣшно розыски новыхъ помѣщеній для перевозки металлическихъ запасовъ, но обслѣдованіе Вятки и Перми, куда предполагалось ихъ эвакуировать, не дало удовлетворительныхъ результатовъ.

Тогда-же, въ Нижнемъ-Новгородѣ, была снаряжена особая экспедиція изъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ, задачей которыхъ являлась погрузка казанскихъ металлическихъ запасовъ и отправка ихъ вверхъ по Волгѣ до Нижняго, а затѣмъ по рѣкѣ Окѣ.

Мѣсто новаго храненія запасовъ въ точности не было извѣстно: по одной версіи предполагалось вывезти ихъ въ Москву, по другой — сложить въ Коломнѣ, подъ особой охраной рабочихъ Коломенскаго завода, а по третьей — баржи съ металломъ потопить въ руслѣ рѣкъ Волги и Оки.

Экспедиція эта прибыла въ Казань 28 іюля и приступила къ подготовкѣ погрузки. Предварительныя совѣщанія

и подготовительная работа заняли около недѣли времени и на 5 августа было назначено начало работъ по погрузкѣ.

Но въ 8 часовъ вечера, когда были поданы къ зданію Банка вагоны трамвая и пришли рабочія команды, со стороны пристаней, отстоящихъ верстахъ въ семи отъ города, раздался первый пушечный выстрѣлъ.

Стоявшій у пристаней караванъ судовъ снялся съ якорей и ушелъ вверхъ по Волгѣ, въ городѣ-же остались два комиссара (изъ пяти прибывшихъ для погрузки золота), которые, погрузивъ на четыре грузовика **сто** ящиковъ золота на приблизительную сумму **сто милліоновъ** рублей и на **девяносто пять милліоновъ** кредитныхъ билетовъ, уѣхали около 4-хъ часовъ ночи.

Въ ту-же ночь правленіемъ Банка было получено отъ мѣстнаго Совѣта предписаніе о немедленной выдачѣ всѣхъ денежныхъ знаковъ, но это предписаніе не было исполнено».

«Въ началѣ августа 1918 года, военное командованіе только что возникшаго Поволжскаго фронта, поставило задачей соединиться съ Арміей генерала Деникина на югѣ, находящейся всего въ какихъ нибудь ста верстахъ, для чего нужно было взять Саратовъ.

Но помощнику военнаго министра «Комуча» Вл. Лебедеву удалось убѣдить командованіе, что надо итти не на Саратовъ, а въ противоположномъ направленіи — на сѣверъ, гдѣ легко можно овладѣть крупнымъ и богатымъ городомъ Казанью, въ которомъ, помимо огромныхъ военныхъ складовъ, находится недавно перевезенный туда **«золотой запасъ».**

И такъ вразрѣзъ съ планомъ Верховнаго Командованія и помимо запрещенія Командующаго Поволжскимъ Фронтомъ, Вл. Лебедевъ и Степановъ повели группу войскъ на сѣверъ и 6-го августа 1918 года взяли гор. Казань.

Управляющій Отдѣломъ (Министерствомъ) Финансовъ въ Самарскомъ Правительствѣ въ то время былъ Членъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія И. М. Брушвитъ

онъ немедленно отдалъ приказъ — о перевозкѣ золотого запаса въ Самару.

Этотъ приказъ встрѣтилъ въ Казани извѣстное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ дѣятелей, которые желали сдѣлать Казань центромъ антибольшевистской борьбы, и потому отказывали въ эвакуаціи чего-бы то ни было — въ Самару были лишь отправлены тѣ **восемьдесятъ милліоновъ** рублей, которые незадолго до боевъ съ Чехословаками, были перевезены изъ Самарскаго Государственнаго Банка въ Казань.

Въ отвѣтъ послѣдовалъ второй приказъ и очень рѣшительный: «Комучъ» отдалъ спѣшное распоряженіе замѣстителю Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедеву, принять экстренныя мѣры для немедленной отправки золотого запаса изъ Казани въ Самару и употребить для этой цѣли **всѣ имѣющіяся перевозочныя средства.**

Управляющій Министерствомъ Финансовъ отправляетъ съ этой цѣлью изъ Самары въ Казань **триста** человѣкъ и **два** грузовика; изъ этихъ **трехсотъ** человѣкъ — **сто** были взяты изъ студенческой боевой дружины. **сто** — изъ сапернаго баталіона и **сто** изъ Самарской оргнизаціи партіи «эсъ-эровъ».

Далѣе въ книгѣ приводится нижеслѣдующая радіотелеграмма Вл. Лебедева: (1)

«Казань. Всѣмъ. Комитету Членовъ Учредительнаго Собранія и всѣмъ радіостанціямъ:

Сообщаю, что въ настоящую минуту отправка золотого запаса, принадлежащаго Россіи, закончена.

Я отправилъ изъ Казани:

1. Весь золотой запасъ въ нарицательную стоимость шестьсотъ пятьдесятъ семь милліоновъ рублей, по нынѣшней цѣнѣ шесть съ половиной милліардовъ рублей.

2. Сто милліоновъ рублей кредитными билетами.

---

*) Эта радіо-телеграмма была напечатана въ "Вѣстникѣ Учредительнаго Собранія" отъ 25 августа 1918 года, № 38. (Авт.).

3. На огромную сумму всякихъ другихъ цѣнностей.

4. Запасы платины и серебра.

Счастливъ донести, что теперь все это народное достояніе отъ грабителей и предателей, полностью, перешло въ руки Учредительнаго Собранія и Россія не должна безпокоиться о цѣлости своего богатства.

Помощникъ Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедевъ».

Я уже говорилъ, что вывозъ золота произвелъ на населеніе удручающее впечатлѣніе и, несмотря на успокаивающія завѣренія властей, всѣ отлично понимали, что Казань будетъ оставлена.

Надъ городомъ появились уже большевистскіе аэропланы, которые сбрасывали летучки съ угрозами населенію всяческими репрессіями, если оборона города будетъ продолжаться. Подвозъ продуктовъ изъ деревень почти прекратился, слухи — одинъ другого нелѣпѣе и тревожнѣе, ползли по городу...

Д-ръ Куделя оговаривается, что хотя въ его задачу не входитъ приводить цифровыя данныя золотого запаса, но, будучи увѣреннымъ въ томъ, что читателей этотъ вопросъ интересуетъ — онъ приводитъ цифры, опубликованныя впослѣдствіи Омскимъ Министерствомъ Финансовъ:

«Всего запасовъ изъ Казани вывезено:

золота:

а) въ русской монетѣ на	—	523.458.484 р. 42 к.
б) въ иностранной "	—	38.065.322 р. 57 к.
в) въ слиткахъ	—	90.012.027 р. 65 к.
Итого	—	651.535.834 р. 64 к.

Опредѣляя эти суммы, д-ръ Куделя, найдя разницу между приведенной имъ общей суммой золота и упомянутой выше радіо-телеграммой В. Лебедева приводитъ и сумму, упомянутую въ этой телеграммѣ, а именно, что номинальная стоимость Казанскаго золота была опредѣлена суммой — 6 5 7. 0 0 0. 0 0 0 рублей.

Такимъ образомъ мы видимъ разницу пока около семи милліоновъ рублей золотомъ.

Разницу эту д-ръ Куделя объясняетъ недостаточностью сообщенья Вл. Лебедева, который, будто-бы, преслѣдовалъ лишь агитаціонную цѣль, а именно: сообщая о перевозѣ золотаго запаса изъ Казани, онъ, будто-бы, хотѣлъ уменьшить такимъ образомъ интересъ къ этому пункту (? — Авт.).

Далѣе, согласно того-же радіо-телеграфнаго сообщенія Вл. Лебедева, въ Казанскомъ золотомъ запасѣ было кредитныхъ билетовъ на сто милліоновъ рублей и на огромную сумму разныхъ другихъ драгоцѣнностей, и кромѣ того большіе запасы платины и серебра; такимъ образомъ получается еще «маленькая» — разница уже на сумму свыше ста милліоновъ рубелй, не считая платины, серебра и другихъ драгоцѣнностей.

Но что чрезвычайно интересно, такъ это слѣдующее обстоятельство: д-ръ Куделя объявляетъ, что самъ бывшій Министръ Финансовъ Самарскаго «Комуча» И. М. Брушвитъ, въ сообщеніи о Казанскомъ золотѣ, заявилъ, что чиновники Государственнаго Банка оцѣнивали стоимость Казанскаго золотого запаса въ одинъ милліардъ сто милліоновъ рублей (Чехосл. журналъ «Пржеродъ», № 3,годъ изд. 1).

Очевидно, чиновники Казанскаго Государственнаго Банка оцѣнивали запасы платины, серебра и другія цѣнности, помѣченныя въ телеграммѣ Вл. Лебедева, не больше не меньше какъ въ полмилліарда рублей, т. е. они-то и составляли чуть-ли не половину всего золотого запаса, вывезеннаго изъ Казани; кромѣ того, сюда нужно присоединить и вышеупомянутые восемьдесятъ милліоновъ рублей, отправленные въ Самару.

Но, какъ мы видимъ изъ цифръ Омскаго Казначейства, весь золотой запасъ, привезенный въ Омскъ, составлялъ всего лишь: 651.535.834 р. 64 к., т. е. немногимъ боль-

ше половины вывезеннаго изъ Самары въ Уфу въ сентябрѣ 1918 года.

Въ это время въ Уфѣ (сентябрь 1918 г.) эсъ-эры организовали Директорію. Новорожденная Директорія, конечно, была еще слишкомъ слаба и тутъ-же на Совѣщаніи обратилась съ просьбой къ присутствующимъ въ качествѣ «гостей» представителямъ Отдѣленія Чехословацкаго Національнаго Совѣта, предоставить охрану для золотого запаса, который долженъ былъ прослѣдовать въ Челябинскъ.

«Ихъ просьба была удовлетворена, — разсказываетъ далѣе д-ръ Куделя, — и къ эшелонамъ россійскаго золота были приставлены чехословацкіе патрули.

Вагоны продолжали быть опечатанными самарскими печатями и находиться подъ присмотромъ чиновниковъ Самарскаго Правительства и Государственнаго Банка, которые сопровождали золотой запасъ еще изъ Казани.

Золото было привезено въ Челябинскъ, гдѣ въ то время находился Главный Штабъ противобольшевистскаго фронта, и тамъ оно было перегружено изъ вагоновъ въ бетонные подвалы казеннаго элеватора».

Объ этой-же передачѣ эсъ-эрами золотого запаса подъ чешскую охрану имѣется документъ и въ книгѣ В. Зензинова: «Государственный переворотъ Адмирала Колчака въ Омскѣ 18 ноября 1918 года») изданіе: Парижъ, 1919 г., стр. 43).

У д-ра Кудели читаемъ:

«Какъ извѣстно, золотой запасъ, захваченный въ Казани и перевезенный оттуда въ Самару, былъ затѣмъ эвакуированъ въ Сибирь, гдѣ долженъ былъ поступить въ распоряженіе Всероссійскаго Правительства.

Въ связи съ Омской катастрофой (1) и новымъ кризисомъ власти, Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами, въ

---

*) Взятіе власти Адм. Колчакомъ (Авт.)

засѣданіе Совѣта отъ 28 ноября с. г., принялъ слѣдующее постановленіе:

«Въ виду того, что формальная передача серебрянаго запаса Комитета Членовъ Учредительнаго Собранія Всероссійскому Временному Правительству, по независящимъ отъ Комитета причинамъ, не состоялась, а Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами не имѣетъ возможности охранять этотъ запасъ — поручить члену Совѣта Ф. П. Рудько обратиться къ Чехословацкому Національному Совѣту съ просьбой о томъ, чтобы онъ принялъ весь эвакуированный изъ города Самары въ Сибирь золотой и серебряный запасъ подъ свою охрану для передачи, какъ общероссійскаго достоянія, Всероссійскому Учредительному Собранію или Всероссійскому Правительству, которое можетъ явиться, какъ результатъ общаго соглашенія и потому будетъ пользоваться общимъ признаніемъ».

Въ связи съ этимъ постановленіемъ, Совѣтомъ Управляющихъ Вѣдомствами послана Чехословацкому Національному Совѣту слѣдующая телеграмма:

«Екатеринбургъ. Чехосовѣту. При взятіи Чехословаками и войсками Народной Арміи въ августѣ мѣсяцѣ Казани, — захвачены были находившіяся въ Государственномъ Банкѣ золото, платина и серебро, къ вывозу которыхъ въ Москву большевики приступили за два дня до паденія Казани, но успѣли захватить съ собой только нѣсколько десятковъ пудовъ золота. Всего въ Казани взято было 40.000 пудовъ золота и платины — въ слиткахъ и монетѣ, т. е. большая часть всего запаса золота, принадлежащаго Россійскому Государству, и 30.000 пудовъ серебра.

Чтобы сохранить эти цѣнности отъ возможности обратнаго захвата ихъ большевиками, Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія распорядился перевезти ихъ въ Самару, а затѣмъ въ Сибирь, съ тѣмъ, чтобы передать ихъ потомъ, какъ всенародное достояніе, Всероссійскому Временному Правительству.

Однако, эта передача не успѣла состояться и, съ па-

деніемъ Всероссійскаго Правительства, возникаетъ опасность, что захваченныя отъ большевиковъ цѣнности попадутъ въ руки тѣхъ, которые используютъ ихъ во вредъ Россіи. Поэтому Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами постановилъ въ засѣданіи 28 сего ноября: ввѣрить указанныя выше цѣнности Чешскому Народу, въ лицѣ Чехосовѣта, для охраны и затѣмъ передачи Учредительному Собранію или общепризнанному Правительству съ тѣмъ, чтобы до этой передачи никто этими цѣнностями распоряжаться не могъ.

Оффиціальный текстъ постановленія Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами о передачѣ будетъ присланъ дополнительно».

Въ чемъ несходство этой телеграммы съ разсказомъ д-ра Кудели? В о в р е м е н и. Д-ръ Куделя говоритъ, что эта передача состоялась на Уфимскомъ Совѣщаніи, т. е. въ сентябрѣ 1918 года — эта же телеграмма говоритъ о спасеніи золота отъ принявшаго единоличную власть адмирала Колчака, т. е. о событіяхъ въ ноябрѣ 1918 года.

Во всякомъ случаѣ, Казанскій золотой запасъ не залежался и въ Челябинскѣ.

Въ половинѣ октября 1918 года, по свидѣтельству д-ра Кудели, Омское Министерство Финансовъ (еще, значитъ, до переворота адмирала Колчака), въ лицѣ министра финансовъ Михайлова, распорядилось перевезти золотой запасъ въ Омскъ безъ вѣдома и согласія, какъ Директоріи, такъ и Главнокомандующаго генерала Сырового, въ ставкѣ котораго находилось золото. Замѣщавшій въ то время генерала Сырового, во время его отсутствія, начальникъ его штаба, генералъ М. К. Дитерихсъ, разрѣшилъ погрузить золото въ вагоны и отправить въ Омскъ, подъ охраной чешскаго караула.

Въ концѣ книги, какъ-бы между прочимъ, д-ръ Куделя добавляетъ, что министръ финансовъ Самарскаго «Комуча», Брушвитъ, указываетъ, что во время перевозки изъ Казани золото вѣсило 80.000 пудовъ и для перевозки понадобилось два поѣзда по сорокъ вагоновъ каждый.

«Насколько-же помнитъ генералъ Сыровой, — пишетъ д-ръ Куделя, — золота въ Челябинскъ было привезено три эшелона въ составѣ около ста двадцати вагоновъ». И дальше неожиданно прибавляетъ: «разницу въ этихъ цифрахъ нужно объяснить тѣмъ, что кромѣ золота было въ Казанскомъ золотомъ запасѣ и серебро, и другія цѣнности».

Что-же это еще значитъ?

По сообщенію И. М. Брушвита, весь золотой запасъ съ упаковкой умѣщался въ двухъ поѣздахъ по сорокъ вагоновъ. Значитъ-ли это, что въ это количество онъ не включилъ такую «мелочь», какъ сорокъ вагоновъ серебра и драгоцѣнностей?..

«Адмиралъ Колчакъ увезъ съ собой изъ Омска только 28 вагоновъ» — обличительно киваетъ д-ръ Куделя.

Въ приводимомъ выше документѣ — просьба «Комуча» къ Чешскому Національному Совѣту взять подъ охрану золотой запасъ — указываемая цифра 40.000 пудовъ золота и 30.000 пудовъ серебра приблизительно подходитъ къ указаннымъ г. Брушвитомъ 80.000 — пудамъ золотого запаса — значитъ, въ общемъ, опять таки не болѣе двухъ эшелоновъ.

Но въ этомъ документѣ не упоминается о другихъ драгоцѣнностяхъ, хотя среди «просителей» былъ Вл. Лебедевъ, оповѣстившій «всѣхъ» въ своей радіо-телеграммѣ о «всякихъ другихъ цѣнностяхъ» на огромную сумму, и обнадежившій Россію не безпокоиться о цѣлости ихъ. О Самарскихъ восьмидесяти милліонахъ рублей также ничего не говорится , какъ будто это такая мелочь, о которой не стоитъ и упоминать. О такихъ-же пустякахъ, какъ сто милліоновъ кредитными — я уже и не говорю, ихъ и слѣдъ простылъ...

Въ концѣ концовъ — что-же мы узнаемъ отъ д-ра Куделя о Казанскомъ золотомъ запасѣ? Очень немного...

Сколько взято въ августѣ мѣсяцѣ въ Казани? Мы точно не знаемъ...

Сколько дошло въ сентябрѣ до Уфы? Неизвѣстно.

Сколько привезено чехами въ Челябинскъ? Со странной прибылью.

Сколько, наконецъ, получено Омскимъ Правительствомъ въ октябрѣ? Данныхъ нѣтъ...

Всѣ причастные или, какъ ихъ называетъ д-ръ Куделя, «живые документы», вмѣсто того, чтобы ясно и опредѣленно сказать: «мы приняли столько-то», говорятъ: только: «изъ Казани вывезено»... и при этомъ не только впадаютъ въ странныя противорѣчія, но словно нарочно, въ своихъ показаніяхъ преподносятъ величины несоизмѣримыя: рубли, ящики, эшелоны, вагоны, пуды и т. д...

Да не посѣтуетъ читатель, что я такъ долго задержался на этомъ больномъ вопросѣ.

Вывозъ золота изъ Казани — событіе государственной важности и во всей борьбѣ за Волгу играетъ главнѣйшую роль, слѣдовательно, и каждаго русскаго патріота онъ интересуетъ прежде всего. Золотой запасъ — достояніе нашихъ дѣдовъ и отцовъ, переданное нашему поколѣнію. А какъ мы распорядились съ этимъ наслѣдствомъ? Кто-то пришелъ, взялъ, погрузилъ, возилъ, перевозилъ, другъ у друга выхватывалъ съ цѣлью «спасти» и такъ «спасли», что теперь и концовъ не найдешь...

И сами мы, русскіе люди, дошли до такого состоянія, что даже интересоваться судьбой русскаго золота считается чуть-ли не зазорнымъ. Конечно, истина выяснится въ полной мѣрѣ по возстановленіи нашей Родины, но и сейчасъ, въ глухую ночь, когда всѣ кошки сѣры, мы этимъ вопросомъ должны интересоваться и освѣщать его, не взирая на то, что кому-нибудь и почему-нибудь это не нравится. Болѣе того, — это нашъ нравственный долгъ, ибо грядущее намъ на смѣну поколѣніе предъявитъ намъ рано или поздно грозный вопросъ: «А что вы сдѣлали съ наслѣдствомъ дѣдовъ»?

На этотъ вопросъ мы должны быть готовы дать ясный и опредѣленный отвѣтъ.

Казань продолжала переживать послѣдніе дни передъ паденіемъ; какъ миражъ, постепенно исчезала и, наконецъ, совершенно исчезла надежда на помощь союзниковъ. Обстрѣлъ города усилился, къ большевикамъ подошли сильныя подкрѣпленія изъ интернаціональныхъ отрядовъ, формированіе которыхъ ими въ то время тщательно скрывалось.

И вдругъ, какъ-то внезапно, стало извѣстно, что Казань оставлена не только представителями Правительства, Лебедевымъ и Фортунатовымъ, но и военнымъ командованіемъ, и что войска отходятъ на Сибирскій трактъ — въ городѣ началась паника.

Извѣстіе объ оставленіи Казани войсками пришло поздней ночью съ 7 на 8 сентября, и всѣ казанцы, кто хоть мало-мальски былъ связанъ съ дѣломъ обороны родного города, поняли, что они первые подвергнутся всѣмъ жестокостямъ, неоднократно обѣщаннымъ Троцкимъ въ его приказахъ...

Начались тяжелыя сцены разставанья.

Голосила молодая жена, прощаясь съ мужемъ добровольцемъ и немогущая послѣдовать за нимъ въ неизвѣстность съ двумя маленькими дѣтьми.

Старый русскій генералъ, участникъ многихъ кампаній, послѣдній разъ крестилъ своего единственнаго сына-гимназиста-добровольца, наказывая ему стоять до конца за трехцвѣтное русское знамя.

Безсильно рыдала, пришибленная горемъ, старушка мать, надѣвая на сына студента образокъ Казанской Божьей Матери.

Вотъ идетъ слободской рабочій, окруженный цѣлымъ выводкомъ своихъ ребятишекъ. Нѣсколько разъ онъ останавливается и беретъ по очереди на руки то того, то другого малыша, никакъ не желающихъ отстать отъ «тяти».

Уже розданы всѣ гостинцы, обѣщаны всѣ подарки, а ребятишки все бѣгутъ за отцомъ. Наконецъ, уговаривавшая ихъ мать махнула рукой и кинулась назадъ — въ свой слободской домишко. Наспѣхъ захвативъ кое-что,

она возвращается, и уже всѣ вмѣстѣ, они спѣшатъ къ городскимъ воротамъ.

Помню, какъ потомъ я собиралъ эту дѣтвору на большую скрипучую телѣгу; дѣти беззаботно пѣли пѣсни, смѣялись, а вокругъ шли понурившись родители...

По дорогамъ тянулись бѣженцы, также нагруженные дѣтьми и захваченными впопыхахъ вещами... Попадались встрѣчные — это были поддавшіеся первой паникѣ и теперь возвращавшіеся обратно.

Среди нихъ вижу, измученное безсонной ночью, доброе лицо стараго преподавателя нашего реальнаго училища; онъ перекрестилъ меня: «вы идите, а я не могу уже, боленъ я, да и старъ» — и мы разстались.

Отходящихъ начали догонять новыя волны бѣженцевъ, которыя разсказывали, что красные уже вошли въ крѣпость и набросились на ближайшія улицы, что они грабятъ и разбиваютъ лавки, что уже сбросили съ колокольни священника и вообще творятъ разныя безчинства.

Надъ дорогами, усѣянными бѣженцами, летали нѣмецкіе аэропланы. А въ головѣ, какъ удары молота, раздавались слова проклятій, остающихся въ городѣ: «Зачѣмъ вы приходили? Вы растоптали нашу вѣру въ васъ. Вы хуже большевиковъ, — тѣ хоть прямо говорятъ, что идутъ грабить и убивать насъ, вы-же говорили, что пришли насъ спасать и... обманули... — предали насъ въ руки палачей, а сами трусливо убѣгаете».

Надъ головами, въ смутномъ сентябрьскомъ небѣ курлыкали перелетныя птицы, наводя на однихъ горькія думы о только что покинутыхъ гнѣздахъ, у другихъ-же вызывая надежды на лучшее, въ этой притаившейся гдѣ-то впереди неизвѣстности — куда они, шагъ за шагомъ, день за днемъ, все дальше и дальше уходили отъ родной рѣки...

Плакали росами тихо поля,
Глухо стонала родная земля.

Шелъ я, казалося, чуждой дорогою,
Сердце терзалося смутной тревогою.

Некого было на помощь позвать,
Некого Матерью было назвать...

Дали стонали протяжно и долго,
Тучи стояли надъ темною Волгой...

Плакали кровью пустыя поля, —
Куталась въ саванъ родная земля.

ГЛАВА II.

Въ мою задачу не входитъ описаніе спора за власть между Уфимской Директоріей и Сибирскимъ Правительствомъ и затѣмъ вступленіе въ единоличную власть Верховнаго Правителя Адмирала Колчака, бывшаго до этого времени министромъ Сибирскаго Правительства.

Роль чеховъ и отношеніе ихъ къ этимъ событіямъ вкратцѣ такова. Попытка «Учредиловцевъ» утвердить свою власть чешскими штыками не удалась. Чехи поддерживали ихъ открыто до тѣхъ поръ, пока было возможно. Возможность эта прекратилась по той простой причинѣ, что не кого стало поддерживать, ибо твердая власть оказалась въ рукахъ несоціалистовъ. Тов. эсъ-эры побѣжали было жаловаться чехамъ, но русская національная власть оказалась выше возможности поставить ей какія либо ультиматумы. Власть эта тотчасъ же принялась за укрѣпленіе русской военной силы, — не переставая въ то же время считать чешскихъ легіонеровъ своими союзниками. Чехи объявили, что вопросъ власти ихъ не касается, и что они не вмѣшиваются во внутреннія русскія дѣла. Что иного оставалось сказать послѣ того, какъ вмѣшательство и очень даже серьезное потерпѣло неудачу? Отсюда начинается второй, прозаическій періодъ пребыванія чехословаковъ въ Сибири. Они сильно разсердились на «реакціоннаго адмирала» Колчака и такъ и не могли простить ему его самого до тѣхъ поръ, пока не выдали его большевикамъ. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, въ какомъ тѣсномъ единеніи съ чехословацкими легіонерами проходила вся борьба эсъ-эровъ съ властью адмирала Колчака, и чѣмъ борьба эта закончилась.

На фронтѣ у чехословацкихъ легіонеровъ давно прошелъ пылъ дальнѣйшей борьбы съ большевиками, послѣ того, когда они встрѣтились лицомъ къ лицу съ регулярной Красной Арміей (подъ Бузулукомъ) и понесли большія потери. Это начало развала Чехословацкаго войска въ Россіи отмѣчено трагическимъ самоубійствомъ Начальника Чехословацкой Дивизіи Полковника Швеца. Онъ застрѣлился послѣ отказа своихъ войскъ выполнять боевые приказы противъ Красной Арміи.

Я помню похороны Полковника Швеца въ Челябинскѣ. Торжественно и грустно и стыдно было чего-то, — тогда еще не совсѣмъ понятнаго. Тогда же я ему посвятилъ стихотвореніе; вотъ оно:

РОДНОМУ ГЕРОЮ

Полковнику **Ш В Е Ц У.**

Судьбой въ Россію занесенный,
Ты за свободу палъ въ бою, —
Тебѣ, за родину свою,
Я стихъ слагаю, умиленный.
Ты доказалъ, проливши кровь,
Что намъ къ неволѣ нѣтъ возврата...
Прими жъ отъ славянина брата,
Прощальный стихъ — мою любовь...
Да будетъ подвигъ твой залогомъ
Единства родственныхъ славянъ,
Чтобъ слиться нашимъ двумъ дорогамъ
Въ единый путь Славянскихъ странъ.
И пусть звѣздою безпечальной
Намъ вѣчно подвигъ твой горитъ, —
И на твоей Отчизнѣ дальней
Привѣтъ мой эхо повторитъ...

Этотъ одинокій выстрѣлъ прозвучалъ, какъ грозное предостереженіе Чехословацкимъ Войскамъ, — любимый начальникъ предпочелъ одинокую смерть, чѣмъ жизнь безъ воинской чести. Быть можетъ, онъ думалъ, что его поступокъ заставитъ образумиться покатившееся назадъ Чехословацкое войско. Но Швецъ ошибся. Легіонеры

похоронили его съ музыкой, съ рѣчами, съ біеніемъ себя въ грудь, и продолжали уходить въ тылъ.

Это новое положеніе чехословацкихъ легіонеровъ русскими понималось, какъ временное — отдохнуть идутъ, устали, все лѣто были въ напряженіи. Не остыли еще благодарныя сердца, еще передъ глазами было ихъ побѣдное выступленіе. Никому и въ голову не приходило, что чехи окончательно бросаютъ фронтъ и болѣе туда не вернутся, — развѣ могутъ герои сидѣть въ тылу? Одна мысль объ этомъ была бы тогда оскорбительна.

Вѣдь недавно еще не было раздѣленія среди нашихъ военныхъ — чехъ ли, русскій ли, — все равно. Чехи — это мы. Не считались ни жертвами, ни подвигами; населеніе занятыхъ городовъ одинаково осыпало цвѣтами и подарками русскихъ и чеховъ — наши пришли.

До этого мы были — одно. Одинъ порывъ, одно стремленіе, одна могучая волна взмыла насъ и несла, прокатилась побѣдно по всей Сибири до Волги. Наши тайныя офицерскія и казачьи организаціи, безъ которыхъ немыслимъ былъ бы успѣхъ выступленія чеховъ, оставаясь въ тѣни, помогали закрѣпляться чешской тонкой нити на Великой Сибирской магистрали. Не считались рангами и чинами, — наши многоопытные боевые офицеры подчинялись чешскимъ, часто безграмотнымъ и глубоко штатскимъ начальникамъ. Словомъ, въ то время никто не считалъ чеховъ иностранцами, къ нимъ относились съ беззавѣтной любовью и довѣрчивостью, какъ къ своимъ собственнымъ дѣтямъ и братьямъ, на всемъ пространствѣ Сибири.

И вотъ, новое положеніе — отстраненіе чехами себя въ иностранцы. «Невмѣшательство» въ русскія дѣла — долго не могло вмѣститься въ русскія головы. Благодаря этому, много было совершено ошибокъ, слишкомъ болѣзненно потомъ переживалось разочарованіе,

больно отразился братскій ударъ въ размякшее русское сердце.

Теперь издалека, черезъ опытъ и спокойное изученіе вопроса, видимъ, что прозаически и безъ всякой волнующей славянской романтики дѣло произошло вотъ какъ:

«Прошли легкія побѣды, тріумфальные захваты пустыхъ городовъ», веселый разгонъ неорганизованныхъ доморощенныхъ красныхъ шаекъ.

Побѣда эта досталась необыкновенно быстро, легко, «играючи», ибо у большевиковъ во всей Сибири не было тогда никакихъ регулярныхъ войскъ. Импровизированные «красногвардейцы» съ винтовками на веревочкахъ, наскоро собранныя толпы рабочихъ — это не армія.

Въ № 34 «Краснаго Архива» опубликованы интересныя донесенія майора Пишона, члена Французской Военной Миссіи въ Петроградѣ, командированнаго въ Сибирь послѣ октября.

Майоръ Пишонъ въ то время (въ началѣ 1918 года) былъ главнымъ совѣтникомъ и освѣдомителемъ Парижа по сибирскимъ дѣламъ. Онъ настаивалъ на созданіи военной базы въ Сибири и считалъ эту задачу вполнѣ осуществимой, главнымъ образомъ, потому, что у большевиковъ въ Сибири не было въ то время арміи:

«Съ хорошо дисциплинированной дивизіей можно отвоевать всю желѣзную дорогу до Омска», — доносилъ майоръ Пишонъ въ Парижъ.

И такъ «захваты пустыхъ городовъ» прошли побѣдно, весело, и герои почили на лаврахъ.

Но вотъ пришла другая пора, и дѣло приняло серьезный оборотъ. Изъ Европейской Россіи надвинулась Красная Армія, какая-никакая, но все же за ней лежала одна изъ великихъ міровыхъ державъ. За фронтомъ безмолствовала стомилліонная страна. . .

Подумать было о чемъ. То-есть, подумать-то надо было немного раньше, передъ выступленіемъ, — если замахнулся, такъ ужъ бей. Но чехи все же рѣшили подумать,—лучше поздно, чѣмъ никогда. И думали они такъ,— не много, ни мало,—цѣлый годъ. Тотъ самый годъ, когда Русская Сибирская Армія держала фронтъ на Уралѣ, Чехословацкіе легіонеры сидѣли въ тылу, и сидѣли до тѣхъ поръ, пока не насталъ трагическій конецъ и Арміи, и всего, что было съ нею связано.

Прозаическая, безъ славянскаго романтизма, суть дѣла заключалась въ томъ, что цѣль выступленія чеховъ была теперь достигнута. Цѣль выступленія — воспротивиться требованію Троцкаго — сдать оружіе. Требованіе это имѣло логическое основаніе: Чехи — военноплѣнные, снаряженные и одѣтые русской властью, и русская же, та или иная, власть имѣла право взять это снаряженіе обратно.

Теперь между Троцкимъ и чехами сталъ Адмиралъ Колчакъ, Красный Халивъ на Часъ остался за Уралом. Угроза разоруженія отпала, что и требовалось доказать. Чехи рѣшили, — **миръ съ Германіей на Западѣ, вѣдь, означалъ миръ и съ большевиками.**

Хотя мнѣніе большевиковъ на этотъ счетъ не совпало съ чешскимъ — большевики остались на прежней точкѣ зрѣнія, а именно: черезъ годъ, когда колчаковскій фронтъ рушился и чехи оказались лицомъ къ лицу съ красными, чехи такъ поспѣшно бѣжали отъ красныхъ, что вылѣзали даже изъ своихъ драгоцѣнныхъ насиженныхъ теплушекъ, оставляя не только всѣ свои пожитки, но бросая даже броневики. Однако, это не помогло, красные настигли чешскій тылъ и открыли огонь.

Наконецъ, чехословацкіе легіонеры сдѣлали попытку выслать парламентеровъ на переговоры.

Однако, тутъ красный командиръ отвѣтилъ имъ: — «Разговаривать намъ не о чемъ. Вы — русскіе военноплѣнные, и должны немедленно сдать все русское воору-

женіе». Ниже мы увидимъ, что потомъ, въ Куйтунѣ, между красными и легіонерами, миръ все-таки былъ заключенъ.

Съ родины шли вѣсти о провозглашеніи самостоятельной Чехословацкой Республики, — стоило ли дальше воевать — вѣдь, «мы уже освободили нашъ народъ». «До ботъ войну! Домой»! Какъ писалъ «Ганакъ», одинъ изъ легіонерскихъ журналовъ, издававшихся въ Сибири.

«Въ Версалѣ начинается грандіозная торговля... Народъ нашъ не нуждается въ просьбахъ, потому что не нуждается ни въ чьей помощи. Онъ самъ себѣ помогаетъ, онъ это доказалъ!».

Въ общемъ, выстрѣлъ полковника Швеца прозвучалъ одиноко. Это былъ послѣдній чешскій выстрѣлъ въ войнѣ съ большевиками. Все послѣдующее была уже не война.

Въ частяхъ начались митинги, появились ораторы противъ командnаго состава, требованіе выборныхъ начальниковъ, съѣзды делегатовъ воинскихъ частей, — и надо всѣмъ этимъ стоялъ вопль: «Домой!».

Политическіе руководители и военное командованіе переполошились. Но все же кое-какъ усидѣли на своихъ мѣстахъ, уладили дѣло компромиссами, и стали ждать эвакуаціи домой.

Итакъ, Чехословацкое войско, отступая, бросило фронтъ и потянулось по Сибири длинной лентой эшелоновъ или, какъ они сами говорили тогда, «гадомъ» (змѣй), возвратилось опять на тѣ мѣста, гдѣ находилось до своего славнаго выступленія. Началась для легіонеровъ теплушечная жизнь на станціяхъ Сибирской желѣзной дороги, съ малыми передвиженіями. Типичная картина для сибирскихъ станцій на протяженіи всего 1919 года. Всюду, въ тупикахъ и на запасныхъ путяхъ, стоятъ эшелоны красныхъ вагоновъ — «40 человѣкъ. 8 лошадей». Только теплушки благоустроенныя, съ печками и окнами. Снаружи всѣ разрисованы цѣлыми картинами и украшеніями изъ

березовой коры. Среди «жилыхъ» теплушекъ стоятъ, обычно, груженые составы, платформы, тщательно обтянутыя брезентомъ.

Размѣстились легіонеры также и по городамъ, по казармамъ, въ военныхъ городкахъ, поселкахъ и станціонныхъ зданіяхъ. Ихъ эшелоны тянулись по всей магистрали, отъ Урала до Владивостока.

Надо сказать, что къ тому времени Чехословацкій Корпусъ неимовѣрно распухъ, — въ немъ было болѣе 50 тысячъ людей. Къ чехамъ-добровольцамъ, составлявшимъ первоначальное войско, присоединилось много «соотечественниковъ» изъ мадьяръ, евреевъ и нѣмцевъ, оставившихъ лагери военноплѣнныхъ. Они только-что записались въ «соотечественники» здѣсь же, какъ только была провозглашена новая свободная Республика Чехословаковъ. Новенькій чехословацкій мундиръ былъ тогда удобнымъ прикрытіемъ для всевозможныхъ новоиспеченныхъ «гражданъ», дѣльцовъ и талантовъ, поистинѣ завидныхъ.

Это было очень хорошее подданство. «Граждане» въ новенькихъ чехословацкихъ мундирахъ ѣздили по желѣзной дорогѣ, туда и сюда, что-то покупали, продавали, нагружали, перегружали, отправляли, получали, и наводняли станціи и улицы сибирскихъ городовъ толпами «знатныхъ иностранцевъ».

А кругомъ бушевало взбаламученное русское море.

Волны бѣженцевъ съ Волги и Урала заливали и безъ того переполненные города.

Мѣстныя власти, безсильныя что-либо исправить, метались въ тщетныхъ попыткахъ улучшить положеніе городовъ.

Сытый сибирскій городъ сталъ неузнаваемъ. Ободранныя столовки, длинныя очереди съ карточками, сѣрые, обвѣтренные обыватели, терпящіе нужду въ самомъ необходимомъ. Когда-то богатые, сибиряки должны были вновь и вновь жертвовать своимъ послѣднимъ, самымъ

необходимымъ, дѣлиться съ бѣгущимъ изъ за Урала братомъ и кровомъ и пищей.

Разъѣдаемый красной и полукрасной пропагандой, одурманенный кровавою страстью, русскій народъ пилъ горькую чашу, поднесенную ему Судьбой...

Съ фронта везли раненыхъ, не хватало лазаретовъ, медикаментовъ, во всѣхъ направленіяхъ отправлялись мобилизованные къ мѣстамъ призыва.

Постоянныя мелкія возстанія въ тылу, порча единственной артеріи огромной страны — желѣзной дороги — довершали трудную обстановку.

Въ то время Совѣтъ Союзныхъ Миссій придумалъ использовать стоящихъ въ тылу чеховъ для охраны дороги. Благо, они жили на путяхъ совершенно бездѣльно.

На каждой станціи былъ поставленъ чешскій комендантъ, въ распоряженіи котораго были паровозы и весь подвижной составъ. Онъ обладалъ въ своемъ районѣ огромной властью. Такъ, съ согласія Адмирала Колчака, дана была Чехословацкимъ легіонерамъ тыловая здача. Задержка транспорта изъ за злостнаго вредительства Сибирской дороги прекратилась.

Но впослѣдствіи, мало по малу, появилась другая болѣзнь — изъ охранителей дороги, чехословацкіе легіонеры стали превращаться въ фактическихъ ея владѣльцевъ. Съ особенной силой это завладѣніе дорогой сказалось послѣ паденія Омска. Тогда отступавшая Сибирская Армія принуждена была свернуть съ магистрали на таежныя дороги.

Самъ Адмиралъ, рискнувшій поѣхать по желѣзной дорогѣ, былъ задержанъ легіонерами въ пути, и послѣ цѣлаго мѣсяца плѣненія, былъ выданъ ими большевикамъ.

Обо всемъ этомъ будетъ разсказано ниже.

Въ началѣ же, когда легіонеры оставили фронтъ и ушли въ тылъ, ни правительство Адмирала Колчака, ни общество еще не видѣли, что чехи уже не вернутся на

фронтъ. Всѣ думали, что это только временный отдыхъ, необходимый послѣ пережитаго лѣтняго напряженія.

То же говорили и Союзные Представители.

Однако, было извѣстно, что Чехословацкое войско нуждается не только въ отдыхѣ, но и въ нѣкоторой реорганизаціи, нѣкоторой «чисткѣ».

Не только русскіе военные руководители, но и нѣкоторые изъ чешскихъ, типа Полковника Швеца, считали, что необходимо отобрать изъ войска негодный элементъ и посадить обратно въ лагери, или куда угодно, лишь бы убрать.

«Отвыкшихъ отъ дисциплины, пріучившихся жить на положеніи опекаемаго лѣнтяя и мелкаго спекулянта, распропагандированныхъ большевиками — убрать изъ войска!»

Кромѣ того, прекратить выборность начальниковъ, выгнать вонъ политическихъ ораторовъ, возстановить воинскую дисциплину. — Вотъ что нужно было сдѣлать для того, чтобы Чехословацкая Армія была бы не сборищемъ вооруженныхъ людей, а настоящей арміей, годной для возвращенія на фронтъ.

Союзники или «интервенты», какъ ихъ называли тогда въ Сибири, которые признали Адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ и оказывали поддержку всѣмъ противобольшевистскимъ вооруженнымъ силамъ (Деникинъ, Юденичъ, Архангельскій фонтъ), продолжали держать Чешское войско въ Сибири, не торопились съ его эвакуаціей.

Кромѣ чешскихъ, было въ Сибири и нѣкоторое количество войскъ сербскихъ, польскихъ, румынскихъ, англійскихъ, американскихъ.

Прибылъ въ Омскъ и Командующій Союзными Войсками въ Сибири, французскій ген. Жаненъ. Выходило такъ, что есть союзныя войска, есть союзный Командующій, но ни войска не воевали, ни Командующій не командовалъ. Генералъ Жаненъ фактически не былъ Командую-

щимъ, а имъ командовали Чехословаки, онъ же поспѣшно бросался выполнять ихъ команду, какъ увидимъ ниже.

Мало-по-малу его подчиненные начали вести себя такъ, какъ ведутъ себя побѣдители въ завоеванной странѣ.

Противъ этихъ сытыхъ, откормленныхъ, безъ дѣла въ тылу торчащихъ войскъ наростало глухое раздраженіе въ населеніи, въ Арміи и въ Правительствѣ.

Въ населеніи, измученномъ гражданской войной и недостаткомъ во всемъ, чехи, эти недавніе баловни и любимцы, теперь же какіе то разжирѣвшіе бездѣльники, вызывали косые взгляды:

— «Только дѣвокъ сманиваютъ, гладкіе»...

— «Ерои, попрыгали, насъ впихнули въ петлю, а сами наутекъ» —

— «Чего везете-то? Али завоевали»? —

Русская Армія, въ рубищѣ, кое-какъ снаряженная, — на фронтѣ, — Чехословаки же одѣты, обуты, вооружены — въ тылу.

Но кровавый жертвенникъ гражданской войны еще проситъ жертвъ. Русская Армія смотритъ на фронтъ, а не въ тылъ. Разъяренный врагъ у воротъ, всѣ силы надо сберегать для борьбы съ нимъ, пока еще теплится надежда побѣдить.

Впослѣдствіи Чехословаки смѣялись надъ тѣмъ, какъ русскіе въ то время «заманивали», «умасливали» чеховъ, чтобы помогали бороться противъ большевиковъ.

Они приводятъ« для смѣха», какъ «Адмиралъ Колчакъ имъ землю дарилъ».

Правительство Адмирала Колчака, дѣйствительно, въ іюлѣ 1919 года, выпустило грамоту къ Чехословацкимъ войскамъ.

Жалованая Грамота Верховнаго Правителя, Адмирала Колчака, Чехословацкимъ войскамъ въ Россіи, выразилась въ слѣдующемъ Постановленіи Совѣта Министровъ отъ 8-го іюля 1919 года:

«Объ отмѣнѣ ограниченій примѣчанія второго, статьи

830, Тома 1X, Свода Зоконовъ, въ отношеніи гражданъ Чехословацкой Республики, принявшихъ участіе въ борьбѣ за возрожденіе Россіи.

Въ воздаяніе заслугъ Чехословацкаго войска въ борьбѣ за возрожденіе Россіи, Совѣтъ Министровъ постановилъ:

1) Ограниченіе въ правѣ иностранцевъ на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ въ Туркестанскомъ Краѣ и Областяхъ:

Семипалатинской, Акмолинской, Семирѣченской, Уральской, Тургайской, Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской,

указанное въ примѣчаніи 2-мъ ст. 830 Зак. о Сост. Т. 1X, Св. Зак. по продолж. 1912 г.

не распространяется

на гражданъ Чехословацкой Республики, принимавшихъ непосредственное участіе въ бояхъ съ большевиками, а равно на прямыхъ потомковъ тѣхъ изъ нихъ, которые пали въ борьбѣ съ большевиками до изданія настоящаго постановленія, при условіи поселенія этихъ лицъ на пріобрѣтаемыхъ имуществахъ и подчиненіи ихъ всѣмъ дѣйствующимъ и имѣющимъ быть изданнымъ земельнымъ Законамъ Россійскаго Государства.

2) Въ случаѣ оставленія осѣдлости на пріобрѣтаемыхъ земляхъ, означенные граждане Чехословацкой Республики обязаны отчудить однимъ изъ указанныхъ въ Россійскихъ Законахъ, способомъ, принадлежащія имъ права на таковыя земли въ теченіе двухъ лѣтъ со времени Постановленія. Въ противномъ случаѣ, земли эти подлежатъ отчужденію, примѣнительно порядку, указанному въ п. П ст. Ш прилож. къ Св. Зак. и Постановленій Т. 1X.

Съ подлиннымъ вѣрно: подпись».

Потомъ, въ бытность мою въ Прагѣ, одинъ старый чешскій патріотъ, жившій долго въ Россіи, говорилъ мнѣ:

— Великихъ возможностей лишили легіонеры свою Родину. Чехословакія — малоземельная страна, — Адмиралъ Колчакъ предлагалъ намъ несмѣтно богатыя земли для колонизаціи. Земли эти могли бы озолотить нашъ народъ. Страна наша — промышленная, имѣла бы тогда свое сырье. Предали свой Народъ, бедѣльники, домой торопились, лодыри. А что дома дѣлать? Безъ Россіи мы все равно, какъ раки на мели. Только и ждемъ — когда она откроется».

Издавая Грамоту, Правительство Адмирала Колчака наивно не подозрѣвало, что Чехословацкіе легіонеры и безъ того считали Сибирь своей завоеванной страной.

Такъ, я лично не разъ потомъ въ Чехословакіи слышалъ отъ жителей, начитавшихся легіонерскихъ книгъ, что вы, д-, русскіе должны быть благодарны намъ, чехамъ, ужъ за то, что вамъ наши гоши (ребята) возвратили завоеванную ими Сибирь, которую они могли бы сдѣлать нашей колоніей. —

Лѣтомъ 1919 года изъ Праги пріѣхала Делегація отъ Президента Масарика, во главѣ съ Д-ромъ Сенаторомъ Крейчи.

По всѣмъ городамъ Делегаціи этой устраивались торжественныя встрѣчи, какъ, напримѣръ, въ г. Иркутскѣ былъ лично мною организованъ торжественный спектакль, гдѣ была представлена моя пьеса «Янъ Гусъ», въ честь только-что прибывшей Делегаціи.

Членовъ Делегаціи я привѣтствовалъ поэмой, которую передалъ въ старинномъ рѣзномъ ларцѣ, съ надписью на серебряной пластинкѣ.

На другой день отъ Д-ра Ф. В. Крейчи я получилъ слѣдующее посланіе:

«Уважаемый братъ!

Считаю своимъ долгомъ выразить Вамъ искреннюю благодарность отъ имени Делегаціи Чехословацкаго Правительства къ Чехословацкой Арміи въ Сибири, за Вашъ

интересъ къ нашему Народу и его Исторіи, который Вы проявили...

Мы были радостно удивлены видѣть въ Иркутскѣ на сценѣ пьесу о нашемъ національномъ гигантѣ, и найти здѣсь русскаго поэта, который съ такой любовью выражаетъ свои чувства къ нашему Народу и вдохновляется исторіей для литературныхъ произведеній.

Признаемъ съ радостью, уважаемый братъ, то что Вы сдѣлали для скрѣпленія взаимныхъ симпатій между нашей Арміей и Русскимъ Народомъ въ Сибири, и просимъ принять за Ваше братское, славянское чувство къ намъ нашу искреннюю благодарность.

За Делегацію Ф. В. Крейчи».

Вмѣстѣ съ этимъ, Предсѣдатель Делегаціи Д-ръ Крейчи, именемъ Президента и всего Правительства высказалъ пожланіе видѣть меня въ Золотой Прагѣ Чешской, какъ гостя.

Привожу здѣсь выдержку изъ газеты «Свободная Сибирь» отъ 8-9-19 г. о встрѣчѣ этой Делегаціи въ г. Красноярскѣ.

«Встрѣча Чехословацкой Делегаціи въ Красноярскѣ».
(Впечатлѣнія ночи 17 сентября)

Послѣ произнесенія на балконѣ рѣчей, всѣ присутствующіе были приглашены въ помѣщеніе Чехословацкаго Консульства, гдѣ, за чашкой чая, снова происходилъ обмѣнъ привѣтствіями. Говорилъ отъ лица Управляющаго Губерніей, Помощникъ Управляющаго Г. Г. Бондарь.

Въ краткой рѣчи, онъ указалъ, что тотъ подъемъ, тотъ энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчаетъ населеніе пріѣздъ Делегаціи, объясняется чувствомъ благодарности не только за физическую помощь, оказанную Чехословаками Россіи въ борьбѣ съ большевиками, но и за тотъ примѣръ патріотизма и разумнаго государственнаго

строительства, который показали Чехословаки въ дѣлахъ внутреннихъ».

Отвѣтную рѣчь на всѣ привѣтствія говорилъ глава Делегаціи, Д-ръ Крейчи.

Вождь Делегаціи подчеркнулъ то огромное впечатлѣніе, которое на него и его спутниковъ производитъ искреннее, сердечное чествованіе Делегаціи гор. Красноярскомъ.

Онъ говорилъ, что по возвращеніи на Родину, Делегація вправѣ сказать своему Народу, что она увидѣла въ Сибири чисто братскія отношенія между находящимися здѣсь Чехословацкими войсками и населеніемъ, и что съ тѣмъ же братскимъ привѣтомъ встрѣтило населеніе и ея пріѣздъ. Онъ говорилъ, что отнынѣ Сибирь, какъ и Россія, станетъ еще ближе и дороже Чешскому сердцу.

Онъ глубоко вѣритъ въ возрожденіе Россіи и возстановленіе ея былой мощи и величія».

Отъ миссіи журналистовъ, сопровождающей Делегацію, говорилъ, на русскомъ языкѣ, популярный чешскій журналистъ В. Червинка. Говорилъ онъ о томъ, что пріѣздъ сюда представителей Чехословацкой прессы дастъ имъ возможность подѣлиться со своимъ Народомъ личными впечатлѣніями, и разсказать объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Россіи.

Онъ высказалъ вѣру въ возсозданіе новой Россіи на демократическихъ началахъ, и привѣтствовалъ ее въ лицѣ находящихся здѣсь представителей общественности».

Ему отвѣчалъ Д. Басмановъ.

Онъ говорилъ, что общая задача русской и чешской печати — использовать настоящій историческій моментъ въ смыслѣ духовнаго объединенія Славянскихъ націй.

Свою рѣчь ораторъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы возможно скорѣе мы имѣли возможность снова привѣтствовать дорогихъ гостей, но уже не въ Сибири, а въ освобожденной отъ большевистскаго гнета Москвѣ».

Это пожеланіе вызвало бурю восторговъ.

Всѣхъ собравшихся тепло и сердечно привѣтствовалъ какъ гостей, Уполномоченный Чехо-войскъ Капитанъ Шейдъ.

Бесѣда затянулась далеко за полночь».

Встрѣча Делегаціи торгово-промышленниками.

«Въ 8 часовъ вечера торгово-промышленники устраивали, въ честь Делегаціи, чашку чая, въ залѣ Общественнаго Собранія.

Присутствовалъ Начальникъ всѣхъ Союзныхъ войскъ на территоріи Сибири Генералъ Жаненъ съ офицерами своего Штаба, Чехо-Словацкая Делегація въ полномъ составѣ съ г. Крейчи во главѣ, Начальникъ 3-ей Чехо-Словацкой дивизіи Полковникъ Прхала, со своимъ Штабомъ, Командиръ Сербскаго полка Павковичъ съ своимъ Штабомъ, Полковникъ французской службы Фелинъ съ офицерами Французской Миссіи, представители Американскаго Краснаго Креста. Русское Военное Командованіе было представлено въ лицѣ Начальника военнаго района Генерала Шарпантье, Начальника Штаба Командующаго Войсками Полковника Афанасьева и врем. Команд. 8-ой стрѣлк. Дивизіей Полк. Глассонъ, команд. Казач. Полк. Муратова и др. Присутствовали также Городской Голова А. П. Музыкинъ и большое количество приглашенныхъ.

Первымъ привѣтствовалъ Делегацію, отъ лица Торгово-промышленниковъ, Предсѣдатель Биржевого Комитета А. И. Афанасьевъ.

Благодарилъ за теплую встрѣчу глава Делегаціи г. Крейчи. Генераломъ Жаненомъ была также произнесена глубокая по содержанію, рѣчь, въ которой Генералъ говорилъ о близкой сердцу не только Россіи, но и Франціи, Бѣлокаменной Москвѣ».

Привожу описаніе встрѣчи Чешской Делегаціи въ г. Красноярскѣ изъ книги д-ра Крайчи «У Сибирской Арміи.» (Прага 1923 г.), стр. 111:

«Не знаю, смогли ли мы вообще отдохнуть въ тотъ первый день, проведенный въ Красноярскѣ — отъ ѣзды на автомобиляхъ, угощеній и выпивки. Знаю только, что уже вечеръ, и что я сижу опять за длиннымъ столомъ. Съ одной стороны отъ меня — русскій Генералъ, съ другой — помощникъ губернатора. Я — въ здѣшнемъ Общественномъ Собраніи (вродѣ нашей «Мѣщанской бесѣды») на «чашкѣ чая», которую устроилъ, чтобы насъ привѣтствовать, нашъ здѣшній Политическій Представитель Капитанъ Шейдъ. «Чаемъ» это здѣсь только называется, а на самомъ дѣлѣ это опять цѣлое пиршество...

Вдругъ — движеніе и шумъ. Приближается шествіе съ лампіонами. Нужно встать изъ за стола и подняться на верхъ, на балконъ... Вижу массу пылающихъ факеловъ снизу, съ улицъ, наполненныхъ множествомъ народа. А ко мнѣ, къ балкону, подходятъ депутаціи за депутаціей, представители обществъ, организацій (даже пожарные, и тѣ не сплошали) всевозможныхъ корпорацій, имена которыхъ звучатъ по-русски такъ тяжело, и такъ долго выговариваются, и всѣ во вдохновенныхъ и темпераментныхъ обращеніяхъ увѣряютъ въ братской любви къ нашему народу и въ радости по случаю нашего пріѣзда.

Я прямо ужасаюсь надъ тѣмъ, что такой сибирскій городъ скрываетъ въ себѣ столько пламенныхъ ораторовъ.

А вокругъ звучитъ провозглашеніе славы нашей Республикѣ:

«Да здравствуетъ Чехословацкая Республика!» —

Кричатъ толпы подъ балкономъ.

Капитанъ Яникъ, единственный русскій ораторъ въ нашемъ посольствѣ, на это кратко- съ балкона, отвѣчаетъ, и восторженные крики не имѣютъ конца.

Я возвращаюсь назадъ и сажусь за столъ, и здѣсь снова начинаются рѣчи. Я благодарю присутствующихъ русскихъ по-чешски, а редакторъ Червинка по-русски,

братаемся, пьемъ за счастливую будущность свободной демократической Россіи и всего Славянства, **но подъ всѣми этими потоками прекрасной риторики, которыми заливаютъ насъ братья русскіе, я чувствую ихъ скрытую печаль, — что ожидаетъ ихъ, если падетъ Колчаковскій фронтъ, и твердую надежду, что наше войско все-таки, все-таки поспѣшитъ ей на помощь!**

Открыто объ этомъ не говорится, но, какъ мнѣ кажется, что всѣ напряженно читаютъ въ нашихъ глазахъ, — какое мы въ этомъ вопросѣ веземъ рѣшеніе?».

Въ то время ни сама Делегація, ни мѣстные чехи, не опубликовывали ниже приводимыхъ грамотъ, изъ которыхъ читатель увидитъ, какъ далеки были мысли Чехословацкаго Правительства отъ Бѣлокаменной Москвы.

Какъ смѣшны и наивны были восторженныя рѣчи русскихъ людей о Славянской взаимности, о братской любви!...

Вотъ эти грамоты.

Первая — посланіе отъ Президента Массарика, вторая — отъ тогдашняго Военнаго Министра — д-ра Клофача.

— «Братья!

Это письмо Вамъ передастъ Миссія, которую я къ Вамъ посылаю, дабы информировать Васъ о положеніи дѣлъ дома, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ, есть для Васъ свидѣтельствомъ, что мы Васъ не забыли.

Къ Вамъ пріѣзжаютъ граждане нашей свободной Республики, которая была завоевана также и Вашими усиліями, Вашей кровью и жизнью Вашихъ друзей и братьевъ.

Знаю, что Вами владѣетъ лишь одна мысль — возвращеніе домой.

Со мною это знаетъ весь Народъ.

Мы хотимъ и стараемся, чтобы Вы всѣ, какъ можно скорѣе, возвратились домой. Республика въ Васъ нуждается, какъ въ своихъ защитникахъ и не только какъ въ

воинахъ, но и какъ въ гражданахъ, которые свой богатый опытъ могли бы примѣнить въ интересахъ всего Государства.

«Легіями» нашъ Народъ назвалъ тѣхъ изъ своихъ сыновей, которые за-границей сомкнулись въ могучіе военные ряды, первые подняли знамя движенія противъ Австріи, и были первой и одной изъ великихъ причинъ ея паденія».

...«До скораго свиданія!

Надѣюсь, что Ваше возвращеніе является лишь только техническимъ вопросомъ. Вотъ почему, въ этомъ случаѣ, Вамъ и Вашимъ дорогимъ домашнимъ потребуется еще терпѣніе.

Доставка продовольствія голодающей Европѣ требуетъ, даже и по-сейчасъ, почти всѣхъ пароходовъ.

Политически я былъ бы счастливъ, какъ и съ самаго начала, — когда мы достигли размѣровъ огромной военной силы, — установить въ отношеніи русскихъ полный нейтралитетъ. Но намъ теперь опять стало извѣстно, что Совѣтская власть въ Венгріи, предательски, на насъ напала. И эта власть прилагаетъ всѣ усилія, чтобы соединиться съ русскими совѣтскими войсками.

Останьтесь спокойными и передъ каждымъ рѣшеніемъ принимайте во вниманіе, какъ бы лучше помочь своему Народу.

Желаемъ возможно скорѣе видѣть Васъ дома, и въ этомъ направленіи будутъ слѣдовать наши переговоры съ Антантой, съ которой мы остаемся въ тѣсной политической дружбѣ.

Наздаръ!

Т. Г. МАССАРИКЪ».

Посланіе Министра Народной Обороны таково:

«Въ Прагѣ, 14-го іюня 1919 г.

— Братья!

Примите поздравленіе помолодѣвшей Родины. При-

мите привѣтъ любви и преданности и благодарности, который она Вамъ посылаетъ.

Хочу Вамъ, со всѣмъ рвеніемъ, высказать все, что я чувствую къ Вамъ. Вы могуче окрѣпли въ огромной борьбѣ съ мелочностью и злобой людской, въ борьбѣ съ Природой и Судьбой, въ борьбѣ съ безкрайней далью.

Вы выросли на голову, Вы дѣйствительно уже давно преодолѣли рабство Бѣлогородской битвы, Австрійскій гнетъ.

Вы высоко стоите передъ всѣмъ изумленнымъ міромъ, потому что Вы создали легенду, превзошли все геройство Человѣчества, начиная отъ временъ Геродотовыхъ. Что — передъ Вами всѣ эти имена, о которыхъ говорится въ хрестоматіяхъ! Къ Вашему сверхчеловѣческому геройству присоединились еще чудеса организаціи, практическаго использованія науки, побѣдоносной интеллигенціи, непоколебимой силы, дружной творческой работы.

Мы Вами, дѣйствительно, такъ же гордимся, какъ и любимъ.

Мы только не можемъ всего Вамъ такъ высказать, какъ мы чувствуемъ. И все это происходитъ отъ страха, что наши устарѣлыя слова могутъ звучать чуждо и непонятно Вашимъ новымъ душамъ и Вашимъ новымъ чувствамъ. Какъ мы отъ Васъ еще далеки!

Но мы клянемся, мы работаемъ и мы имѣемъ отвагу! Мы хотимъ съ Вами сравняться, хотимъ быть Васъ достойными!

Это — великая цѣль!

Мы хотимъ, чтобы Вы уже завтра были среди насъ, но мы также хотимъ, чтобы мы могли Вамъ безъ стыда показать, какъ мы устроили свою свободу, ту Республику, за которую Вы столько терпѣли, и еще столько терпите, отдѣленные такимъ далекимъ пространствомъ отъ Матери Вашей земли, которую жаждете поцѣловать, влажную, до сихъ поръ, отъ крови и слезъ безконечнаго страданія, и взметенную потрясеніями. Мы посылаемъ къ Вамъ своихъ вѣрныхъ пословъ, чтобы они Вамъ лично передали, какъ мы всѣ Васъ любимъ, какъ мы всѣ о Васъ тоску-

емъ и что все дѣлаемъ для того, чтобы опять вы были дома.

Пусть пріѣздъ нашихъ пословъ будетъ для Васъ вѣстью, что настанетъ конецъ старому, и что неотвратимо приближается день, когда, начнется послѣдній походъ тотъ наипрекраснѣйшій походъ — походъ домой. «Домой»! — это Вашъ девизъ и къ нему обратимъ всѣ наши силы. По возвращеніи будьте намъ соратниками и учителями новой эпохи, новой жизни, учителями труда и организаціи, но главное, носителями тѣхъ воинскихъ чувствъ, которыя изъ народа творятъ единую несокрушимую опору Свободы.

Дозвольте же мнѣ, который отвѣтственъ за вооруженную руку народа, отъ всей души Васъ увѣрить, что никого мы такъ не ожидаемъ, какъ Васъ, такъ же простыхъ, какъ и великихъ!..

Какимъ великимъ трепетомъ будетъ объято наше сердце, когда мы Васъ прижмемъ къ своей груди. Но потомъ, осушивъ слезы радости, вы насъ поведете, вы и никто иной, къ наивысшимъ идеаламъ молодого народа!

Привѣтствую Васъ искренно и братски съ благодарной любовью и тоской отъ имени тѣхъ, которые находятся въ тяжелой борьбѣ съ мадьярами. Именемъ легіонеровъ и вооруженнаго народа, именемъ той надежды и залогомъ нашей будущности, которой вы будете опытными воспитателями и вождями!..

В. Клофачъ».

Читаешь эти ИСТОРИЧЕСКІЯ посланія и невольно думаешь: далеки они отъ Бѣлокаменной, далеки отъ трагедіи русскаго народа...

Эти посланія я узналъ — увы, поздно, только въ Прагѣ въ 1923 года, когда вышла книга того самого д-ра Крейчи, котораго мы привѣтствовали въ Сибири.

Книга эта написана въ тѣхъ же гимно-фиміамныхъ тонахъ, какъ и приведенныя посланія.

Тутъ я долженъ сказать нѣсколько словъ о легіонер-

ской литературѣ вообще, насколько мнѣ пришлось ее читать. Почти отъ всѣхъ, сколько-нибудь видныхъ авторовъ, я имѣлъ подаренныя мнѣ книги съ автографами: «въ папять встрѣчи въ Сибири». Восхвалительный тонъ, поднимающійся иногда до гомерическихъ преувеличеній, въ родѣ вышеприведеннаго посланія д-ра Клофача, носятъ почти всѣ книги о легіонерахъ, особенно написанныя самими легіонерами. Книгъ же они выпустили о себѣ цѣлое море. Въ Прагѣ есть очень богатое легіонерское издательство «Памятникъ Одбое», заложенный еще въ Сибири. Просматривая его богатый каталогъ не трудно убѣдиться, что не было среди чеховъ ни одного, даже самаго захудалаго, журналиста, щелкопера, бумагомараки, — который бы не выпустилъ книжки по пріѣздѣ домой. Литература эта весьма разнообразна: оффиціозныя писанія адъютантовъ, воспоминанія, записки, дневники, очерки, стихи, поэмы, драматическія сцены и пр. Читаешь и диву даешься — похвальное множество авторовъ! Дивишься и еще одному: писано съ натуры, а клюква, извѣчная европейская развѣсистая клюква разрослась тутъ въ такой дремучій лѣсъ, что читаешь и прямо боишься за свое здоровье. Такъ, напримѣръ, тутъ я впервые познакомился съ однимъ русскимъ обычаяемъ, а именно: въ порывѣ радушнаго гостепріимства, русскіе мужики предлагали имъ, легіонерамъ, своихъ дочерей... на ночь.

И Боже васъ упаси отказаться — смертельно обидишь отца и осквернишь русскій обычай!

Въ общемъ же, со страницъ этихъ глядитъ на васъ странный глупецъ, погрязшій въ грязи и пьянствѣ — смѣшной русскій человѣкъ, а рядомъ съ нимъ — героическій титанъ — чешскій легіонеръ, затмившій собою все, доселѣ удивлявшее человѣчество...

Не даромъ легіонерамъ засчитанъ былъ каждый годъ пребыванія въ Россіи за три года. О легіонерахъ въ Прагѣ пишутъ въ букваряхъ — рядомъ съ Александромъ Македонскимъ и Юліемъ Цезаремъ...

Обожаніе всего легіонерскаго, поклоненіе всему, что бы легіонеры ни дѣлали, держалось все первое десятилѣ-

тіе Республики, и только сейчасъ замѣчается нѣкоторое остываніе, попытки вышучиванія нѣкоторыхъ легіонерскихъ преувеличеній. Такъ недавно, въ связи со Свято-Вацлавскими торжествами, въ «Народнихъ Листахъ» (№ 265, 26 авг. 1929 г.) читаемъ фантастическій митингъ 992 года, гдѣ среди выступающихъ передъ кн. Болеславомъ на трибунѣ проговорилъ и легіонеръ:

...«Народъ ни въ чемъ подобномъ не нуждался, мы его освободили и — баста!

Цѣлая историческая ошибка заключается въ этомъ заблужденіи, что народъ не подождалъ Легіонерскаго Союза, имѣя до насъ и государственные идеалы и, въ концѣ концовъ, имѣя и банки и пекарни передъ нашими легіобанками и легіопекарнями. Никакого святовацлавскаго войска, блаников, не дай загинути, (1) и тому подобныхъ игрушекъ! Легія — вотъ»!

Упомянутая выше книга д-ра Крейчи (сенатора и редактора руководящей соц.-демократической газеты «Право Лиду») — книга интересная, какъ непосредственный документъ.

Д-ръ Крейчи очень подробно описываетъ свое пребываніе у сибирскихъ чеховъ, и я воспользуюсь его авторитетнымъ разсказомъ о томъ, какъ жили чешскіе легіонеры въ Сибири. Начнемъ съ того, какъ д-ръ Крейчи осматривалъ Интендантство на станціи Иннокентьевской (подъ Иркутскомъ). Стр. 73.: «Сегодняшняя моя поѣздка имѣетъ главною цѣлью осмотрѣть положеніе продовольствія нашего Войска. Какъ разъ здѣсь, въ Иннокентьевской, находится центръ Интендантства нашей арміи, и здѣсь же расположены его главные склады. Душой этого Интендантства является маіоръ Лавровъ (передъ войной жилъ въ Россіи, какъ управляющій одного изъ Петроградскихъ отелей), — на видъ совсѣмъ не представительный, но судя по итогамъ работы его, человѣкъ весьма экономный и энергичный.

Онъ ведетъ насъ безконечными рядами складовъ, ко-

---

* Историческіе и легендарные символы Чешскаго Народа. (Авт.).

торые передъ этимъ были въ распоряженіи Русскихъ войскъ. Густо, отъ пола, даже до самаго потолка напиханы тутъ запасы пищи, чая, сушеннаго мяса, конской сбруи, шубъ, папахъ (высокихъ зимнихъ шапокъ) и другихъ вещей, необходимыхъ при исполненіи воинской службы.

Запасы одного только чая таковы, что еще на много лѣтъ должны были бы мы всѣ здѣсь завязнуть, чтобы было возможно весь этотъ чай выпить!..

Долженъ признаться, что было очень нелегкой задачей пройти; до полудня столько помѣщеній и складовъ, и ощущали мы это, какъ полагается, во всѣхъ членахъ; но нашу усталость преодолѣвало радостное сознаніе, что наши люди, въ Сибири, не имѣютъ нужды въ продовольствіи и что, при всемъ своемъ идейномъ настроеніи, весьма практически разрѣшили вопросъ снабженія.

Это была одна изъ загадокъ, которую я имѣлъ передъ собой, ѣдучи въ Сибирь: «Какъ тамъ наши легіонеры живутъ? КТО ИХЪ КОРМИТЪ? Живутъ-ли они какъ цыгане? Или дѣлятся у огней таборовъ лишь тѣмъ, что насбирать удалось кому за этотъ день»? (1).

Прекрасно организованное Интендантство въ Инокентьевской разрѣшило мнѣ эту разгадку великолѣпно. Это, такъ называемое, Армейское Интендантство, обязанность котораго — доставлять для цѣлой Арміи все необходимое, для чего оно имѣетъ свои Отдѣлы и представителей отъ Владивостока и Харбина даже до Урала. Вѣрнѣе сказать, какъ мы слышали, съ наизападнѣйшихъ областей нашихъ Легій — на югъ отъ Новониколаевска, отъ окраинъ къ Алтайскимъ горамъ, черпаютъ они свои главныя пополненія. О другомъ Интендантствѣ, такъ назыв. тыловомъ, я узналъ уже въ Иркутскѣ. Его обязанность доставлять войску продовольствіе и распредѣлять его. Во главѣ его стоитъ полковникъ Петришъ»

Мысленнымъ взоромъ представляю себѣ твое лицо, русскій

---

*) Курсивъ нашъ (Авт.)

читатель. Ты недоумѣваешь. Ты удивляешься наивности Государственнаго человѣка, представителя Республики? Конечно, Республика тогда не имѣла и ломаной полушки, но чтобы представитель Президента Массарика не зналъ, чѣмъ живетъ чешское войско — это странно, это удивительно.

Онъ пришелъ въ восторгъ. Ни отъ чего другого, а отъ ТАЛАНТА СВОИХЪ ЛЮДЕЙ. Подумать только, какъ они великолѣпно и ЛЕГКО все разрѣшили!...

Кромѣ того онъ, конечно, зналъ, что русскіе въ настоящій моментъ ведутъ войну. Такіе огромные склады военнаго имущества не нужны ли имъ самимъ? Нѣтъ, онъ объ этомъ даже не подумалъ.

Можетъ быть, онъ не зналъ, что русскимъ самимъ то оставался пресловутый «мундиръ англійскій», прославленный сибирской частушкой?

Ниже приводимое удостовѣреніе, относящееся къ началу 1919 года, ярче всѣхъ нашихъ словъ можетъ описать въ какой нуждѣ находились тогда русскія воинскія части:

Копія.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего, И. д. Столоначальника Канцеляріи Окружного Интендантскаго Управленія, Губернскій Секретарь Александровъ командированъ мною въ г. Ново-Николаевскъ для закупки различной мануфактуры для постройки бѣлья солдатамъ Тюменскаго военнаго округа. Въ виду полнаго отсутствія бѣлья на складахъ, нѣтъ никакой возможности удовлетворить острую нужду доведшую часть войскъ Тюменскаго военнаго округа до крайне бѣдственнаго положенія. Солдаты принуждены послѣ бани надѣвать одно и то же бѣлье. Въ силу этого крайне печальнаго обстоятельства, у подавляющаго большинства солдатъ натѣльное бѣлье отъ частой стирки превратилось въ тряпки которыя, за невозможностью носить, приходтся бросать, и оставаться совершенно безъ нижняго бѣлья. Все это крайне вредно отражаясь на здоровіи воинскихъ чиновъ, является разсадникомъ паразитовъ, служащихъ угрожающимъ обстоятельствомъ и даже прямыми проводниками такой ужасной болѣзни, какъ сыпной тифъ, вырвавшій уже не одну молодую жизнь изъ рядовъ возрождающейся Русской Арміи.

Вотъ почему, я особенно убѣдительно прошу Начальника Гарнизона города Ново-Николаевска, Уполномоченнаго Министра Снабженія по Ново-Николаевскому уѣзду и всѣ военныя и гражданскія власти

оказывать всяческое содѣйствіе сему чиновнику въ столь важномъ и отвѣтственномъ порученномъ ему дѣлѣ.

Подполковникъ **Павловъ.**

И. д. Начальника Отдѣленія
Подполковникъ **Эллендъ.**

За Столоначальника
Губернскій Секретарь **Подпись.**

Изъ Иркутска Д-ръ Крейчи поѣхалъ дальше осматривать, какъ живутъ чешскіе легіонеры въ Сибири. Вотъ описаніе этой жизни, стр. 93:

«... И такъ начинаю знакомиться съ тѣмъ особеннымъ укладомъ сибирской жизни (нашихъ солдатъ), который я наблюдаю на желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Въ каждомъ сибирскомъ городкѣ вокзалъ имѣетъ много пристроекъ, состоящихъ изъ многочисленныхъ небольшихъ, но вмѣстительныхъ домиковъ, обнесенныхъ палисадникомъ. Въ этихъ домахъ жили, въ лучшіе времена, желѣзно-дорожные служащіе, веселой, удобной и даже культурной жизнью. Тогда желѣзнодорожники имѣли не только квартиры, но и школы, бани, общественныя собранія, даже прекрасныя помѣщенія для театральныхъ и концертныхъ вечеровъ.

Вотъ эти то помѣщенія очень подходящи для нашихъ легіонеровъ, ибо едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ, въ Сибири нашли бы они болѣе обширныя и удобныя помѣшенія».

...«Вотъ такимъ образомъ и проходитъ жизнь нашихъ легіонеровъ на магистрали — между теплушками, въ которыхъ живутъ и спятъ и этими желѣзнодорожными домиками, гдѣ они несутъ службу, занимаются музыкой, слушаютъ лекціи, а иногда и танцуютъ»...

Отрываясь отъ музыки и танцевъ, чехи помогали охранять дорогу отъ мелкихъ шаекъ. Вотъ одна изъ сводокъ Чешскаго Генеральнаго Штаба о положеніи вещей на магистрали за недѣлю, отъ 5 — 12 октября.

— ...«На магистрали и Семипалатинской дорогѣ нами предпринято 30 объѣздовъ, при чемъ было четыре стычки

съ большевиками. 1 чехословацкій воинъ раненъ. Было 3 случая нападенія на станціи, 5 случаевъ обстрѣла стражи, поѣздовъ и водокачекъ, 1 — разбиранія рельсъ и 1 разъ сошелъ съ колеи поѣздъ.

Въ районѣ Иркутскъ-Нижне-Удинскъ, къ сѣверу отъ желѣзной дороги, соединенные русскіе отряды перешли въ успѣшное наступленіе. Чехословацкій объѣздъ, высланный изъ Нижне-Удинска, имѣлъ между Катарбей и Шабартой стычку съ большевиками. У насъ одинъ раненый, у большевиковъ 2 убитыхъ.

Районъ Н.-Удинскъ-Канскъ и районъ Тасѣева: активныхъ дѣйствій не было.

Районъ Канскъ-Красноярскъ: (разъѣздъ Чехословацкаго коннаго полка, одинъ на рѣку Ману, другой до деревни Койское — встрѣтились съ большевиками, при чемъ первымъ — убито два, другимъ — одинъ большевикъ.

Въ районѣ Минусинска: русскія части, сосредоточившись въ Усть-Абаканское, вышли большевикамъ въ тылъ, послѣдствіемъ чего главныя большевистскія силы спѣшно отступили на рѣку Тубу.

Районъ Красноярскъ-Ачинскъ: большевистскія банды, численностью до ста человѣкъ, напали на ст. Бодалыжный и Зеледѣево, разбиты аппараты, воинскій русскій поѣздъ при въѣздѣ на Бодалыжный обстрѣлянъ, при чемъ 1 русскій офицеръ убитъ и 4 рабочихъ ранено.

Въ районѣ Ачинскъ-Тайга, всюду спокойно. На Кольчугинской дорогѣ тихо.

На дорогѣ Барнаулъ-Семипалатинскъ, подъ охраной чехословацкихъ частей, возобновилось движеніе и вывезены наши интендантскіе склады. Предприняты операціи къ ликвидаціи бандъ. Чехословацкій конный дивизіонъ выѣхалъ со ст. Алейская двумя колоннами черезъ деревни Маховская и Савинскій и заняли деревни Песчанная и Серебрянниково, при чемъ взяты въ плѣнъ три большевистскія развѣдки. Банды разбѣжались.

Въ районѣ магистрали, организуются банды повстанцевъ у Канска, отряды Кравченко особенной дѣятельности не проявили. Въ Ачинскомъ районѣ, по непровѣреннымъ

свѣденіямъ, началось движеніе банды Перевалова въ направленіи черезъ полотно жел. дороги къ югу, съ цѣлью соединиться съ отрядами Кравченко.

Въ Барнаульскомъ районѣ, банда Рогова вернулась въ районъ Тегульское. Банды въ районѣ полотна дороги Барнаулъ-Семипалатинскъ, передъ наступленіемъ правительственныхъ частей отступили безъ боя. Въ Бійскомъ районѣ банды въ 100-150 верстахъ южнѣе Бійска мобилизуютъ населеніе».

Такъ проживали чешскіе легіонеры цѣлый годъ: между теплушкой и кабарэ дѣлали небольшія променады вдоль полотна жел. дороги, выступая всерьезъ только тогда, когда надо было предпринять это съ цѣлью собственныхъ интересовъ — вывезти интендантскіе склады и пр.

По случаю пріѣзда делегаціи съ родины, въ Иркутскѣ былъ большой парадъ чехословацкихъ войскъ, (1) гдѣ командующій ген. Сыровой произнесъ торжественную рѣчь:

—«Господинъ предсѣдатель посольства Чехословацкой Республики!

Какъ командующій Чехословацкимъ войскомъ въ Россіи, привѣтствую Васъ въ этотъ торжественный день именемъ нашихъ солдатъ.

Привѣтствую Васъ тѣмъ сердечнѣе, что прибываете къ намъ послѣ долгаго ожиданія. Армія, къ которой Вы посланы, воевала за освобожденіе отъ многовѣкового рабства. Здѣсь Вы видите ея наистаршіе полки. Армія эта, идя за высокой цѣлью освобожденія Чехословацкой страны, возстала противъ нѣмецко-большевистскаго союза и на могилахъ павшихъ братьевъ создала западный фронтъ. Послѣдствіемъ этой работы было освобожденіе Восточной Россіи, Сибири и изумленіе всего міра. Войско, среди окружающей жизни, находилось много разъ въ тяжкомъ положеніи. Однако воины, давшіе основаніе новой славы и блеска Чехословацкой Республикѣ, никогда не забывали,

---

*) Между прочимъ, на этотъ парадъ не были приглашены представители ни военной, ни гражданской русской власти. (Авт.).

въ чемъ интересъ Чехословацкаго Государства, и если войско осталось такимъ сплоченнымъ и прекраснымъ, какъ его Вы здѣсь сейчасъ видите, то въ этомъ заслуга традицій его чиновъ. Армія, купившая свои успѣхи и свою сплоченность такимъ усиліемъ, останется навсегда сплоченной и докажетъ, что останется той Арміей, какою ее создалъ отецъ Массарикъ, Арміей, которая всегда будетъ готова воевать противъ враговъ Чехословацкой Республики.

Президенту Чехословацкой Республики, профессору Массарику — УРА»!...

Привожу здѣсь эту рѣчь для того, чтобы показать, какъ отразился въ ней взглядъ легіонеровъ и, въ частности, ген. Сырового на значеніе ихъ Арміи въ дѣлѣ освобожденія Чешскаго Народа и на самое созданіе этой Арміи.

Забывая прошлое, тутъ повторяется сотворенная недавно легенда, что Чешскую Армію, въ Россіи, создалъ «отецъ» Массарикъ, и эта армія освободила Чешскій Народъ отъ многовѣкового ига австро-мадьяръ.

Я далекъ отъ мысли ломиться въ открытыя двери — доказывать рѣшающую роль Россіи въ разрушеніи Лоскутной Имперіи въ борьбѣ за освобожденіе мелкихъ Славянскихъ народовъ. Но все же хотѣлось бы понять психологію людей, съ которыхъ прошлое (и столь недавнее) скатывается, какъ съ гуся вода.

Тотъ же д-ръ Крейчи пишетъ о наблюдаемыхъ имъ чешскихъ солдатахъ: —...«Да, если бы въ нихъ не завязло все же столько русскаго!...

Вѣдь еще недавно были они только частью русской военной мощи, и еще въ прошлогоднее ихъ выступленіе противъ совѣтовъ, русскій языкъ былъ языкомъ нашихъ Легій. Всѣ воинскіе приказы, съ самого возникновенія Дружины, выпускались по-русски. Только послѣ выступленія въ 1918 году, когда наше войско встало вполнѣ на свои ноги, чешскій языкъ становится оффиціальнымъ языкомъ. Но и на чешскихъ приказахъ видно, что эти наши воинскія формированія родились изъ чрева Русской Арміи. Русскія слова, русскія фразы, русская воинская терминологія, —

все здѣсь еще царствуетъ такъ же, какъ и во времена, когда наши добровольцы собирались въ ряды, тамъ далеко, на Украинѣ, и когда вся наша Сибирская Армія не представляла изъ себя ничего болѣе, какъ только одинъ корпусъ Русской Арміи». --

Добровольная Чешская Дружина была создана усиліями русскихъ чеховъ съ соизволенія Государя, русскимъ славянскимъ сердцемъ взлелѣянная, русскимъ офицерствомъ обученная, по русскому воинскому уставу вопитанная, матеріально поддержанная русскими чехами, такъ выросла Чешская Армія въ Россіи. «Отецъ» Массарикъ, который еще въ 1919 году не зналъ, какъ живетъ и чѣмъ кормится войско, былъ тогда маленькимъ просителемъ, умоляющіе взоры бросалъ на Россію и вотъ что писалъ 16 марта 1916 года, въ своемъ «Посланіи къ чехамъ и словакамъ на Руси:

— «Ваша, русская, колонія занимаетъ особое положеніе между другими колоніями; единственно вы живете въ славянскомъ государствѣ и притомъ — р ѣ ш а ю щ е м ъ. Не только мы, но и не славянскіе народы ЗАПАДА видятъ въ Россіи главнаго дѣятеля въ этой войнѣ и (рѣшающую силу) для будущаго. Это даетъ намъ, чехамъ и всѣмъ славянамъ моральный и, до извѣстной степени, политическій вѣсъ, за что мы всѣ благодарны Россіи. Россія, дѣйствительно, удивила своими успѣхами въ первой фазѣ боевъ всѣхъ своихъ противниковъ: вѣдь Россія повалила Австро-Венгрію и стала угрожать самой Германіи...

Такъ какъ отъ Россіи мы ждемъ такъ много для своего освобожденія, то очень важно, чтобы вы имѣли правильное представленіе о русскомъ политическомъ свѣтѣ... Хотя я не могъ пріѣхать (въ Россію), но я не упускалъ возможности, съ самаго начала, знакомить оффиціальную Россію съ нашими планами... А какъ только я пріѣхалъ туда, гдѣ были оффиціальные русскіе представители, я счелъ своимъ долгомъ, прежде всего, въ первую очередь, сговориться съ ними и просить братской помощи. Что это

теперь нужно, каждый мыслящій и понимающій чехъ знаетъ и долженъ знать»!

Революція помѣшала Россіи принять участіе въ побѣдѣ. Многомилліонныя жертвы Русскаго Народа всѣ тотчасъ забыли и отъ него отвернулись и великіе друзья соратники, и маленькіе просители.

Забылъ и ген. Сыровой, проживающій тогда въ Сухачевской Рощѣ подъ Иркутскомъ, на автомобилѣ выѣзжающій любоваться сибирской осенью, плевательно относящійся къ представителямъ русской власти. Забылъ, что здѣсь, изъ всего русскаго, онъ вылупился, какъ цыпленокъ изъ яйца. На этой землѣ, въ 1914 году, началъ онъ службу простымъ рядовымъ и поднялся до высшей командной ступени. Поднялся съ головокружительной быстротой — вѣдь всего тому назадъ только 5 лѣтъ, какъ былъ онъ никому невѣдомымъ... коммивояжеромъ. Ни въ какой другой странѣ, кромѣ Россіи, бѣдный молодой человѣкъ, развозящій въ чемоданѣ подтяжки и пуговицы, дамскіе чулки и губную помаду, не сдѣлалъ бы такой карьеры — съ плевательнымъ заключеніемъ... Однимъ приходится утѣшаться, что не всѣ чешскіе офицеры были одномысленны тогда съ паномъ генераломъ Сыровымъ.

Лично я встрѣчалъ много такихъ, которые думали, что доблесть воинская велитъ имъ трепетать интересами фронта. Имъ надоѣло это бездѣльное сидѣніе въ тылу, хотѣлось бы, очертя голову, броситься въ бой, побѣдно пробиваться къ Украйнѣ и далѣе, знакомой дорогой, до родныхъ, политыхъ славянской кровью — Карпатъ... Безконечное ожиданіе эвакуаціи домой, черезъ Владивостокъ, и самый этотъ путь представлялся имъ какъ простое бѣгство. Путь же черезъ большевистскій фронтъ былъ славнымъ, геройскимъ безъ сомнѣнія, вѣнчающимъ вѣчнымъ вѣнцомъ славы! Много цитируемый мною непосредственный свидѣтель, д-ръ Крейчи, подтверждаетъ, что часто, даже до удивленія часто, бесѣды его съ офицерами сворачивали тогда на эту тему — о возвращеніи домой западнымъ путемъ:

Стр. 104: ...«Въ этихъ спорахъ возвращается все таже тема: не было ли бы все же возможно возвратиться домой западнымъ путемъ? Колчаковскій фронтъ противъ большевиковъ держится и даже доходятъ свѣдѣнія объ успѣхахъ — и можетъ быть, достаточно было бы небольшой помощи съ нашей стороны, что бы красная армія потерпѣла пораженіе. Знаю, конечно, каковы наши директивы съ родины, но все же внимательно прислушиваюсь ко всѣмъ этимъ планамъ и догадкамъ, что бы всесторонне знать положеніе и настроеніе нашего войска. И потомъ — что могу противъ этого возразить, когда о пути на востокъ не знаемъ до сихъ поръ ничего, совершенно ничего? Уже половина сентября, съ близкою зимою грозитъ нашему войску увеличеніе всѣхъ затрудненій, положеніе будетъ вѣроятно критическимъ, и безпокойство въ войскѣ только возрастетъ, а изъ Европы до сихъ поръ ни слова о возможности нашего ухода изъ Сибири въ ближайшее время, ни вѣсточки о пароходахъ для насъ. Не удивляюсь нашимъ офицерамъ, что они ищутъ другихъ возможностей, но считаю все же эти разговоры несерьезными и въ душѣ крѣпко вѣрю, что въ ближайшее время придутъ съ родины извѣстія, которыя сдѣлаютъ всякіе споры излишними и скажутъ намъ, что дорога на востокъ для насъ уже приготовлена».

Стр. 110: ...«Наконецъ, при дессертѣ, былъ передо мною поставленъ большой тортъ, украшенный сверху четырьмя стрѣлками на подобіе магнитныхъ, направленныхъ къ четыремъ странамъ свѣта, и посрединѣ надпись: «Куда, куда путь дороженька»?

Понимаю вопросъ, и когда множество головъ наклонилось надъ этимъ сахарнымъ произведеніемъ, беру ножъ и рѣшительнымъ движеніемъ разрѣзаю тортъ въ направленіи къ востоку. Бурный смѣхъ и веселыя замѣчанія слѣдуютъ за этимъ.

Но этотъ обѣденный эпизодъ указываетъ, какъ сильно еще занималъ нашихъ легіонеровъ вопросъ не идти ли западнымъ путемъ черезъ Россію»?

Стр. 152: ...«То-есть, говорилось о томъ, смогло ли бы наше войско черезъ Европейскую Россію пробиться? Тѣмъ болѣе, что Колчаковскіе круги къ этому призывали и заманивали, представляя это дѣло, съ военной точки зрѣнія, не только возможнымъ, но и не труднымъ. Говорилось — то, что называется Красной Арміей на Уралѣ, не болѣе, какъ 12 тысячъ человѣкъ. 6000 дисциплинированныхъ и хорошо сорганизованныхъ чехословаковъ достаточно, чтобы помочь сдѣлать прорывъ фронта и поразить это безпорядочное, плохо кормленное войско, которому въ большей части его безразлично, за что воюетъ. При отношеніи нашего войска къ режиму Колчака и, наконецъ, послѣ іюльскихъ междоусобій въ Иркутскѣ — было исключено, чтобы цѣлую нашу армію посмѣть вести въ бой, а потому говорилось лишь о тѣхъ, кто бы вызвался добровольно. Эти планы, въ продолженіе октября, перебирались на всѣ лады и, съ возрастающимъ интересомъ, занимали не только начальниковъ и офицерство, но и массы солдатъ. Изъ Омска пришла вѣсть, что тамъ, въ нашемъ полку, предпринято было, конечно неоффиціально, голосованіе, и что за пробитіе западомъ высказалось двѣ трети полка. По истинѣ, здѣсь оказало вліяніе географическое положеніе, ибо Омскъ — наша ближайшая позиція отъ Урала.

Въ то время дозрѣли эти проекты до той мѣры, что ген. Сыровой и Богданъ Павлу телеграфно запросили согласія нашего Правительства. Такъ какъ официально объ этомъ шагѣ я не былъ увѣдомленъ, то не имѣлъ причины официально противъ него выступить. Однако, изъ Праги пришелъ отвѣтъ ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЙ, поддерживающій насъ, делегатовъ съ родины, въ направленіяхъ, съ какими мы пріѣхали».

Впослѣдствіи этотъ вопросъ — почему чешская армія не предприняла въ этотъ моментъ похода на западъ, кто былъ виновникомъ отказа отъ возвращенія домой западнымъ путемъ — возникалъ въ чешской печати многократно. Привожу здѣсь выдержку изъ книги д-ра И. Скацеля «Чехословацкая армія и адмиралъ Колчакъ». Документы

эти напечатаны на страницахъ журнала «Вѣстникъ центральнаго содружества чеховъ и словаковъ изъ Россіи», № 1. 1927 г.

— ...«Политическій уполномоченный Павлу, который въ Омскѣ, лежащемъ ближе къ границамъ Европы, живѣе чувствовалъ необходимость приготовить въ данный моментъ свободный путь на западъ, проявилъ иниціативу и, въ первыхъ числахъ октября, запросилъ согласія генерала Сырового на посылку запроса правительству нашей республики, не дало ли бы оно разрѣшенія идти на западъ, если бы оказалась къ тому возможность.

Понятно, что ген. Сыровой, изъ чисто военныхъ причинъ, долженъ былъ приготовиться ко всему, и согласіе свое къ выводу войска западнымъ путемъ далъ лишь подъ условіемъ, что правительство и войско будутъ согласны.

Обмѣнъ мнѣній слѣдуетъ:

— «Иркутскъ, ген. Сыровому.

Не говорилъ до сихъ поръ съ русскими и иностранцами, только оріентировался въ положеніи. Правительство произвело на меня обычное отвратительное впечатлѣніе.

Колчакъ — истерическая баба, которая плачетъ на фронтѣ. Солдаты не стоятъ многаго, но все же не хуже большевиковъ. Кажется и вправду, что все валится, и у меня отъ всѣхъ разговоровъ съ нашимъ посольствомъ тоскливое впечатлѣніе, — мы дѣлаемъ величайшую глупость тѣмъ, что не готовимся нанести послѣдній ударъ большевикамъ. Если даже будемъ въ то время уже во Владивостокѣ, будемъ тамъ торчать безъ конца и съ позоромъ. Пора бы подумать о созданіи добровольческихъ частей на западѣ и просить согласія нашего правительства, не взирая на Колчака.

Близорукая политика своимъ послѣдствіемъ будетъ

---

*) Курсивъ нашъ (Авт.)

имѣть лишь одинъ позоръ — безконечныя затрудненія для нашего передвиженія, и домой пріѣдутъ заморенные переселенцы, а не чехословацкіе солдаты.

Союзники, въ настоящее время, не обмолвились бы и словомъ въ пользу нашего движенія на западъ, т. к. не желали бы намъ дешевыхъ успѣховъ.

Б. Павлу».

Омскъ, 3 октября, № 30.

Отвѣтъ ген. Сырового:
— «Омскъ, Б. Павлу.

Соглашаюсь съ отправкой войска домой черезъ западъ. Выпроси у Бенеша*) свободы дѣйствій на случай выгодной для этого возможности. При первомъ же удобномъ случаѣ буду стараться использовать настроеніе войска въ смыслѣ запада. Не смѣемъ упустить выгодный моментъ. Ожидаю дальнѣйшихъ извѣстій.

Генералъ Сыровой».

Иркутскъ, 4 октября. № 2786».

Запросъ правительству дѣйствительно Богданомъ Павлу былъ посланъ и рѣшеніе зависѣло всецѣло отъ власти. Эта вполнѣ ясная вещь была причиной газетныхъ криковъ на родинѣ.

Замыселъ Павлу былъ хорошъ: выпросить согласіе власти на всякій непредвидѣенный случай. Говорилось же о пути нашемъ черезъ Архангельскъ безъ насъ, тѣмъ болѣе нужно было обсудить могущій открыться кратчайшій путь. Хотя все и вышло иначе, тѣмъ не менѣе ни одинъ руководящій дѣятель не могъ уклониться отъ проблемы и не приготовиться для наиболѣе выгоднаго разрѣшенія тяжелаго вопроса объ эвакуаціи. И лишь въ этомъ было дѣло. Генералъ Сыровой представлялъ возможность запад-

*) Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Ч.С.Р. (Авт.).

наго пути, въ случаѣ паденія большевиковъ, какъ путь безпрепятственный. Говорилъ онъ поэтому о немъ только какъ о выгодной возможности, ибо было ясно, что наше войско, въ цѣломъ, не было способно къ бою, если пришлось бы этотъ путь пробивать. О какихъ либо жертвахъ со стороны арміи, въ случаѣ западнаго пути, для ген. Сырового не могло быть и рѣчи, о чемъ свидѣтельствуетъ его еще августовское отклоненіе такого же проекта, который требовалъ жертвъ.

Павлу, въ своей психологіи человѣка, который всѣмъ своимъ прошлымъ и корнемъ своей души крѣпко къ Россіи привязанъ, и который, согласно тогдашней ситуаціи, ждалъ болѣе или менѣе близкаго паденія большевиковъ, этого фокусъ-покуса и несчастія Россіи, — не пугали небольшія препятствія.

Онъ предполагалъ, что наше движеніе на западъ въ случаѣ серьезныхъ успѣховъ Деникина въ центрѣ Европейской Россіи, рѣшитъ само собою, пусть съ небольшими жертвами эту борьбу.

...Рѣчи о томъ, что намъ снова могутъ открыться для возвращенія домой тѣ мѣста, гдѣ родилась наша слава, приводили легіонеровъ въ радостное настроеніе. Этотъ короткій, славный и великолѣпный путь привѣтствовалъ бы каждый нашъ легіонеръ.

...Армія не пошла своимъ естественнымъ путемъ на западъ. Обстоятельства сложились иначе. ВЛАСТЬ НЕ ДАЛА СОГЛАСІЯ НА ЗАПАДНЫЙ ПУТЬ. Правительство послало посольству телеграмму, въ которой выразило желаніе, чтобы наша армія была сконцентрирована во Владивостокѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не говорило о пароходахъ. Изъ всего было видно, что отправка моремъ только обѣщана, и что въ этомъ вопросѣ ничего не вырѣшено. Телеграмма въ концѣ выражала рѣшимость, что если союзники въ этомъ вопросѣ не выполнятъ своихъ обѣщаній, правительство беретъ на себя доставку арміи моремъ, пусть это даже будетъ стоить нашей

хозяйственной жизни тяжкихъ жертвъ. Смыслъ этого былъ — демонстрировать, что правительство проведетъ свою волю.

Проблема историческаго пути нашей арміи на западъ запрещеніемъ Правительства отпала».

Изъ письма Уполномоченнаго Чехословацкой республики въ Россіи, Б. Павлу, отъ 15 октября 1919 г.:

«... Мысль искать пути домой западомъ... Не говорится о томъ, чтобы наше войско было слишкомъ утомлено физически... давно не было войско таковымъ, какъ теперь, и Республикѣ мы сдѣлали бы великолѣпный подарокъ, когда бы войско воротилось, какъ цѣлое: 12 полковъ пѣхоты, 2 кавалеріи, 3 артиллеріи, превосходная техническая служба, изобиліе вооруженія, 12.000 коней, на илучшихъ на Сибири, пріобрѣтенныхъ дешево, солдаты и офицеры испытанные, штаты организованы, все въ порядкѣ»...

Итакъ, былъ такой моментъ, когда, не взирая на Колчака, т. е. на ненравящійся «режимъ», чешскіе легіоны все же желали вновь вступить въ бой съ большевиками. Успѣхи на колчаковскомъ фронтѣ, наступленіе Деникина, Юденича и Архангельскій фронтъ — все вселяло надежды, что побѣда надъ красными уже близка. Призракъ Великой Россіи какъ бы пронесся гдѣ-то недалеко. Чешскіе легіонеры зашевелились. Во-первыхъ, безпокоила мысль, а вдругъ бѣлые и впрямь побѣдятъ и власть Колчака сдѣлается не по названію только Всероссійской, что тогда? Тогда придется разговаривать совсѣмъ, совсѣмъ скромно. Не выгоднѣе ли быть участниками побѣды? Подкрѣпить бѣлыхъ, прорвать, совмѣстно, некрѣпкій красный фонтъ? До дому отсюда соблазнительно близко, прекратится это томительное ожиданіе эвакуаціи черезъ Владивостокъ. Пароходовъ еще нѣтъ, растянуты сейчасъ на тысячи верстъ, когда то еще дотянемся до Владивостока? Вѣдь если русскіе побѣдятъ одни, то наше пребываніе здѣсь будетъ сплошное

«торчаніе съ позоромъ», какъ говоритъ Б. Павлу. А потому — надо поддержать Колчака, надо потому, что это выгодно, просто и знакомо. Это съ одной стороны.

Съ другой, зазвенѣла еще не оборванная струна связи съ былой Россійской Арміей, отзвуки битвъ подъ ея знаменами. Вѣдь это онъ, трехгранный штыкъ русскаго солдата, какъ червей, выковыривалъ чеховъ изъ распухшаго тѣла Австро-Венгріи, это онъ, русскій — «бѣлый» офицеръ, отбиралъ ихъ отъ прочихъ военноплѣнныхъ, — «славъ» собиралъ.

Души, на днѣ своемъ славянскія, пронзило тогда животворное желаніе поспѣшить на помощь, ибо теперь на фронтѣ рѣшалось великое. «Взлетимъ соколами, туда, за Уралъ, гдѣ побѣдимъ, вмѣстѣ съ ними, изнемогающими, тамъ — за Ураломъ, насъ ожидаетъ вѣчная слава и честь».

Вотъ, что означало это возбужденіе въ чешскомъ войскѣ и самочинное голосованіе въ 6-мъ полку, о которомъ пишетъ д-ръ Крейчи.

Но эту искру, эту живую трепещущую силу, грубо потушили изъ Праги. «Отецъ» Масарикъ больше всего боялся, чтобы, поверженная во прахъ, историческая Россія не встала бы изъ этого праха, а тѣмъ болѣе, чтобы помогали этому легіонеры. Онъ думалъ, что съ этимъ вопросомъ покончено еще тогда, когда онъ убралъ съ дороги Д-ра Крамаржа, который настаивалъ на помощи бѣлымъ арміямъ. И вотъ, вдругъ такая неожиданность — легіонеры сами, по своей волѣ, просятся въ бой, просятъ разрѣшенія на возвращеніе западнымъ путемъ; какъ разъ то, за что ратовалъ убранный Крамаржъ. Это запрашиваютъ легіонеры, къ которымъ только что пріѣхала Делегація, привезшая точное желаніе правительства!

Президентъ Массарикъ въ своемъ отвѣтѣ строго-на-строго запретилъ движеніе на западъ, и приказалъ стягиваться въ противоположную сторону — во Владивостокъ.

Еще разъ въ исторіи Славянства произошелъ фактъ,

отмѣченный историками, когда Славянъ «добивали въ одиночку».

Вѣками кровоточащая за малыхъ славянъ, Россія единственный разъ нуждалась въ помощи славянъ. Сама Судьба совала имъ въ руки счастливую козырную карту — и что же?

Какъ зачумленные, какъ ужаленные вползшимъ гадомъ, закрывая лица свои, и убѣждая сердце не биться громко, — они безсмысленно бѣжали прочь...

А между тѣмъ самая малая ихъ помощь, въ этотъ моментъ наивысшаго напряженія, могла бы на-вѣки прославить ихъ, какъ освободителей Россіи.

Это былъ тотъ моментъ, о которомъ такъ краснорѣчиво говоритъ призывъ Верховнаго Правителя Адмирала Колчака.

«КЪ НАСЕЛЕНІЮ РОССІИ».

Весною нынѣшняго года наши арміи на Уральскомъ фронтѣ перешли въ наступленіе. Плохо снабженныя и вооруженныя, благодаря бѣдности Сибири во всемъ, что касается обмундированія, — онѣ, тѣмъ не менѣе, отбросили большевиковъ почти къ Волгѣ и Вяткѣ.

Притянувъ къ себѣ большую часть непріятельскихъ резервовъ, мы дали арміямъ генерала Деникина и Уральскимъ казакамъ возможность разгромить большевиковъ. Съ потерей юга и юго-востока, совѣтская власть лишилась хлѣба, угля и желѣза и разграбленная рабоче - крестьянскимъ правительствомъ Россія обречена на вымираніе.

За хлѣбомъ, желѣзомъ и углемъ, въ которыхъ большевики видятъ свое спасеніе, они идутъ въ Сибирь и для этого напрягаютъ всѣ свои силы, заставляя наши войска отходить подъ напоромъ большевистскихъ силъ.

Въ этотъ грозный часъ, когда наши арміи, несмотря на утомленіе безпрерывными боями съ марта мѣсяца — все же выполняютъ свой долгъ передъ Родиной и выпол-

нятъ его до конца, я обращаюсь къ населенію свободной отъ гнета комиссаровъ, Россіи.

Мы ведемъ съ большевизмомъ смертельную борьбу, которая не можетъ кончиться договоромъ или соглашеніемъ, ибо въ этой борьбѣ мы защищаемъ **Родину — противъ интернаціонала, свободу — противъ тираніи и культуру — противъ одичанія.**

Въ этой борьбѣ у насъ нѣтъ честныхъ противниковъ, ихъ шайки грабителей. руководимыя международными отбросами, противъ насъ нѣтъ честныхъ способовъ веденія борьбы; есть мученія безвинныхъ, насилія надъ беззащитными и всеобщее разграбленіе. **И укрыться отъ борьбы и ея послѣдствій нѣтъ возможности, пока врагъ не уничтоженъ.**

Сбросьте же съ себя позорныя цѣпи безразличія къ судьбѣ Родины — вы, забывшіе все, кромѣ собственнаго благополучія и честолюбія.

Очнитесь же отъ смятенія и паники и — вы, трусливо пытающіеся укрыться бѣгствомъ отъ большевиковъ.

Поймите, что уже не о лишеніи васъ вашего достоянія поставлена ставка. Въ этой **послѣдней и страшной борьбѣ,** которая сейчасъ развертывается, **для васъ выходъ только побѣда или смерть.**

Въ дружной спокойной и планомѣрной работѣ сплотитесь всѣ вокругъ арміи, пополните ея ряды, окружите ее заботами и облегчите ея труды и бдительно и зорко охраняйте ее отъ внутренней вражеской разрушительной работы.

Пусть каждый боецъ — офицеръ и солдатъ на фронтѣ почувствуетъ силу любви народной, которая ихъ окружаетъ въ героической борьбѣ.

Въ арміи — одѣтой. обутой, сытой, снабженной и довольной, залогъ вашего спокойствія, больше — вашего спасенія.

И пусть страшатся тѣ, кто на несчастіяхъ Родины устроилъ свое благополучіе, кто сѣетъ панику и смуту и

кто въ жаждѣ власти ведетъ втайнѣ или открыто разлагающую государство работу.

24 іюля 1918 г. **Адмиралъ Колчакъ».**

Но въ **этотъ грозный часъ,** въ этой **послѣдней и страшной борьбѣ,** Чехословацкіе легіонеры **не только не помогли, но приняли сторону враговъ Вождя Русской Арміи.**

Десять лѣтъ прошло со времени этого печальнаго событія, десять лѣтъ непрерывнаго кроваваго вихря надъ Россіей. До самыхъ низинъ несчастія, нищеты и дикаго рабства довели нашу родину ея властители. Они взрываютъ, въ пыль превращаютъ все, что еще напоминаетъ Россію, терзаютъ, тиранятъ всѣми муками обезсилѣвшій народъ. Доколѣ это продолжится, и, кто знаетъ, — не осуществится ли нѣкая нѣмецкая карта, гдѣ на мѣстѣ Россіи черная надпись: «П у с т ы н я» .

Страшно остановиться, задуматься надъ этимъ минувшим моментомъ славянской исторіи...

Неправда ли, какъ краснорѣчивы славяне на банкетахъ, какъ великолѣпно-торжественны славянскія рѣчи, и до слезъ пронизывающи ихъ стихи! Любятъ они напоминать славянамъ же о своей славянской крови, любятъ наряжаться въ національные славянскіе костюмы и устраивать по улицамъ сахарно-медовыя процессіи со славянскими флагами. Устраивать славянскіе съѣзды и собранія, чтобы на нихъ повитійствовать, пролить восторженную слезу надъ стихомъ Хомякова, или надъ изрѣченіемъ какого-либо австрійскаго славянина... Да полно! Не является ли ихъ славянство лишь декоративнымъ костюмомъ, при случаѣ напяливаемомъ на себя? Въ самомъ дѣлѣ — въ чемъ, въ какомъ объединенномъ, ж е р т в е н н о м ъ а к т ѣ выразилась славянская любовь — ибо любовь есть, прежде всего, ж е р т в е н н о с т ь. Кромѣ Россіи и русскаго народа, кто д ѣ й с т в е н н о оказалъ свое славянское самосознаніе, хотя бы во время

Великой войны и въ ближайшіе годы послѣ нея! Никто: поляки или были пораженцами, или просто воевали противъ Россіи, болгары — сыграли роль окаяннаго Каина, чеховъ достаточно характеризуетъ ихъ сибирская эпопея. На банкетахъ же, — о, на банкетахъ мы такъ единодушны, мы беззавѣтно-преданно любимъ другъ друга, мы безошибочно знаемъ, кто друзья наши и кто враги, и какъ ужасно мы страшны врагамъ именно нашимъ единеніемъ!

Страшныя, горькія мысли...

У меня было много встрѣчъ съ легіонерами, благодаря постановкѣ моей пьесы «Янъ Гусъ» въ сибирскихъ городахъ. Могу съ увѣренностью сказать, что вся Чешская Армія побывала на нашихъ спектакляхъ. Не въ похвальбу говорю, а лишь ради правды — чехи засыпали меня цвѣтами, цѣлыми полками и гарнизонами подносили альбомы и адреса. Въ одной легіонерской книгѣ мнѣ брошено было обвиненіе, что я, организаціей этихъ спектаклей, будто бы х о т ѣ л ъ п о б у д и т ь чеховъ къ поддержкѣ Колчаковскаго фронта. Этотъ обвинитель легіонеръ самъ не зналъ, какую великую задачу приписывалъ онъ моему скромному дѣлу. Это же писала легіонерская газета «Часъ» по моемъ пріѣздѣ въ Прагу 22-го января 1921 года. Мои «друзья» такъ писали обо мнѣ: «Народны Листи» отмѣтили пріѣздъ русскаго поэта А. Е. Котомкина изъ Владивостока въ Прагу. Русскій гость является извѣстною, а также типичною фигуркой возрожденческаго движенія въ Сибири. Въ началѣ служилъ Колчаковщинѣ, а когда этотъ огромный реакціонный пузырь лопнулъ, перекочевалъ въ Читу, гдѣ, при дворѣ пресловутаго кроваваго атамана, игралъ роль какого-то придворнаго пѣвца. Своими одами на атамана Семенова снискалъ доступъ даже къ семейному очагу этого забайкальскаго сатрапа.

. . . Болѣе даже, чѣмъ среди своихъ сородичей, былъ К. популяренъ въ рядахъ Русской Легіи, вслѣдствіе своего драматическаго покуса «Янъ Гусъ», который тер-

тральная труппа, финансированная русскими правительственными кругами, играла почти во всѣхъ большихъ сибирскихъ городахъ съ прозрачной тенденціей — создавать настроеніе среди чехословаковъ въ пользу поддержки лопающагося фронта подъ Уралomъ.»

И вотъ, благодаря этому близкому соприкосновенію съ чехословацкими легіонерами, я имѣлъ возможность наблюдать, у меня была тьма друзей, и даже много друзей искреннихъ, или такими, по крайней мѣрѣ, казавшимися. Что до меня, то я ихъ любилъ до глупости искренно, чѣмъ и заслужилъ впослѣдствіи, когда они были уже дома, цѣлый потокъ ихъ, можетъ быть, весьма справедливыхъ насмѣшекъ.

Зная многихъ и многихъ, я видѣлъ часто, какая огромная душевная драма скрывалась у иныхъ подъ маской веселаго безразличія къ русскимъ. Однажды я получилъ письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ легіонера, которое можетъ поистинѣ характеризовать полное трагизма душевное состояніе тѣхъ чешскихъ легіонеровъ, которые остались еще вѣрными исторической задачѣ своего народа по отношенію къ Россіи. Позволяю себѣ привести здѣсь это письмо (сохраняя орфографію):

«Я видѣлъ, какъ сегодня, послѣ спектакля, мои братья сердечно апплодировали вамъ и вашему произведенію, я видѣлъ, какъ были вы разстроганы, я замѣтилъ въ звукѣ этого «Наздаръ», посылаемаго вамъ, отголосокъ искренняго, чистаго чувства любви къ Родинѣ, любви ко всѣмъ братьямъ славянамъ, которое все-таки еще сохранилось въ душѣ чешскаго солдата послѣ долгихъ 5 лѣтъ войны, послѣ душевнаго и тѣлеснаго исчерпанія. Я, видите ли, еще до вчерашняго дня не вѣрилъ въ возрожденіе чешской души. Вѣдь и для васъ, навѣрное, нѣтъ въ томъ тайны, какое теперь нравственное состояніе, какая зараза нездоровыми, позорными политическими лозунгами, какой безпорядокъ въ душѣ, какая отрава во всякомъ отношеніи царствуетъ среди нашихъ чеховъ солдатъ. Я знаю это слишкомъ хорошо — я не при-

выкъ утѣшать себя газетными надменными фразами, обманывать себя неправдой — я знаю, на какомъ курсѣ стоятъ наши дѣла въ Россіи. Курсъ этотъ очень низокъ, а мы одни, наше поведеніе только этому виною... Примѣръ, какъ въ послѣднее время ухудшается наше положеніе — я не сталъ больше вѣрить въ лучшее будущее нашего народа...

Я страдалъ, плакалъ, въ нѣкоторыхъ моментахъ начиналъ стыдиться за имя чеха, за свою національность, видя, что снаружи все у насъ кажется красивымъ, честнымъ, умнымъ, а въ сущности все наоборотъ — грязь, безчестіе, незнаніе и безнравственность.

Но сегодня передъ моею мыслью снова вообразилась вся исторія, вся бывшая слава чешскаго народа. Я видѣлъ васъ, я слышалъ ваши добрыя, золотыя дружескія слова, я чувствовалъ, что они изліялись изъ горячаго прекраснаго славянскаго сердца, и я самъ не могу отречься высказать вамъ въ этихъ словахъ всю свою сердечную, искреннюю благодарность и простое спасибо за ваши добрыя слова, за вашу любовь къ чешскому народу и ко всѣмъ бѣднымъ его изгнанникамъ, живущимъ теперь здѣсь, въ братской Россіи, которые хотѣли быть достойными сынами Яна Гуса, Жижки и другихъ учителей, но которыхъ несчастный жребій, искушеніе, съ вершины славы довели до нѣкотораго разврата и разочарованія...

Я вѣрю, что есть еще между русскими такіе люди, какъ вы, которые не презираютъ, не упрекаютъ, не усмѣхаются, а которые любятъ насъ настоящей любовью.

Благодарю васъ, уважаемый Маэстро! Примите мою благодарность по просту, изливается она изъ теплаго, искренняго сердца, которое не въ состояніи было молчать и дало проходъ своимъ чувствамъ...

Спасибо вамъ именемъ всѣхъ тѣхъ, которые чувствуютъ къ вамъ эту же любовь, какъ и я.

Да наградитъ васъ Судьба тѣмъ, чтобы увидѣли еще

большую благодарность всѣхъ тамъ — въ Прагѣ, когда вернемся. До свиданія! До счастливаго свиданія въ нашей столицѣ! Наздаръ!».

Іюльскія событія въ Иркутскѣ, о которыхъ упоминаетъ д-ръ Крейчи, были ничѣмъ инымъ, какъ возстаніемъ чеховъ-большевиковъ, съ цѣлью захватить власть въ войскѣ. Агитація противъ участія чеховъ въ борьбѣ съ большевиками велась, главнымъ образомъ, делегатами несостоявшагося воинскаго съѣзда, запрещеннаго еще военнымъ министромъ Штефанекомъ въ январѣ 1919-го года. Легіонеръ Штейглеръ въ книгѣ «Чехословацкое движеніе на Руси» (Прага, 1921 г.) такъ разсказываетъ объ иркутскомъ возстаніи (стр. 92):

...«Главные агитаторы разъѣхались потомъ по всей дорогѣ, даже до Зимы, и послѣдствіемъ ихъ работы явилось, главнымъ образомъ, частый отказъ отъ военныхъ объѣздовъ противъ большевиковъ, самовольный отъѣздъ нѣкоторыхъ частей съ указанной одинокой стоянки и т. п. Верха своего достигло это движеніе въ половинѣ іюля 1919 года, когда делегаты начали агитацію въ 1-мъ полку въ Иркутскѣ и были за это командованіемъ войска арестованы. Однако, они нашли опору въ 3-ей ротѣ 4-го полка, которая въ союзѣ съ пулеметной ротой мѣстнаго словацкаго лагеря, интернировала 11-го іюля собственныхъ офицеровъ, какъ плѣнныхъ, и провела вырученныхъ изъ подъ ареста делегатовъ по главной улицѣ Иркутска, въ демонстративной манифестаціи.

Благодаря этимъ событіямъ, Уполномоченный Правительства Б. Павлу и начальникъ Воинскаго Управленія подполковникъ Р. Медекъ, немогущіе въ данныхъ условіяхъ выполнять свои обязанности, возложенныя на нихъ правительствомъ Ч. С. Р., 11 іюля подали правительству просьбу объ отставкѣ. Подполковникъ Медекъ 20-го іюля дѣйствительно уѣхалъ. Воинское управленіе было упразднено, а его отдѣльныя отрасли приписаны съ 3-го августа къ штабу войскъ, либо къ политическому отдѣлу

Военнаго Министерства. Уполномоченный Павлу былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей гораздо позже, 23 ноября, когда замѣщенъ былъ д-ромъ Гирсой.

13-го іюля двѣ роты 4-го полка продолжали выступленіе: заняли типографію и редакцію «Чехословацкаго Дневника» и помѣщеніе информаціонно-просвѣтительнаго отдѣла на главной улицѣ Иркутска. Это должно было служить началомъ большого политическаго переворота. Однако, вызванные на помощь возставшимъ эшелоны — не прибыли, и ультиматумъ, посланный возставшимъ ротамъ 4-го полка въ тотъ же день отъ 1-го полка — закончилъ все дѣло. Делегаты, устраненные отпоромъ 1-го полка, на другой же день, 14-го, капитулировали, отдались снова на положеніе интернированныхъ, и обѣщали воздержаться отъ далѣйшей работы.

По пріѣздѣ ген. Жанена въ Иркускъ, возставшія роты 4-го полка безъ сопротивленія сложили оружіе, и всюду послѣ инцидента, компрометирующаго насъ въ глазахъ русскихъ и союзниковъ, было видно большое отрезвленіе. Агитаціонная дѣятельность съѣздовыхъ делегатовъ съ ихъ добровольной сдачей все же не прекратилась, а потому они были отвезены во Владивостокъ, гдѣ жили подъ надзоромъ въ бухтѣ «Горностай» и потомъ на «Русскомъ островѣ».

Какъ только Деникинъ отступилъ отъ Орла и колчаковскій фронтъ совсѣмъ ослабѣлъ, чехи, словно, обрадовались. Они становились все заносчивѣе, объявили: «наша политика — рельсы, врагъ тотъ, кто окажется на нихъ». Эта «рельсовая политика» приняла впослѣдствіи ужасный безчеловѣчный видъ, слабо прикрывавшійся фиговымъ листкомъ нейтральности. Они все сильнѣе и смѣлѣе вмѣшивались во внутреннія русскія дѣла, поддерживая соціалистовъ противъ Колчака. Соціалисты же, имѣя опору въ чехахъ, дѣятельно готовили возстаніе во многихъ городахъ въ тылу арміи. Этой своей разрушительной работой впослѣдствіи соціалисты очень гордились

и считали ее второй основной побѣдой, послѣ побѣды надъ «самодержавіемъ» («Воля» и «Воля Россіи»).

Къ осени 1919-го года, какъ въ населеніи, такъ и въ правительствѣ, раздраженіе противъ чеховъ достигло сильнаго напряженія. Чехословаковъ называли «чехосо-баками», на заборахъ появлялись надписи: «Чехи, убирайтесь домой», по улицамъ распѣвались частушки:

Идутъ дѣвченки, поднявъ юбченки,
За ними чехи, грызутъ орѣхи.

Или:

Русскій съ русскими воюетъ,
Чехи сахаромъ торгуютъ.

Непріязнь населенія къ чехамъ усилилась особенно послѣ возстаній и переѣворотовъ, которымъ чехи помогали. Такъ, мнѣ пришлось быть во Владивостокѣ во время ноябрьскаго такъ называемаго «возстанія Гайды». Тогда Гайда, бывшій до того на русской службѣ, уже окончательно разсорившись съ Колчакомъ, переѣхалъ во Владивостокъ и открыто собиралъ вокругъ себя эсъ-эровъ, готовясь выступить вооруженно противъ власти Колчака. Населеніе недоумѣвало, почему Гайда, набравши себѣ въ поѣздъ грузчиковъ и всякихъ разношерстныхъ людей, запасшись отъ чешскаго коменданта города ген. Чечека боевыми припасами (1), захотѣлъ сдѣлать переворотъ:

— Да что онъ — за большевиковъ, что ли?

— Нѣтъ, онъ противъ большевиковъ.

— Такъ что же ему надо»?

Недоумѣніе превратилось въ негодованіе, когда послѣ двухдневнаго пушечнаго и пулеметнаго огня юнкера и гардемарины накрошили въ вокзальной мѣстности, гдѣ засѣли повстанцы, народу не мало. Трупами усѣянъ былъ весь вокзальный берегъ, а въ залѣ 3-го класса трупы ле-

---

*) См. книгу подполк. Солодовникова, одного изъ организаторовъ Владивостокскаго возстанія и нач. штаба Гайды, "Сиб. авантюры и ген. Гайда", Прага 1921 г. (Авт).

жали, какъ развороченная полѣнница. Послѣ боя санитары отказывались войти туда — такая ужасная картина представилась глазамъ. По городу тянулись телѣги съ обезображенными мертвыми тѣлами. Въ зданіи коммерческаго училища шелъ военно-полевой судъ надъ плѣнными — 400 человѣкъ тѣхъ же несчастныхъ грузчиковъ отвѣчали, —а что — сами не знали, ибо главарей Чешское Командованіе сейчасъ же потребовало выдать ему — Гайду и другихъ. Жители были потрясены. Родные ходили искать своихъ среди мертвецовъ, усѣявшихъ берегъ и вокзальную площадь. Матери убитыхъ въ безсильныхъ слезахъ обнимались надъ трупами сыновей, павшихъ съ той и другой стороны, — безсмысленность этихъ смертей была очевидна.

Второе (изъ крупныхъ) возстаніе эсъ-эровъ — въ Иркутскѣ, въ декабрѣ 1919 года, было роковымъ для адмирала Колчака. Оно имѣло явную, не замаскированную цѣль — въ тылу арміи захватить власть и вступить въ переговоры съ большевиками о прекращеніи борьбы. Возстаніе это вполнѣ удалось, и власть густо-розоваго, такъ называемаго, «Политическаго Центра» распространилась и дальше, до Нижнеудинска... Держалась она, какъ водится всегда у эсъ-эровъ, недолго, — они самимъ Небомъ созданы для того, чтобы быть только «услужающими». У чеховъ же наши соціалисты пользовались нѣжной страстью. Это была единственная пріемлемая для чеховъ власть. Чехи обмѣнивались тогда радостными телеграммами, ликовали, что «режимъ русскихъ реакціонеровъ палъ, и соціалисты восторжествовали».

Восторжествованію же этому предшествовали нѣкія обстоятельства, которыя обрисовываются ниже приводимой телеграммой атамана Семенова генералу Жанену:

«Иркутскъ. Командующему союзными силами Западной Сибири, ген. Жанену. Копія Чехоштабу, Иркутскимъ Комвойскамъ, ген.-лейт. Артемьеву, Начальнику гарнизона Ген. Майору Сычеву, Владивостокъ. Командующему Со

южными силами на Дальнемъ Востокѣ ген. Оой, ген. Чечекъ, копія полк. Магомаеву.

Генералы Вагинъ и Сычевъ донесли мнѣ, что вами объявлено нейтральной зоной все Глазковское предмѣстье г. Иркутска, гдѣ находятся преступники и измѣнники родины — повстанцы, а когда правительственный командный составъ Иркутскаго Военнаго Округа, во имя выполненія лежащаго на немъ служебнаго долга и долга передъ родиной предпринимаетъ мѣры къ подавленію возстанія, то Вы, Ваше Превосходительство, приказываете чешскимъ войскамъ открыть огонь по правительственнымъ войскамъ. Разрѣшеніе находиться въ нейтральной зонѣ повстанцамъ и неудаленіе ихъ оттуда, есть оказаніе имъ поддержки и покровительства, а препятствіе подавленію возстанія путемъ вооруженнаго воздѣйствія чешскихъ войскъ — есть актъ вооруженнаго выступленія союзныхъ войскъ противъ существующихъ законныхъ органовъ Россійской Государственной Власти.

Кромѣ того, я усматриваю, что этимъ распоряженіемъ чешскія войска противопоставляются правительственнымъ войскамъ. Съ чешскими же войсками у меня установлены самыя дружественныя, братскія отношенія. Своей предыдущей телеграммой я уже гарантировалъ свободный, безпрепятственный проѣздъ на Востокъ, какъ союзнымъ миссіямъ, такъ и чешскимъ войскамъ.

Категорически заявляя, что къ исполненію этого мною будутъ приняты самыя энергичныя мѣры, вновь настоятельно прошу Ваше Превосходительство или о немедленномъ удаленіи изъ нейтральной зоны повстанцевъ, или же не чинить препятствій къ выполненію подчиненными мнѣ войсками приказа о немедленномъ подавленіи преступнаго бунта и о возстановленіи порядка.

Этотъ приказъ отданъ мною въ силу повеленія Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго, и будетъ мною выполненъ, къ чему меня обязываетъ долгъ передъ Родиной.

Твердо вѣрю, что Высшее представительство благо-

родной Франціи, неуклонно стоя на принципахъ дружбы Франціи и Россіи, и въ этомъ случаѣ останется вѣрнымъ той героической союзной помощи, которую оно оказывало своей вѣрной союзницѣ Россіи.

346. Главнокомандующій Войсками Дальняго Востока и Иркутскаго Военнаго Округа». (Телеграмма взята изъ владивостокской газеты «Эхо», номеръ 149 отъ 30-го декабря 1919 года).

Послѣ этой безрезультатной телеграммы на ст. Иркутскъ, появился семеновскій броневикъ и началъ обстрѣливать Глазгово. Чехи зашевелились, подняли на ноги всѣхъ союзныхъ представителей, и ген. Жаненъ потребовалъ удаленія броневика и прекращенія обстрѣла, указывая на то, что желѣзная дорога объявлена союзниками нейтральной. «Долженъ же какой-то атаманчикъ считаться съ цѣлой Антантой».

Это совѣщаніе союзныхъ представителей описано у д-ра Крейчи, онъ присутствовалъ на немъ и, между прочимъ, говоритъ:

«... Одна подробность заслуживаетъ отмѣты — это язвительность, съ какою одинъ изъ младшихъ японскихъ представителей укорилъ насъ, что мы при сегодняшнихъ бояхъ были на сторонѣ революціонеровъ».

Когда ген. Скипетровъ не ушелъ и продолжалъ обстрѣливать Глазгово, чехи ночью забросали броневикъ ручными гранатами, взяли Скипетрова въ плѣнъ, причемъ убито было пятнадцать человѣкъ со стороны броневика. Я помню, какое возбужденіе это дѣло вызвало въ Читѣ, когда побитый ген. Скипетровъ, выручeнный японцами, появился въ городѣ; на него чуть не плевали на улицахъ. На этомъ карьера ген. Скипетрова и кончилась.

«4-го января переворотъ въ городѣ совершился, власть капитулировала, генералы разбѣжались, а наше войско держитъ въ городѣ порядокъ», — лѣтописно повѣствуетъ объ этомъ д-ръ Крейчи. Изъ города хлынули бѣженцы, и д-ръ Крейчи такъ говоритъ объ этомъ:

«Во время обѣда слышу, какъ лакей докладываетъ

д-ру Глосу, что кто-то съ нимъ хочетъ говорить. И, что бы подтвердить, что дѣло идетъ о какомъ-то ничтожномъ пустячкѣ, добавляетъ: «Это — одинъ министръ». —Такъ же, какъ доложилъ бы, что сапожникъ принесъ сапоги.

Такъ жалобно стрекочутъ прежнія величины Россіи и Сибири, когда умоляюще, какъ просители, кладутъ ногу на ступеньку нашихъ вагоновъ.

А сколько ихъ другихъ, мужчинъ, женщинъ и цѣлыхъ семействъ бродитъ вокругъ нашихъ поѣздовъ и хватается за каждое знакомство въ прошломъ, за каждую связь, съ вліятельными особами, чтобы имъ досталось лишь мѣстечко въ поѣздѣ, что равносильно для нихъ спасенію».

Зима 1919-1920 года принесла всей Сибири невиданные ужасы, неисчислимое количество смертей. Длительная трагедія, равную которой трудно найти во всей міровой исторіи, началась послѣ паденія Омска (14. XI. 1919.), окончилась же весной; послѣдній ея этапъ видѣлъ еще покрытый льдомъ Байкалъ.

Фронтъ какъ-то неожиданно быстро сталъ подвигаться отъ Урала на востокъ, и вскорѣ спѣшно началъ эвакуироваться Омскъ. Армія, измотанная непрерывными боями, морозами и постояннымъ нервнымъ напряженіемъ, не могла уже сдерживать врага. Начался послѣдній актъ обороны, но надежды защитить столицу рушились. Прикрываемое арміей изъ послѣднихъ силъ, началось всеобщее отступленіе. Русскіе люди за годы «великой безкровной» навидались великихъ исходовъ, но такого ужаснаго какъ былъ этотъ сибирскій великій исходъ, не было и — сжалится Господь надъ Россіей — не будетъ больше.

Эвакуаціонные поѣзда длинной лентой вытянулись между Омскомъ и Ново-Николаевскомъ. На 150 верстъ къ западу отъ Ново-Николаевска растянулись эшелоны эвакуаціи Омска, и стали. Дальше двинуться оказалось невозможнымъ — впереди желѣзная дорога была безвы-

ходно закупорена. Стояли лютые морозы. Сзади накатывалась огненымъ валомъ регулярная красная армія. По сторонамъ лежала безконечная холодная Сибирская тайга, въ которой не разыскать ни крова, ни пищи. Замерзавшіе бѣженцы, кто поздоровѣе, выходили изъ вагоновъ и безпорядочными толпами шли на Востокъ, шли, пока были сильны, а раненые, больные, матери съ дѣтьми — безпомощно оставались замерзать.

Почему случилось такъ, что прямая артерія страны — сибирская магистраль — не смогла послужить эвакуирующимся изъ Омска, и десятки тысячъ бѣженцевъ и раненыхъ остались замерзать въ тайгѣ? Въ газетѣ «Дѣло Россіи» номеръ 14 — 1920 г., такъ описывалась эта страшная исторія:

«Постепенно замирала жизнь въ этихъ эшелонахъ смерти. Затихали стоны умирающихъ, обрывался дѣтскій плачъ и умолкало рыданіе матерей.

Безмолвно стояли на рельсахъ красные вагоны-саркофаги со своимъ страшнымъ грузомъ, тихо перешептывались могучими вѣтвями вѣковыя сибирскія ели, единственные свидѣтели этой драмы, а вьюги и бураны напѣвали надъ безвременно погибшими свои надгробныя пѣсни и заметали ихъ бѣлымъ снѣжнымъ саваномъ.

Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемаго словами ужаса были чехи.

Вмѣсто того, чтобы спокойно оставаться на своемъ посту и пропустить эшелоны съ бѣженцами и санитарные поѣзда, чехи силою стали отбирать у нихъ паровозы, согнали всѣ цѣлые паровозы на свои участки и задерживавали всѣ, слѣдовавшіе на западъ. Благодаря такому самоуправству чеховъ, весь западный участокъ желѣзной дороги сразу же былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Болѣе пятидесяти процентовъ имѣющагося въ рукахъ чеховъ подвижного состава было занято подъ запасы и товары, правдами и неправдами п р і о б р ѣ т е н н ы м и ими на Уралѣ, на Волгѣ и въ Сибири. Тысячи русскихъ гражданъ, женщинъ и дѣтей, были обре-

чены на гибель ради этого проклятаго движимаго имущества чеховъ».

Д-ръ Крейчи также описываетъ это ужасное положеніе на Сибирской желѣзной дорогѣ, но, какъ увидимъ, отнесся къ этому весьма прохладно (если не считать реторическихъ разсужденій), безпокоясь только о своихъ «гошахъ». Онъ подтверждаетъ фактъ отвратительнаго эгоизма чешскихъ легіонеровъ и ихъ безцеремонное самоуправство, вѣрнѣе — фактическій захватъ Сибирской жел. дороги.

«.. Въ то же самое время, мы должны считаться съ опасностью, которая намъ угрожаетъ съ запада. Красная Армія, какъ уже видно, не остановится въ Омскѣ. Все говоритъ о томъ, что она пойдетъ дальше, чтобы захватить всю среднюю Сибирь. Поэтому является главнѣйшая необходимость, чтобы какъ можно скорѣе мы выбирались оттуда на востокъ.

Хотя большевики еще очень далеко, но на магистрали наступаетъ такое положеніе, которое можетъ стать страшной угрозой нашей эвакуаціи. Множество русскихъ воинскихъ поѣздовъ наскочили на нашу наизападнѣйшую позицію, почему произошелъ тамъ страшный хаосъ и заторъ.

Наше главнокомандованіе отдало распоряженіе, чтобы наши отряды упорядочили дорогу отъ Ново-Николаевска до Красноярска. И такъ какъ это не удалось, то намъ ничего болѣе не остается, какъ помнить только о своихъ собственныхъ интересахъ (1).

По приказу ген. Сырового, никакой иной поѣздъ не долженъ быть пропущенъ на востокъ впереди нашихъ эшелоновъ. Не было сдѣлано исключеніе и для семи поѣздовъ, въ которыхъ убѣгаетъ изъ Омска Колчакъ съ государственнымъ золотымъ запасомъ. Бывшій Верховный

---

*) Курсивъ нашъ (Авт.)

Правитель торчитъ гдѣ-то въ безумномъ заторѣ на дорогѣ и тщетно, возбужденными телеграммами, добивается проѣзда — наше Командованіе отвѣчаетъ твердокаменнымъ — «нельзя».

Я не осмѣливаюсь себѣ даже представить, какое несчастье, какое множество страшныхъ бѣдъ заключаетъ въ себѣ эта остановка потока бѣгущихъ. Это загроможденіе пути для тысячъ и тысячъ русскихъ военныхъ и штатскихъ, которые, будучи мучимы тщетнымъ ожиданіемъ, проводятъ цѣлые дни и даже недѣли въ поѣздахъ, не могущихъ тронуться съ мѣста, и гибнутъ при этомъ отъ голода и морозовъ и тифа! Все же было бы для насъ гораздо лучше, если бы мы могли еще въ началѣ осени оставить дорогу на западъ отъ Красноярска».

Какое завидное, іезуитское спокойствіе! Тысячи и тысячи — въ томъ числѣ, дѣти — гибнутъ отъ холода, голода и тифа, потому только, что дорога захвачена «нашимъ войскомъ». Поборникъ права и справедливости, представитель «наигуманнѣйшаго» президента Массарика, полномочный посланецъ республики, сдѣлалъ ли онъ хоть одинъ шагъ, чтобы прекратить это вопіющее безобразіе, эту неслыханную жестокость? Нѣтъ, ни одного шага не сдѣлалъ, ни однимъ пальцемъ не пошевелилъ. Раненые и больные, дѣти и старики — такъ и остались въ снѣгахъ, остались замерзать... А его «ксенофонтовы воины», его, превзошедшіе Александра Македонскаго, отъ Геродота еще невиданные храбрецы и герои, при одномъ только, еще далекомъ, стукѣ копытъ большевицкаго коня ринулись бѣжать, какъ спугнутое звѣриное стадо... Они именно панически бѣжали, забывши все, какъ обезумѣвшіе звѣри, не считаясь рѣшительно ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ!

Горькой ироніей звучитъ незадолго передъ этимъ выпущенный чехами извѣстный Иркутскій меморандумъ, въ которомъ они обратились ко всему культурному міру, жаловались на реакціонную власть Колчака, допускавшую жестокости и несправедливости. Да не какъ-нибудь жа-

ловались, а взывали во имя человѣчности, вопіяли ради справедливости, возмущались, какъ рыцари добра и защитники обижаемыхъ.

Да, то были хорошія, свѣтлыя слова, слова для европейской сцены, кимвалъ, бряцающій для Европы, а здѣсь же, за русскими кулисами, — о, здѣсь, на дѣлѣ совсѣмъ другое. Здѣсь можно все, вѣдь русскіе — дураки, да и безсильны, въ кровавой грязи затоптанные лежатъ.

Послѣ крокодиловыхъ слезъ, культурный европеецъ, посланецъ президента Масарика, меланхолически разсуждаетъ:

«Колчакъ, остановленный нами на своемъ пути, не будетъ смотрѣть на насъ дружески. Конфликтъ съ нимъ явится неизбѣжнымъ. Хорошо, если бы намъ еще загодя удалось повліять на лѣвое колчаковское крыло, на демократическихъ кадетъ и на прогрессивную буржуазію, чтобы создать новую власть, которая удовлетворила бы земцевъ и соціалистовъ. Въ этомъ именно направленіи и въ этихъ иркутскихъ кругахъ и работаетъ д-ръ Гирса и ужъ съ 20 ноября начинаютъ говорить объ улучшеніи положенія»..

Положеніе, какъ мы уже знаемъ, съ Рождества «улучшилось». Маленькій Макіавелли, д-ръ Гирса, потрудился — власть отъ Иркутска до Нижне-Удинска перешла въ руки эсъ-эровъ, и самъ адмиралъ, только что прибывшій въ Нижне-Удинскъ, оказался въ сферѣ этой новой власти. Хаосъ и ужасъ, воцарившіеся на желѣзной дорогѣ, паническое самоуправство чеховъ, а также безпомощное топтаніе «главнокомандующаго» ген. Жанена — обрисовывается изъ ниже приводимыхъ телеграммъ.

28-го ноября тогдашній командующій сибирской арміей ген. Сахаровъ, секретно сообщаетъ:

«Иркутскъ, генералу Сыровому, генераламъ Жаненъ и Ноксъ, Владивостокъ, главнокомандующему японскими войсками Оой, представителю техсовѣта Стивенсу.

Начальнику Томской ж. д. было приказано изъ пропускаемыхъ эвакуированныхъ эшелоновъ вывозить не ме-

нѣе 12 эшелоновъ въ сутки. Запрошенный о причинахъ невыполненія приказанія начальникъ дороги донесъ слѣдующее:

«Вмѣшательство чешскихъ войскъ опрокинуло всѣ расчеты. Когда паровозы забираются принудительнымъ порядкомъ и угрозами, то планомѣрная работа невозможна.

Чехи своими эшелонами забирали паровозы изъ Тайги и гнали ихъ до Боготола и Красноярска, не считаясь ни съ какими заявленіями администраціи. Назначенные изъ Красноярска, для усиленія Тайги и Томска, паровозы, чехи не выпускаютъ изъ Красноярска. Точно также не пропускаютъ Боготольскихъ паровозовъ для оказанія помощи Тайгѣ.

Запасъ угля изъ-за отсутствія паровозовъ упалъ до 150 тысячъ пудовъ при расходѣ ежедневно 160 тысячъ.

Погруженные углемъ вагоны не продвигаются, а порожнякъ не можетъ быть поданъ вслѣдствіе насильственнаго захвата паровозовъ».

Изъ этого донесенія совершенно ясно, что при такомъ отношеніи чешскихъ войскъ къ желѣзнодорожному аппарату неминуема гибель нѣсколькихъ сотенъ нашихъ эвакуированныхъ людскихъ эшелоновъ, находящихся къ западу отъ Тайги; въ числѣ этихъ эшелоновъ обречено на гибель много эвакуируемыхъ представителей и гражданъ союзныхъ державъ.

Катастрофа неминуемо должна разразиться и надъ чешскими эшелонами, которые, забирая паровозы отъ угольныхъ поѣздовъ, не даютъ продвигать порожніе вагоны въ угольныя копи. Кромѣ того, чешскими поѣздами забиты крупныя распорядительныя станціи Томской дороги, и движеніе всей массы нашихъ эвакуируемыхъ эшелоновъ происходитъ чрезвычайно медленно, вслѣдствіе чего въ эшелонахъ развилась эпидемія тифа и смертность достигла ужасающихъ размѣровъ»...

«Спасти положеніе еще можно, если чешскія войска будутъ отправляться въ числѣ трехъ эшелоновъ въ сутки съ каждой распорядительной станціи и будутъ подчинятся требованіямъ жел. дор. администраціи.

Если Ваше Превосходительство не въ силахъ разрѣшить удовлетворительно этотъ вопросъ, то прошу о назначеніи въ Красноярскъ распорядительной комиссіи отъ представителей союзнаго, чешскаго и русскаго командованія для урегулированія перевозки чешскихъ войскъ, которая должна производиться непререкаемымъ распоряженіемъ главначвоса и министра путей сообщенія Устругова, по заданіямъ, вырабатываемымъ комиссіей.

Если и это окажется недѣйствительнымъ, то все равно, видя передъ собою вѣрную гибель, намъ не останется ничего, какъ рѣшиться на послѣднее средство, которое я здѣсь не называю. Прошу срочнаго отвѣта. Н. Николаевскъ. 28 ноября. № 391».

Телеграмма ген. Жанена:

«Иркутскъ. 18 ноября 1919 года.

Его Превосходительству господину Третьякову:

Я получилъ сегодня утромъ циркулярную телеграмму Колчака. Онъ обращается къ помощи дипломатическихъ представителей по поводу нѣкоторыхъ мелкихъ фактовъ для того, чтобы представить рядъ неопредѣленныхъ ходатайствъ, которыя трудно удовлетворить даже въ нормальное время. А пріори, я не могу не констатировать, что эта телеграмма еще болѣе затрудняетъ возможно скорое и удовлетворительное разрѣшеніе положенія, къ чему мы оба стремимся.

Съ одной стороны, невозможно въ порядкѣ слѣдованія выяснить неопредѣленное число эшелоновъ неустановленнаго назначенія, изъ коихъ нѣкоторые не представляютъ никакой пользы (поѣзда съ военноплѣнными, какъ это имѣло мѣсто послѣдніе дни, поѣзда съ матеріалами, не могущими быть использованными въ настоящихъ условіяхъ, поѣзда съ русскими бѣженцами, направляющимися на Дальній Востокъ, поѣзда автомобильной школы и т. д.).

Къ тому же, чтобы это сдѣлать, было бы необходимо имѣть списокъ этихъ поѣздовъ. Вашему Превосходительству извѣстно, какъ мнѣ, что нѣкоторые

поѣзда, быстрой отправки которыхъ желали всѣ дипломатическіе и военные представители, какъ, напримѣръ, эшелоны съ завозомъ, остались позади, благодаря адмиралу. Эта просьба слишкомъ неопредѣленна.

Тѣмъ не менѣе, я долженъ добавить, что опубликованіе телеграммы № 215 и слѣдующихъ адмирала, будетъ, къ моему сожалѣнію, разсматриваться чехо-словаками, какъ видъ объявленія войны. Соотвѣтствующее состояніе умовъ лишитъ результатовъ всякаго вмѣшательства, которое я желалъ бы предпринять для удовлетворенія требованіямъ положенія дѣлъ.

Послѣ этой телеграммы мое вмѣшательство можетъ только вызвать нежелательный результатъ, и нѣкоторые приказы рискуютъ привести къ формальному непослушанію и бунту. Какъ я только что освѣдомился, приняты мѣры, чтобы поѣздъ адмирала, поѣздъ генералъ-квартирмейстера и поѣздъ г. Пепеляева продолжали свой путь. Я буду продолжать дѣлать, что могу и, какъ я вамъ сказалъ во время нашей первой бесѣды, мое желаніе — помочь русскому народу въ его тяжелыхъ страданіяхъ.

Я забылъ еще завѣрить ваше превосходительство, что два поѣзда съ золотомъ будутъ взяты подъ особую охрану и доставлены сюда.

Генералъ Жаненъ». (1)

Какъ видитъ читатель изъ этой телеграммы — ген. Жаненъ былъ простой маріонеткой, онъ не только не командовалъ, но онъ даже боялся вмѣшаться въ творимыя безобразія, онъ приглядывался къ «состоянію умовъ» и соглашался со всѣмъ, ибо зналъ, что никто его не послушаетъ. Положеніе на ж. д. получилось такое, что русскіе не смѣли и думать даже воспользоваться своей собственной дорогой. На адм. Колчака за его требованія просто цыкали. Между прочимъ, отношеніе къ адмиралу — уничижительное обращеніе съ нимъ лично — про-

---

*) Обѣ телеграммы взяты мною изъ большевицкаго изданія, И. Субботовскаго "Союзники, русск. реакціонеры и интервенція", 1926 г., Ленинградъ. (Авт.).

сто поражаетъ и напоминаетъ какое то ослиное ляганіе, недостойное офицера. Когда это еще дѣлаетъ ген. Сыровой — удивляешься, но не очень — традиціи не крѣпки въ генералѣ, недавнее коммивояжерство выпираетъ. Но когда это дѣлаетъ ген. Жаненъ, представитель арміи великой державы, арміи старой, съ давними устоями, щеголяющей воинской честью — удивляешься и очень удивляешься.

Захватъ чехами жел. дороги въ свое исключительное пользованіе, вызвалъ невозможность дальнѣйшаго планомѣрнаго отступленія сибирской арміи. Она не имѣла куда укрыться, увернуться отъ насѣдавшаго врага. Къ ея услугамъ оставалась, если хотите, застывшая подъ снѣжнымъ покровомъ — сибирская тайга, таежныя санныя дороги, безлюдные просторы, скованные морозами. Это кажется невѣроятнымъ, но такъ и случилось — сибирская армія сошла съ желѣзной дороги и по льдистымъ рѣкамъ, тайгою стала уходить на востокъ. Такъ провела сибирская армія на морозахъ и въ снѣгахъ всю зиму, не разставаясь съ сѣдломъ, продѣлала путь черезъ всю Сибирь и въ январѣ 1920 г. вышла въ Забайкалье.

Задержаніе въ пути адмирала Колчака подняло въ арміи взрывъ негодованія и 18 декабря главнокомандующій ген. Каппель телеграфно вызвалъ ген. Сырового на дуэль — за оскорбленіе русской арміи. Но, какъ говорится, — «Васька слушаетъ, да ѣстъ», или еще — «брань на вороту не виснетъ», — ген. Каппель даже не получилъ отвѣта.

Послѣдній бой, который сибирская армія дала большевикамъ подъ Красноярскомъ — былъ пооослѣднимъ ударомъ для нея — она была разбита. Отдѣльными отрядами разошлись ея остатки по таежнымъ дорогамъ, кто на сѣверъ, кто на востокъ. Потомъ, въ ужасныхъ условіяхъ, отряды кое какъ собрались вмѣстѣ и подъ началомъ ген. Каппеля стали пробираться на востокъ, въ надеждѣ пробиться на Иркутскъ и закрѣпиться тамъ. Двигались они по возможности параллельно желѣзной дорогѣ. Къ каждому селу подходили съ опаской — нѣтъ ли красной за-

сады. Одѣты — кто во что, патроны — на вѣсъ золота, довольствіе зависѣло отъ мѣстнаго населенія — когда большевиками село не ограблено, такъ сыты, а то и нѣсколько дней идутъ впроголодь. Отъ желѣзной дороги часто ихъ отгоняли — удалялись опять на сѣверъ таежными дорогами, въ обходъ,—минула опасность—спускались и опять дальше, все въ завѣтномъ направленіи — на востокъ. Этотъ Сибирскій ледяной походъ прекрасно описанъ генераломъ Сахаровымъ въ его книгѣ «Бѣлая Сибирь». О немъ въ Европѣ почти не знаютъ.

У адм. Колчака не было никакихъ надеждъ соединиться съ арміей и онъ, вѣроятно, даже не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, гдѣ находятся войска. Плѣненный чехами, адмиралъ цѣлый мѣсяцъ находился въ мучительной неизвѣстности, и везли его черепашьимъ шагомъ, изъ милости, съ постоянными издѣвательствами. 29-го декабря, когда поѣздъ стоялъ въ Н. Удинскѣ, отъ ген. Жаненъ получена была телеграмма слѣдующаго содержанія:

« 1) Поѣздъ Верховнаго Правителя задержать.

2) Золотой запасъ передать чешской охранѣ.

3) Желѣзную дорогу считать нейтральной зоной и не допускать на ней военныхъ дѣйствій».

Въ Н. Удинскѣ въ это время уже была желательная чехамъ власть, и можно себѣ представить, что переживалъ адм. Колчакъ. (1) 4-го января онъ проситъ ген. Жанена доставить его 7 литерныхъ поѣздовъ въ Забайкалье и сообщаетъ, что подписалъ бумагу о передачѣ власти во всей Восточной Россійской окраинѣ атаману Семенову. 5-го января отъ генерала Жанена послѣдовало распоряженіе: «Изъ всѣхъ литерныхъ эшелоновъ на Востокъ будетъ пропущенъ только одинъ вагонъ, въ немъ могутъ ѣхать лишь адмиралъ, какъ частное лицо и его сопровождающіе».

Адмиралъ отвѣтилъ: «Я не могу оставить своихъ спут-

---

*) Ибо мѣстные власти все время требовали его выдачи, митинговали передъ самыми окнами его вагона. (Авт.).

никовъ на растерзаніе безумной толпы и остаюсь дѣлить съ ними участь».

Отъ генерала Жанена получено:

«Я все сдѣлалъ, что могъ».

Адмиралъ предложилъ своему конвою и спутникамъ разойтись, кто можетъ. Въ это время офицерами былъ предложенъ разработанный планъ — бѣжать изъ поѣзда и пробираться въ Монголію, — адмиралъ отказался. Это былъ его второй отказъ отъ этого плана.

8-го января 1920 г. вагонъ адмирала, прицѣпленный къ чешскому эшелону, вышелъ со ст. Нижне-Удинскъ на востокъ. Вагонъ былъ биткомъ набитъ, въ немъ помѣщалось 100 человѣкъ. На вагонѣ были вывѣшены 5 союзныхъ флаговъ: Франціи, Англіи, Америки, Японіи и Чехословакіи.

13-го января адмиралъ Колчакъ проѣзжалъ ст. Черемхово (крупный рабочій центръ — депо и угольныя копи), гдѣ къ чешской охранѣ присоединилась охрана Иркутскаго «Политическаго Центра».

15-го января прибыли въ Иркутскъ. На вокзалѣ стояли шпалерами войска «Революціонной арміи»...

Изъ книги адъютанта ген. Сырового, кап. Скацеля, «Съ ген. Сыровымъ въ Сибири», мнѣ ярко запомнилось одно, больно укусившее меня мѣсто, а именно: когда адм. Колчакъ былъ привезенъ на ст. Иркутскъ, начальникъ хозяйственной части Грабчикъ звонилъ по телефону ген. Сыровому, спрашивая распоряженія, какъ быть съ довольствіемъ привезеннаго адмирала. Генералъ Сыровой отвѣтилъ, что Колчакъ самъ по себѣ можетъ быть взятъ на солдатскій котелъ.

Воспользуемся опять легіонерскимъ лѣтописцемъ, который такъ много и правдиво разсказываетъ намъ, — д-ромъ Крейчи, ему очень хорошо извѣстны событія 15-го января 1920 г. изъ непосредственнаго источника.

Стр. 243: «... власть «Политическаго Центра», подъ нажимомъ большевицкаго «Рев-Кома», требовала у ген. Жанена, чтобы онъ выдалъ адм. Колчака. Ген. Жаненъ,

уступая неизбѣжности, отдалъ соотвѣтствующее распоряженіе».

«Въ канцелярію Уполномоченнаго Чехословацкаго правительства, въ Иркутскѣ, д-ра Благоша, былъ приглашенъ представитель правительства А. Б. Козминскій, чтобы сговориться о способѣ выдачи адмирала. Около 6-ти часовъ вечера, оба политическихъ представителя поѣхали на вокзалъ, къ поѣзду, гдѣ къ интернированнымъ была приставлена чехословацкая и русская охрана. Начальникъ колчаковскаго поѣзда, майоръ Кравакъ, спросилъ представителя Политическаго Центра Козминскаго, въ какой формѣ будетъ произведенъ актъ выдачи. На это онъ получилъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что Колчакъ поступитъ въ распоряженіе Комиссіи, состоящей изъ представителей Политическаго Центра и штаба народно-революціонной арміи. Комиссія озаботится, чтобы дѣло Колчака въ ускоренномъ порядкѣ было передано слѣдственной комиссіи (Чека). Названная комиссія около 7 часовъ вечера явилась на вокзалъ, и бывшаго Верховнаго Правителя по ея распоряженію подъ усиленнымъ конвоемъ отравили въ мѣстную тюрьму»...

Итакъ, перевернута самая темная страница изъ пребыванія чеховъ въ Сибири.

Адмиралъ Колчакъ, безоружный, уже частный человѣкъ, былъ переданъ ими съ рукъ на руки въ Чеку, на смерть. Его передалъ Полномочный представитель президента Массарика, д-ръ Благошъ, замѣнявшій въ то время въ Иркускѣ д-ра Гирсу. Мы видѣли, какъ подготовлялся этотъ зловѣщій финалъ. Этимъ генералы Сыровой и Жаненъ закончили длинный рядъ «славныхъ» дѣлъ, закрѣпили свои имена въ исторіи. Да, въ сибирскую лютую зиму 1919-1920 года имена эти подъ каждымъ снѣжнымъ сугробомъ повторялись съ проклятіями. Впрочемъ, что имъ заочныя проклятія умирающихъ въ тайгѣ «русскихъ дикарей», ихъ не смущали ни прямые вызовы на дуэль, ни вопли о пощадѣ въ видѣ открытыхъ писемъ и теле-

граммъ. Ниже я приведу два открытыхъ письма напечатанныхъ въ дальневосточныхъ газетахъ 1920 года. Первое письмо — капитана польскихъ войскъ, обрисовываетъ положеніе 5-ой польской дивизіи, которая, по милости чеховъ, должна была сдаться большевикамъ на ст. Клюквенная.

«Открытое письмо генералу Сыровому.

Какъ капитанъ польскихъ войскъ, славянофилъ, давно посвятившій свою жизнь идеѣ единства славянъ, обращаюсь лично къ Вамъ, генералъ, съ тяжелымъ для меня, какъ славянина, словомъ обвиненія.

Я, оффиціальное лицо, участникъ переговоровъ съ Вами по прямому проводу со ст. Клюквенной, требую отъ Васъ отвѣта и довожу до свѣдѣнія Вашихъ солдатъ и всего міра о томъ позорномъ предательствѣ, которое несмываемымъ пятномъ ляжетъ на Вашу совѣсть и на Вашъ «новенькій» чехословацкій мундиръ.

Но Вы жестоко ошибаетесь, генералъ, если думаете, что Вы, палачъ, славянинъ, собственными руками похоронившій въ снѣгахъ и тюрьмахъ Сибири возрождающуюся русскую армію съ многострадальнымъ русскихъ офицерствомъ, пятую польскую дивизію и полкъ сербовъ, и позорно предавшій адмирала Колчака, безнаказанно уйдете изъ Сибири. Нѣтъ, генералъ, арміи погибли, но славянская Россія, Польша и Сербія будутъ вѣчно жить и проклинать убійцу возрожденія славянскаго дѣла.

Я приведу только одинъ фактъ, гдѣ Вы были участникомъ предательства, и его одного будетъ достаточно для характеристики 1уды славянства, **Вашей характеристики, генералъ Сыровой.**

9-го января сего года отъ нашего польскаго командованія, съ вѣдома представителей иностранныхъ державъ, всецѣло присоединившихся къ нашей телеграммѣ, было передано слѣдующее:

«5-ая Польская дивизія, измученная непрерывными боями, дезорганизованная безпримѣрно труднымъ передвиженіемъ по желѣзной дорогѣ, лишенной воды, угля и

дровъ, и находящаяся на краю гибели, во имя гуманности, проситъ Васъ о пропускѣ на востокъ пяти нашихъ эшелоновъ (изъ числа 56) съ семьями воиновъ, женщинами, дѣтьми, ранеными, больными, обязуясь, предоставивъ Вамъ въ Ваше распоряженіе всѣ остальные паровозы, двигаться дальше боевымъ порядкомъ въ аріергардѣ, защищая, какъ и раньше, Вашъ тылъ».

Послѣ долгаго, пятичасоваго, томительнаго перерыва, мы получили, генералъ, Вашъ отвѣтъ, отвѣтъ нашего брата-славянина:

«Удивляюсь тону Вашей телеграммы. Согласно послѣднему приказанію генерала Жанена, Вы обязаны идти послѣдними. Ни одинъ польскій эшелонъ не можетъ быть мною пропущенъ на востокъ. Только послѣ ухода послѣдняго чешскаго эшелона со ст. Клюквенная, Вы можете двинуться впередъ. Дальнѣйшіе переговоры по сему вопросу и просьбы считаю законченными, ибо вопросъ исчерпанъ».

Такъ звучалъ отвѣтъ Вашъ, генералъ, добившій нашу многострадальную пятую дивизію.

Конечно, я знаю, что Вы можете сказать мнѣ, какъ и другимъ, что технически было невозможно выполнить наше предложеніе; поэтому заранѣе говорю Вамъ, генералъ, что тѣ объясненія, которыя Вы представили и представляете другимъ, не только не убѣдительны, но и преступно лживы. Мнѣ, члену комиссіи, живому свидѣтелю всего происходившаго, лично изслѣдовавшему состояніе станц. Клюквенной, Громодской и Заозерной, Вы не будете въ состояніи лгать и доказывать то, что доклазывали генералу Жанену. Если бы Вы, не какъ безчестный трусъ, скрывавшійся въ тылу, а какъ настоящій военачальникъ, были бы среди Вашихъ войскъ, то Вы увидѣли бы, что главный путь былъ свободенъ до самаго Нижнеудинска. Абсолютно никакихъ затрудненій по пропуску пяти нашихъ эшелоновъ быть не могло. У меня есть живые свидѣтели, спеціалисты желѣзнодорожнаго дѣла, не поляки, а иностранцы, бывшіе 7, 8 и 9 января на ст. Клюквенной, которые, несомнѣнно, подтвердятъ мои слова.

Я требую отъ Васъ, генералъ, отвѣта только за нашихъ дѣтей и женщинъ, преданныхъ Вами въ публичные дома и общественное пользованіе «товарищей», оставляя въ сторонѣ факты выдачи на ст. Тулунѣ, Зимѣ, Половинѣ и Иркутскѣ русскихъ офицеровъ *на моихъ глазахъ*, дружественно переданныхъ по соглашенію съ Вами, *для разстрѣла*, въ руки товарищей.

Но за всѣхъ ихъ, замученныхъ и разстрѣлянныхъ, несомнѣнно, потребуютъ отвѣта мои братья-славяне, русскіе, и Великая Славянская Россія.

Я же лично требую отъ Васъ отвѣта хотя бы только за насъ, поляковъ.

Не я, а безпристрастная исторія, соберетъ всѣ факты и заклеймитъ позорнымъ клеймомъ, клеймомъ *предателя*, Ваши дѣянія.

Я же лично, какъ полякъ, офицеръ и славянинъ, обращаюсь къ Вамъ:

— *Къ барьеру*, генералъ!

Иначе я называю Васъ *трусомъ и подлецомъ*, достойнымъ быть убитымъ въ спину.

Капитанъ Польскихъ Войскъ въ Сибири

Ясинскій-Стахурекъ».

5-ое февраля 1920 года.

Генералъ Сыровой ничего не отвѣтилъ на это письмо, какъ не отвѣтилъ онъ и раньше, на вызовъ къ барьеру, генераломъ Каппелемъ. Въ Харбинѣ же онъ получилъ, за успѣшную эвакуацію, отъ генерала Жанена орденъ Почетнаго Легіона.

А вотъэ что пишетъ генералу Жанену другое лицо, полковникъ Сыробоярскій:

«Какъ идейный рускій офицеръ, имѣющій высшія боевыя награды и многократныя раненія и лично извѣстный Вамъ по минувшей войнѣ, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ, чтобы высказать о томъ леденящемъ русскія сердца ужасѣ, которымъ полны мы, рускіе люди, свидѣтели небывалаго и величайшаго предательства славянска-

го нашего дѣла тѣми бывшими нашими братьями, которые жертвами многихъ тысячъ лучшихъ нашихъ патріотовъ, были вырваны изъ рабства въ кровавыхъ бояхъ на поляхъ Галиціи. Я лично былъ раненъ передъ окопами одного славянскаго полка австрійской арміи, находящагося нынѣ въ Сибири, при его освобожденіи отъ рабства. Казалось, годъ назадъ мы получили заслуженно справедливую братскую помощь, когда, спасая только свои жизни, бывшіе наши братья чехи свергли большевистскія цѣпи, заковавшія весь русскій народъ, ввергнутый въ безвыходную могилу. Какой стихійной волной по Сибири и по всему міру пронесся восторгъ и поклоненіе передъ чешскими соколами и избавителями. Однимъ порывомъ, короткой и побѣдной борьбой, чехи превратились въ сказочныхъ богатырей, въ рыцарей безъ страха и упрека. Русскій народъ на долгія поколѣнія готовился считать ихъ своими спасителями и освободителями.

Назначеніе Ваше на постъ Главнокомандующаго всѣми союзными войсками въ Сибири было принято всюду съ глубокимъ удовлетвореніемъ. Но вотъ съ Вашего пріѣзда чешскія войска начали отводиться съ фронта въ тылъ, какъ сообщали, для отдыха отъ переутомленія. Русскіе патріоты, офицеры, добровольцы и солдаты, болѣе трехъ лѣтъ боровшіеся съ Германіей за общіе съ Вашей Родиной идеалы, своей грудью прикрыли уходившихъ чеховъ. Грустно было провожать ихъ уходившіе на востокъ эшелоны, перегруженные не столько боевымъ имуществомъ, но болѣе всего, такъ называемой, в о е н н о й д о б ы ч е й. Везлась мебель, экипажи-коляски, громадныя моторныя лодки, катера, мѣдь, желѣзо, с т а н к и, и другія цѣнности и достояніе русскаго народа. Все же вѣрилось, что послѣ отдыха вновь чешскіе соколы прилетятъ къ братьямъ русскимъ, сражавшимся за Уральскимъ хребтомъ. Но прошелъ почти годъ, и мы вновь свидѣтели небывалаго въ исторіи человѣчества предательства, когда славяне чехи предали тѣхъ братьевъ, которые, довѣрившись имъ, взяли опущенное ими оружіе и пошли защи-

щать идею славянства и самихъ ихъ отъ большевиковъ. И вотъ, когда они, спокойно оставивъ въ тылу у себя братьевъ, оторвавшись на тысячи непроходимыхъ верстъ, приняли на себя всѣ непосильные удары и истомленные и обезсиленные, начали отходить, поднялись ножи Каиновъ славянства, смертельно ударившихъ въ спину своимъ братьямъ. Я не знаю, какъ и кѣмъ принимались телеграммы отъ русскихъ вождей патріотовъ, полныя отчаянія, съ смертельнымъ крикомъ о пощадѣ безвинныхъ русскихъ бойцовъ, гибнущихъ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая непропускаемые чехами эшелоны съ ранеными и больными, съ семьями безъ крова и пищи, съ женщинами и дѣтьми, замерзающими тысячами. Я прочелъ телеграмму генерала Сырового, которая еще болѣе убѣдила насъ всѣхъ въ продуманности и сознательности проведенія чехами плана умерщвленія нашего дѣла возрожденія Россіи. Кромѣ брани и явнаго сведенія личныхъ счетовъ съ неугоднымъ чешскому командованію русскимъ правительствомъ и жалкой попытки опровергнуть предъявленныя къ нимъ обвиненія въ усугубленіи происходившихъ бѣдствій Русской Арміи и Русскаго Народа, въ нихъ не было ничего. А что думаетъ г. Сыровой о брошенныхъ и подставленныхъ подъ удары большевиковъ братьяхъ полякахъ и сербахъ, кровавыми жертвами устилающихъ свой путь?

Ваше Превосходительство! Вашъ преждевременно поспѣшный отъѣздъ въ тылъ возглавляемыхъ Вами частей лишилъ Васъ возможности быть непосредственнымъ свидѣтелемъ и безпристрастнымъ судьей всѣхъ ужасныхъ преступленій, производимыхъ Вашими подчиненными. Свѣдѣнія, поступающія къ Вамъ изъ источниковъ явно тенденціознаго свойства, не могли дать истинной картины всего происходящаго. Лучшій судья человѣчества — время, дастъ будущей исторіи и фактическія данныя о роли возглавляемыхъ Вами чеховъ въ переживаемые тяжкіе дни Россіи. Сейчасъ, когда уже замерли предсмертные

стоны умирающихъ армій и ихъ героевъ вождей, и когда **некому и не о комъ** безнадежно молить у Васъ о пощадѣ, я позволю себѣ высказать Вамъ то, что прошло на моихъ глазахъ за два мѣсяца эвакуаціи изъ Омска. Чехи своей подготовительной работой разложивъ глубокій тылъ нашихъ армій, захвативъ и парализовавъ единственную магистраль, дававшую арміямъ жизнь. въ то же время укрѣпляли тотъ несложный эсъэровскій, а вѣрнѣе большевистскій рычагъ, который позволилъ кучкѣ негодяевъ воспользоваться слабостью довѣреннаго чехамъ тыла, чтобы создать хаосъ и дезорганизованность, тѣмъ болѣе, что чехи открыто содѣйствовали негодяямъ и убійцамъ. Объявивъ нейтралитетъ желѣзной дороги, допустили пользованіе ею возставшимъ, но воспретивъ это даже Верховному Правителю. На нѣкоторыхъ пунктахъ линіи желѣзной дороги съ первыхъ дней возстанія изъ чешскихъ броневиковъ выдавалось вооруженіе, такъ называемой, «народной» арміи, съ которой они установили соглашеніе о взаимномъ нейтралитетѣ до ухода чеховъ. Задерживались и выдавались наши офицеры, ѣдущіе на востокъ. Вы, Главнокомандующій союзныхъ частей со дня своего пріѣзда, не зная обстановки, осуждали Атамана Семенова изъ за его недоразумѣнія съ Верховной властью, а теперь со всей Вашей арміей готовы видѣть въ немъ врага за то, что онъ остался вѣренъ той власти, въ подчиненіи которой Вы ранѣе его лично убѣждали и отъ которой Вы такъ быстро отвернулись. Просто въ тупикъ становишься отъ сопоставленія всѣхъ производимыхъ Вами — нашими союзниками — опытовъ съ нашей больной и искалѣченной Россіей. Неужели же кошмаръ событій сдачи Одессы уже изгладился изъ Вашей памяти? Но вѣдь то, что происходитъ сейчасъ въ Сибири, несравнимо съ предательствомъ Одессы, похоронившей въ себѣ все, что было лучшаго, честнаго и идейнаго въ ней. Неужели же и здѣсь, въ Сибири, существуетъ неумолимое рѣшеніе не дать даже одиночнымъ борцамъ, которыхъ вы снабжали оружіемъ,

одеждой и тѣмъ самымъ поддерживали въ борьбѣ съ большевиками, выйти изъ той, искусственно созданной Вами обстановки, гдѣ они неминуемо должны погибнуть. Объ издѣвательствахъ и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ чехами главѣ и представителю Русской Арміи Адмиралу Колчаку, говорить не приходится, такъ какъ неожиданная перемѣна въ поддержкѣ неформально признанной Вами Всероссійской власти вызываетъ сомнѣнія въ чистосердечности прежнихъ отношеній. Скажите же, наконецъ, Ваше слово о Вашемъ отношеніи ко всѣмъ ужасамъ происходящаго. Если Вы глава безъ командованія и подчиненности Вамъ чеховъ, что открыто обсуждается всѣми, то мы не будемъ связывать всѣ разыгрываемыя сейчасъ, какъ по нотамъ, событія съ Вашимъ именемъ, какъ представителя и отвѣтственнаго исполнителя приказовъ французскаго Правительства. Въ такомъ случаѣ, скажите Вашей далекой Франціи, что русскіе патріоты не вѣрятъ, что ей чужды страданія тѣхъ, кто спасъ ей Парижъ, и они просятъ , если не помощи себѣ, то хотя бы непокровительства тѣмъ, кто въ данные дни является предателями нашего святого дѣла возрожденія Родины.

Полковникъ Сыробоярскій.

14-го января 1920 года.

Ст. Черемхово».

2-ое открытое письмо къ ген. Жаненъ:

«Г. Генералъ. Я вынужденъ продолжить къ Вамъ свое слово, но не съ новыми вопросами, а съ послѣднимъ словомъ русскаго офицера къ генералу французской службы, позоромъ и предательствомъ покрывшимъ свой голубой мундиръ не только, я увѣренъ, въ глазахъ непосредственныхъ свидѣтелей текущихъ событій, но и всего человѣчества, всего міра. Я только что хранимый судьбой, избѣгнувъ предательства чехо-командованія, приказавшаго меня арестовать, прибылъ въ Иркутскъ. Ужасъ, парализовавшій пониманіе совершеннаго Вами, охватилъ меня.

Верховный Правитель и Главнокомандующій Русскихъ Армій, Адмиралъ Колчакъ, подлымъ, и гнуснымъ и позорнымъ способомъ преданъ Вами. Иркутскія газеты сообщаютъ о гнусномъ воровствѣ русскаго народнаго достоянія — золота, переданнаго Вашимъ приказомъ возглавляемымъ Вами «рыцарямъ» чехамъ. Невозможно перечислить всѣ подобнаго рода «подвиги» Вашихъ войскъ, но каждый новый превосходитъ предыдущій, и мы со стиснутыми зубами ждемъ конца имъ. Но неужели же Вы, г. генералъ, думаете, что предавъ на позорную смерть врагамъ человѣчества нашего Верховнаго Правителя, Вы удушили слова истины, похоронивъ ихъ на снѣговыхъ поляхъ Сибири, среди погибающихъ тамъ русскихъ патріотовъ, или Вамъ привѣтъ изъ гостепріимно Вами приготовленной Иркутской тюрьмы? Но помните, генералъ, что русскій патріотъ и рыцарь можетъ взойти и на эшафотъ незапятнаннымъ джентельменомъ, чего нельзя заслужить никакимъ цвѣтнымъ мундиромъ, прикрывающимъ ничтожество, предательство и трусость.

Остановите же, генералъ, свой постыдный бѣгъ на востокъ подъ охрану американскихъ, японскихъ и чешскихъ штыковъ, въ районъ Атамана Семенова, еще незараженный Вашей работой. Разоруженіе частей Атамана Семенова въ Верхнеудинскѣ ясно расшифровывается всѣми, какъ новая гнусная провокаторская попытка обмануть будущихъ судей Вашихъ преступленій, сваливъ на Атамана Семенова и на его войска всю вину въ безграничномъ хаосѣ Вашей чешской эвакуаціи. Оглянитесь назадъ. Неужели Ваше мѣсто въ позорномъ тылу Вашихъ погибающихъ войскъ? Если Вы позорите себя, то пощадите мундиръ Вашей благородной родины, вѣдь она мать, ввѣрившая Вамъ дѣтей поляковъ, румынъ, сербовъ. Вѣдь Вашими стараніями и воспитаніемъ братья чехи, удушивъ своихъ слабѣйшихъ братьевъ, похоронили ихъ въ вырытыхъ ими могилахъ. Но справедливое возмездіе близится и для чеховъ. Неужели же Вы, не ожидая его, хотите бѣжать, спасая себя, на востокъ? Взгляните, какіе кровавые слѣды отмѣчаютъ Вашъ путь. Знаете ли

Вы, какія ужасныя проклятія несутся Вамъ вслѣдъ отъ всѣхъ брошенныхъ и загубленныхъ Вами братьевъ русскихъ, поляковъ, румынъ и сербовъ? Неужели же благородная Франція позволитъ Вамъ вступить своими окровавленными братской кровью ногами на землю, освященную кровью тѣхъ, кто далъ ей побѣду?

Полковникъ Сыробоярскій»

г. Иркутскъ.
17-го января 1920 г.

У цитируемаго ниже легіонерскаго историка, д-ра Штейдлера, въ его книгѣ «Чехословацкое движеніе на Руси», есть очень откровенныя страницы, повѣствующія о дняхъ январьскихъ. Эти страницы возстанавливаютъ полную картину, предшествовавшую выдачѣ Адмирала Колчака, подтверждая все нами выше приведенное.

Стр. 103: «... Послѣднимъ организованнымъ остаткамъ Сибирской арміи ген. Каппеля, идущимъ за нами, достигнувшимъ въ началѣ января линіи Ачинскъ-Красноярскъ, былъ путь на востокъ внезапно запертъ. Попытка каппелевцевъ пробиться 5-го января съ боемъ черезъ Красноярскъ, окончилась неудачей, и сибирская армія, отброшенная отъ магистрали, принуждена была предпринять страстнотерпный воинскій походъ по трактамъ и замерзшимъ рѣкамъ до Забайкалья. Тремя днями позднѣе послѣдніе чехословацкіе эшелоны находились только въ 100 верстахъ восточнѣе Красноярска на ст. Клюквенной. Того же дня, именно 8-го января, Красноярскъ былъ занятъ авангардомъ регулярной красной арміи, и такимъ образомъ, создалось серьезное положеніе нашего арьергарда. Часть Польского легіона, находящаяся еще западнѣе Красноярска, и всѣ остальные польскіе эшелоны, стоящіе между Красноярскомъ и Пинчино, съ 3-мя эшелонами сербовъ, — были 10-го января 1920 года настигнуты непріятелемъ. Катастрофа нашего арьергарда была полнѣйшая. Цѣлая польская дивизія и сербскій полкъ добровольно сдались неболь-

шому совѣтскому отряду, исключая малые остатки, сохранившіеся въ чехословацкихъ эшелонахъ.

Благодаря этому событію, наши эшелоны пришли къ прямому соприкосновенію съ большевицкимъ авангардомъ. Чехословацкое командованіе, желая избѣгнуть новаго конфликта, который означалъ бы, вопреки директивамъ съ родины, задержку нашей эвакуаціи на неопредѣленное время, выслало 11-го января парламентеровъ къ большевицкому авангарду. Большевики, возгордившись неожиданнымъ успѣхомъ, сдачей цѣлой польской дивизіи, — встали, однако, противъ продолженія эвакуаціи чехословацкаго войска на востокъ, категорически потребовали выдать оружіе, считать себя за военноплѣнныхъ и, какъ таковые, отправляться подъ охраною Совѣтовъ домой черезъ Западъ.

Вслѣдствіе этого естественно, что переговоры были прерваны съ чехословацкой стороны, и 12-го января наши части оставили ст. Клюквенную, на слѣдующій день занятую авангардомъ красныхъ. Для сокращенія количества эшелоновъ вышелъ нашъ 2-ой кавалерійскій полкъ на коняхъ и прикрывалъ такимъ образомъ отъѣздъ 12-го полка, стѣсненнаго только въ двухъ поѣздахъ.

Большевицкая артиллерія *) покушалась, обстрѣливаніемъ нашего задняго отряда, открыть бой, но наши части, замѣшкавшись только на взрывѣ мостовъ и полотна желѣзной дороги, какъ можно скорѣе уходили изъ зоны досягаемости красной арміи.

Въ тотъ моментъ русская демократія, которой удалось свергнуть режимъ Адм. Колчака, собственно, главнымъ образомъ, благодаря нашему благожелательному ей нейтралитету и благодаря тому, что нашей воинской си-

*) Т. е. тотъ же "небольшой отрядъ", которому сдалась польская дивизія (Авт.)

лой была на Байкалѣ ликвидирована опасность, грозящая ей отъ семеновцевъ, — держалась къ политикѣ чехословацкаго войска недовѣрчиво и подозрительно. Одной изъ причинъ было наше запутанное отношеніе къ Адм. Колчаку. Поѣзда его, вмѣстѣ съ остатками казанскаго золотого запаса дошли въ началѣ января 1920 года только до Нижне-Удинска, гдѣ застигъ ихъ уже политическій переворотъ. Колчакъ, личная стража котораго, кромѣ офицеровъ, разомъ перешла къ повстанцамъ, *), въ критической для него ситуаціи, обратился къ помощи дипломатическаго корпуса въ Иркутскѣ. Высокіе комиссары союзныхъ державъ взяли адм. Колчака подъ охрану, какъ частное лицо, ибо передъ тѣмъ, 4-го января, онъ заявилъ свое рѣшеніе сложить власть и подписать соотвѣтствующій отступной декретъ по пріѣздѣ въ Верхнеудинскъ. Такъ какъ единственною союзною силою были тамъ только наши эшелоны, то проведеніе охраны бывшаго верховнаго правителя и золотого запаса было поручено чехословакамъ... Такъ, ироніей судьбы, случилось, что чехословацкое войско, выполняя волю союзниковъ, принуждено было взять на себя охрану ненавидимаго Правителя и подвергнуться новымъ нападкамъ сибирской демократіи, требующей суда надъ адм. Колчакомъ. Это неестественное отношеніе чехословацкой охраны адм. Колчака становилось, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ненадежнымъ и, въ особенности, въ связи съ описаннымъ неуспѣхомъ мирныхъ переговоровъ съ большевиками, грозилъ нашей, если не всей эвакуаціи, то большей части войска, находящагося еще до сихъ поръ западнѣе Байкала. Особенно чувствовалась объявленная забастовка черемховскихъ каменоугольныхъ копей, саботажъ желѣзнодорожныхъ служащихъ— все это требовало наискорѣйшаго успокоенія. По этому, по приказу генерала Жаненъ, адм. Колчакъ и министръ-предсѣдатель

*) Адмиралъ самъ отпустилъ конвой, чтобы не губить людей, т. к. чехи изъ всѣхъ 7-ми поѣздовъ оставили ему лишь одинъ вагонъ (Авт.).

Пепеляевъ были отвезены въ Иркутскъ и тамъ 15-го января сданы властямъ «Политическаго Центра» для суда особой Чрезвычайной Комиссіей. Золотой же запасъ остался подъ смѣшанной чехословацко-русской стражей на Иркутскомъ вокзалѣ...

Одновременно съ этими событіями, и цѣлая ситуація для нашего задняго звена, угрожаемаго большевиками, начала улучшаться. Отступающіе остатки Каппелевской арміи, пробивающіеся дорогою параллельно магистрали, грозили настоящей погибелью всѣмъ новымъ совѣтскимъ властямъ въ городахъ на магистрали, воински еще не укрѣпленныхъ и ожидающихъ усиленія только отъ прихода регулярныхъ войскъ большевицкой арміи. Побѣдный бой Каппелевскаго передового отряда 19-го января 1920 года на ст. Укъ, уничтожилъ большевицкую власть въ Нижне-Удинскѣ, совѣтъ скрылся, а разбитые красноармейцы прибѣжали съ просьбой объ охранѣ къ чехословацкимъ эшелонамъ. Естественно, что дальнѣйшій успѣхъ Каппелевцевъ усилилъ бы еще болѣе хаосъ политически-военныхъ отношеній на магистрали».

Значитъ, короче говоря, особа покойнаго Адмирала Колчака весьма и весьма послужила для содѣйствія чешской эвакуаціи, а именно: **чехи захватили его для того, чтобы откупиться имъ отъ преслѣдующихъ большевиковъ...** Сунулись, было, съ мирными предложеніями, но ушли «не солоно хлебавши». Отвезли его въ Иркускъ и сдали въ тюрьму — тогда большевики стали милостивѣе — «ситуація улучшилась». Въ своемъ позорномъ бѣгствѣ отъ большевиковъ, чехи непрерывно бросали имъ умилостивительныя жертвы: сначала вагоны-саркофаги омской эвакуаціи,потомъ отобранная у русской арміи желѣзная дорога, армія кинута въ снѣжную тайгу, затѣмъ Польскій легіонъ, прикрывавшій тылъ бѣгущихъ чеховъ, покуда могъ, а также полкъ сербовъ. Но и эти умилостиви-

тельныя жертвы, удивительныя по жестокости, и столь обильныя, что едва ли древніе язычники для умилостивленія своихъ идоловъ приносили столько человѣческихъ жертвъ сразу, — Краснаго Молоха не умилостивили.

Красные шли дальше, ближе къ своей цѣли. А что было этой цѣлью? Армія обезврежена и добивать ее не надо, сама погибнетъ въ снѣгахъ, аппаратъ верховной власти Колчака — разрушенъ, тылъ захваченъ, то есть сдѣланъ совѣтской власти грандіозный новогодній подарокъ! И, какъ говорится, ни «за понюхъ табаку» — д а р о м ъ все получили, за одинъ конскій топотъ «небольшого совѣтскаго отряда».

Остается одно, послѣднее — уничтожить самого адмирала Колчака. Тутъ чехи сдѣлали «маленькій обходъ» — съ цѣлью выиграть время — они повезли Колчака не прямо на западъ, въ руки красныхъ, а на востокъ, въ Иркутскъ и тамъ держали его, какъ выкупъ, передавъ въ тюрьму «для суда демократіи». «Демократія» же эта, сидѣвшая на плечахъ чеховъ, ровно черезъ 10 дней «въ полномъ порядкѣ» превратилась въ совѣтскую власть, причемъ естественно, отношеніе къ чехамъ въ Иркутскѣ не перемѣнилось, а, какъ пишетъ д-ръ Штейглеръ, осталось пріятельскимъ.

Изъ этого «обхода» проистекли дальнѣйшія бѣды: каппелевцы, о которыхъ уже забыли и жертвоприносители и истуканы — вдругъ вылѣзли изъ тайги, собрались съ послѣдними силами и испортили всю, съ такимъ трудомъ налаженную идиллію — начали поколачивать встрѣчные совдепы. Чехи забезпокоились — неровенъ часъ, выбьютъ каппелевцы мѣстныхъ большевиковъ, захватятъ опять власть бѣлые — скверно вѣдь будетъ послѣ всего!.. И большевики — въ панику ударились — если каппелевцы выбьютъ мѣстныхъ красныхъ, то они захватятъ Иркутскъ, первымъ дѣломъ выпустятъ Колчака и, чего добраго, придется начинать все съ начала. Надо, во что бы то ни стало, не дать каппеловцамъ усилиться и не дать имъ разогнать мѣстныхъ большевиковъ, а какъ это сдѣ-

лать? Самимъ нельзя, далеко еще, но можно черезъ чеховъ — стоитъ только «ухудшить ситуацію».

И ситуація ухудшается — второе мирное предложеніе, уже сдѣланное большевиками въ 20-хъ числахъ января на ст. Венгеркѣ, увеличило требованія большевиковъ и заострило старыя. Кромѣ того, были высланы красныя воинскія колонны, грозившія отрѣзать задніе чешскіе эшелоны около ст. Тайшетъ. Молохъ требовалъ новыхъ жертвоприношеній... Въ дальнѣйшемъ мы и увидимъ, чѣмъ чехи улучшили свою ситуацію.

А пока обратимъ свои взоры на другое — на каппелевцевъ. Познакомимся подробнѣе — откуда они, каковъ ихъ составъ и какова ихъ недолгая исторія.

Сибирская армія, при невѣроятныхъ трудностяхъ, при морозахъ, въ глубокихъ снѣгахъ, плохо одѣтая и голодная, мужественно пробивалась на востокъ. Кромѣ красныхъ приходилось еще отбиваться отъ отрядовъ такъ называемыхъ «зеленыхъ» Щетинкина, Кравченко и Рогова, которые дрались и съ красными и съ бѣлыми. Арміей командовалъ генералъ Каппель, имя котораго прогремѣло еще на Волгѣ въ первые дни возстанія чеховъ. имя это осталось навсегда въ названіи войска. Только благодаря генералу Каппелю армія вытерпѣла небывалый походъ черезъ всю Сибирь. Любимый вождь и послѣ смерти велъ свое войско. Онъ скончался 26 января въ пути, провалившись подъ ледъ при переходѣ рѣки Канъ, не захотѣлъ слѣзать съ сѣдла и воспользоваться привилегіей больныхъ — ѣхать въ саняхъ. Солдаты его не похоронили въ снѣгахъ, но завернули дорогое тѣло въ шинели и не разставались съ нимъ до тѣхъ поръ, пока сами не нашли прочнаго пристанища за Байкаломъ. Читинская газета «Восточная окраина» въ февральскіе дни — дни прихода каппелевцевъ въ Читу, такъ описывала исторію Каппеля и каппелевцевъ:

«Генералъ Каппель былъ офицеръ генеральнаго штаба во время великой войны онъ былъ на фронтѣ въ кавалерійской дивизіи и былъ дважды раненъ. Вернулся съ фрон-

та въ чинѣ подполковника и поселился въ Самарѣ, гдѣ началъ свою работу противъ большевиковъ.

Въ маѣ 1918 года чехи вошли въ Самару, и въ этотъ же день по главной улицѣ города прошли вооруженные люди: чиновники, учащіеся, офицеры, солдаты и т. п. Это былъ первый отрядъ каппелевцевъ, имя которыхъ вмѣстѣ съ его вождемъ теперь извѣстно во всей Россіи.

Отрядъ каппелевцевъ въ Самарѣ пробылъ нѣсколько дней и выступилъ за предѣлы города на борьбу съ большевиками. Вскорѣ по всей Волгѣ понеслись вѣсти о сказочныхъ побѣдахъ Каппелевцевъ.

Въ солдатской шинели и фуражкѣ, подъ дождемъ рядомъ со своими удальцами нераздѣльно былъ Каппель, и ни одинъ человѣкъ, глядя на сѣрую кучку отдыхающихъ отъ боевыхъ схватокъ людей, не могъ бы сказать, кто изъ нихъ полководецъ. Въ немъ каждый солдатъ видѣлъ, прежде всего, такого же солдата. Каппель и каппелевцы — это солдаты-друзья, страдающіе другъ за друга. Только солдаты такого полководца, какъ Каппель, могли совершать подвиги вродѣ взятія города Сингилея, гдѣ 250 каппелевцевъ выбили съ позиціи 5000 красноармейцевъ, снабженныхъ 16-ью пушками, 300-ми пулеметами и 7-ью пароходами, вооруженными артиллеріей...

Вскорѣ былъ взятъ каппелевцами укрѣпленный большевиками Симбирскъ, а еще немного спустя, Каппель стоялъ передъ Казанью со своимъ единственнымъ орудіемъ и громилъ красныхъ. Казань была взята. Однако, вскорѣ большевики собрали силы и лавой обрушились на наши войска. Наступили тяжелые дни отступленія, но картина каппелевскаго отступленія вызывала восторгъ. Это было не отступленіе, а шествіе чудо-богатырей.

2000 человѣкъ шли до Уфы подъ натискомъ 40.000 красныхъ войскъ».

Отрядъ генерала Каппеля на Уралѣ пополнился цѣлые двумя дивизіями — Ижевской и Воткинской. Дивизіи эти получили названіе по имени заводовъ Ижевскаго и Воткинскаго...

Вотъ какъ произошли эти дивизіи, характеризующія

истинное отношеніе рабочихъ и крестьянъ къ «Рабоче-Крестьянскому» правительству большевиковъ.

«Далеко за Ураломъ, за красавицей Камой, стоятъ невдалекѣ одинъ отъ другого старинные казенные оружейные заводы Ижевскіе, съ 40 тыс. населенія, и Воткинскіе — съ 30 тыс. населенія. Съ октября 1917 года, какъ и во всей Россіи, заводы находились во власти совѣтскаго правительства, и почти въ теченіе цѣлаго года, рабочіе испытывали всѣ прелести совѣтскаго рая. Неудовлетворило рабочихъ и то, что собственною своею властью стали они управлять заводами.

Смущенно ходила разочарованная молодежь, и укоризненно качали головами старики.

Собранія разрѣшались только коммунистамъ, и во всѣ органы управленія выбирались тоже только коммунисты.

Производительность заводовъ пала до невозможности. Хлѣба изъ деревень крестьяне не везли, т. к. красная армія у нихъ все реквизировала. Пробовали мужики на собраніяхъ указывать коммунистамъ на ихъ ошибки, но такихъ протестантовъ объявляли контръ-революціонерами, соглашателями и отправляли въ сарапульскую уѣздную тюрьму, откуда многіе уже и не возвращались.

Глухое недовольство среди рабочихъ на заводахъ все больше и больше росло...

Волновались и крестьяне по сосѣднимъ деревнямъ.

Въ маѣ 1918 года возстали чехи; къ нимъ присоединились и россійскіе граждане, кто тяготился совѣтской властью. Народилась Сибирская армія.

Комиссародержатели заметались и поспѣшно занялись организаціей красной арміи. Была объявлена мобилизація молодыхъ людей въ возрастѣ 20 и 21 года.

Коснулась эта мобилизація и Ижевскаго завода.

Но тутъ чаша терпѣнія рабочихъ переполнилась.

5-го августа предсѣдатель совѣта собралъ рабочихъ завода и объявилъ, что насталъ моментъ, когда необходимо защищать завоеванія революціи, поэтому онъ объявляетъ по заводу мобилизацію 2-хъ лѣтъ...

Рабочіе заявили, что ни одного солдата они совѣтамъ не дадутъ. Комиссаръ ругался, возмущался, доказывалъ и, въ концѣ концовъ, видя свое безсиліе, ушелъ въ совѣтъ, гдѣ поспѣшно было созвано засѣданіе для обсужденія создавшагося положенія.

Но и рабочіе не теряли времени: они тоже поняли, что брошенный отказомъ вызовъ — есть начало борьбы. Вооружившись, кто палкой, кто желѣзнымъ прутомъ, они окружили Совѣтъ, перебили совѣтчиковъ и захватили 20 винтовокъ и пулеметы.

Въ заводѣ былъ гарнизонъ изъ мѣстныхъ красноармейцевъ въ количествѣ 1000 человѣкъ. Рабочіе дѣйствовали съ быстротою молніи. Съ 20-ью винтовками въ рукахъ они нападаютъ на красноармейцевъ, часть изъ которыхъ бѣжитъ, большая же часть обезоруживается и переходитъ на сторону возставшихъ.

Такъ свергнута была власть совѣтовъ на Ижевскомъ заводѣ.

На другой день послѣ разыгравшихся событій, 6 августа, загудѣлъ тревожный призывной гудокъ на заводѣ. Все населеніе собралось рѣшить, что дѣлать дальше. Совѣтская власть посылала уже изъ Сарапула карательный отрядъ.

На собраніи постановили: вооружить все мужское населеніе до 30 лѣтъ и, сформировавъ боевыя части, отправить ихъ держать фронтъ. Мужчины-же свыше 30 лѣтъ должны усиленно работать на заводѣ по изготовленію винтовокъ, патроновъ и пр.; ушедшихъ на фронтъ мужчинъ должны замѣнить у станковъ женщины; оставшіеся на заводѣ старики тоже должны быть вооружены и обязаны выступать въ случаѣ надобности по условному гудку. Формированіе частей и управленіе повстанцами было передано въ руки служащихъ на заводѣ офицеровъ.

Началась нервная, героическая борьба. Быстро были сформированы полки, но они не были вооружены. Почти съ голыми руками они разбивали, посылаемые Троцкимъ-Бронштейномъ карательные отряды, захватывали винтовки, пулеметы, орудія. На заводѣ тоже произошло чудо.

Производительность завода при совѣтахъ падала до 200 винтовокъ, а съ момента возстанія, при томъ-же 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ и при меньшемъ количествѣ рабочихъ, производительность поднялась до 2.500 винтовокъ въ день.

Отрядъ за отрядомъ посылали комиссары на ижевцевъ, но послѣдніе гнали ихъ. Если же силы непріятеля были слишкомъ велики, то по гудку заводъ останавливался, и всѣ мужчины шли на помощь фронту.

Разбивъ наступающаго врага, рабочіе опять возвращались къ станкамъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и чаще отбивая удары красныхъ, ижевскіе рабочіе сами переходили въ наступленіе, а 17 августа къ нимъ присоединились и рабочіе Воткинскаго завода. Присоединились и крестьяне и не только селами, а цѣлыми волостями.

Всѣхъ захватилъ порывъ, воодушевленіе, и возстаніе скоро захватило почти весь Сарапульскій уѣздъ, часть уѣздовъ Малмыжскаго, Осинскаго и Оханскаго.

Дѣло дошло до того, что Троцкій вынужденъ былъ держать уже цѣлую армію на повстанческомъ фронтѣ, причемъ эта армія терпѣла пораженіе за пораженіемъ отъ истинно рабоче-крестьянскихъ отрядовъ.

Тяжело было борцамъ. Какъ островъ среди бушующаго океана, находилась ихъ освобожденная территорія. Съ нечеловѣческими усиліями они дрались дни и ночи и все ждали, когда придетъ имъ на помощь сибирская армія. Но тщетно они прислушивались. Далеко были еще сибирскіе орлы! А между тѣмъ, борьба становилась все труднѣе и труднѣе...

6000 армія красноармейцевъ навалилась, подъ руководствомъ самого Лейбы Троцкаго, на доблестныхъ повстанцевъ рабочихъ и крестьянъ...

Наступали холода.

Не было обмундированія.

Не хватало хлѣба.

Очевидно и героизму есть предѣлъ, и, послѣ 3-хъ мѣсячной борьбы, ижевскіе и воткинскіе рабочіе и кресть-

яне возставшихъ волостей стали отступать къ своимъ заводамъ.

Кольцо непріятельскихъ силъ все больше и больше суживалось...

Передъ рабочими и крестьянскими отрядами всталъ, наконецъ, ребромъ вопросъ: или сдаться на милость побѣдителей, или самимъ идти на соединеніе съ Сибирской арміей.

И они трудность похода предпочли позорной сдачѣ.

Захвативъ орудія, часть цѣннаго заводского имущества и бѣженцевъ, они оставили заводы и пошли на востокъ, не признавъ обманувшей ихъ такъ называемой «рабоче-крестьянской» власти. Впереди шли рабочіе ижевцы, разсѣкая кольцо красноармейцевъ, а рабочіе воткинцы прикрывали отступающихъ и, какъ львы, съ яростью и доблестью, отбивались отъ навалившейся со всѣхъ сторонъ арміи Ш Интернаціонала.

Соединившись съ сибирскими войсками, рабочіе и крестьяне влились въ армію двумя единицами: Воткинской дивизіей и Ижевской бригадой и, вмѣстѣ съ ними, рука объ руку, приняли участіе въ наступленіи.

Весной 1919 года, Ижевскіе и Воткинскіе заводы были освобождены отъ большевиковъ.

Рабочіе названныхъ заводовъ, въ воздаяніе заслугъ за ихъ борьбу противъ угнетателей родины, Верховнымъ Правителемъ, адм. Колчакомъ, были отпущены къ своимъ семьямъ.

Но что-же нашли эти рабочіе у себя дома?

Ужасную, потрясающую картину... до 7000 труповъ разстрѣлянныхъ стариковъ и женщинъ. Груды пепла и развалинъ! Вотъ какъ отомстила «рабоче-крестьянская» власть рабочимъ ижевцамъ и воткинцамъ и крестьянамъ возставшихъ областей.

И вотъ, эти послѣдніе, оплакивая гибель своихъ близкихъ, на трупахъ ихъ поклялись: или отомстить насильникамъ или умереть!

Недолго имъ пришлось быть дома.

Утомленные борьбой, обезсиленные ряды арміи стали отступать подъ напискомъ сильнѣйшаго врага.

Пришлось и рабочимъ ижевцамъ и воткинцамъ снова оставить родныя пепелища и окончательно связать свою жизнь съ жизнью арміи.

Тронулись они съ мѣста бѣженцами, но по пути останавливались, открывали вербовочные пункты, вновь скликали своихъ боевыхъ товарищей и вновь составили свои рабоче-крестьянскія дивизіи.

Огромную помощь влили они своимъ присутствіемъ въ армію. — Гдѣ ижевцы и воткинцы, тамъ успѣхъ и побѣда.

Вотъ этими-то силами отрядъ генерала Каппеля и пополнился на Уралѣ, превратившись въ корпусъ «Волжскій, имени ген. Каппеля».

Будущій историкъ соберетъ разсѣянное по сибирскимъ дорогамъ, по дикой тайгѣ и незнакомымъ селеніямъ, подвижничество остатковъ Сибирской арміи и Ледяной великій походъ каппелевцевъ черезъ всю Сибирь возстанетъ передъ потомками во всей своей скромной славѣ. Каждый день этого мученическаго похода будетъ извѣстенъ намъ, каждое событіе арміи отмѣтитъ какое-то мѣсто на Сибирской картѣ. Теперь-же, наше дѣло современниковъ-очевидцевъ разсказать о нихъ то, что глаза наши видѣли и уши слышали.

Временами побѣждая мѣстныхъ большевиковъ, каппелевцы все-же не смогли закрѣпиться на магистрали, ибо чехами желѣзная дорога была объявлена нейтральной и боевъ на ней не допускалось. Каппелевцы шли дальше, разсчитывая сконцентрироваться у Иркутска.

При подходѣ къ ст. Зима каппелевцы узнали, что изъ Иркутска имъ навстрѣчу высланы красныя войска. На станціи-же Зима скопилось большое количество чешскихъ эшелоновъ 3-ей дивизіи. Здѣсь случайно, чехи были вовлечены въ бой и помогли измученнымъ каппелевцамъ выиграть бой. «Случайно же» это произошло вотъ какъ —

мнѣ разсказывалъ одинъ енисеецъ хорунжій, между прочимъ, извѣстный ученый почвовѣдъ и участникъ Обской экспедиціи, котораго гражданская война сдѣлала «свирѣпымъ» хорунжимъ.

У чеховъ было заключено съ большевиками условіе, чтобы въ свои эшелоны русскихъ не принимать, и отставшимъ отъ арміи отрядамъ или одиночнымъ русскимъ приходилось пускаться на разныя хитрости, чтобы проѣхать по желѣзной дорогѣ въ чешскихъ эшелонахъ, причемъ не обходилось и безъ трагическихъ курьезовъ.

Такъ, напримѣръ, часть енисейскихъ казаковъ, спасаясь отъ большевиковъ, проѣхала въ Читу въ чешскихъ эшелонахъ, но... въ пустыхъ гробахъ!

Днемъ енисейцы забирались въ новые гробы, стоящіе въ теплушкѣ-мастерской, закидывали себя стружками и лежали не шевелясь. Ночью-же выползали, крались между вагонами, заглядывали въ благополучныя чешскія теплушки.

И вотъ, когда каппелевцы подошли къ Зимѣ, а протихъ нихъ, на станцію пріѣхали красные эшелоны изъ Иркутска, енисейцы сыграли съ чехами маленькую «шутку»: чтобы заварить хорошую кашу и оттянуть силы красныхъ отъ измученныхъ каппелевцевъ, — казаки подкрались въ пустой чешской теплушкѣ со стороны большевиковъ и бросили внутрь ручную гранату. Раздался невѣроятный взрывъ, переполохъ и крики:

— Красные стрѣляютъ по чешскимъ эшелонамъ!

Надо сказать, что какъ разъ начальникъ 3-ей чешской дивизіи, полковникъ Прхала и его начальникъ штаба, маіоръ Квапилъ, — отличнѣйшіе солдаты, — одни изъ тѣхъ немногихъ офицеровъ, у которыхъ чувство воинской чести не было спрятано въ карманъ. Они тяготились бездѣльемъ среди насыщенной атмосферы войны. Можетъ быть, они рады были случаю побить красныхъ, тѣмъ болѣе, что силы красныхъ здѣсь были ничтожны. Красная армія еще была далека.

Моментально разадалась командаь «По конямъ»! Вмѣ-

стѣ съ каппелевцами чехи окружили красныхъ, и въ результатѣ красный десантъ былъ взятъ въ плѣнъ

За эту помощь каппелевцамъ полковникъ Прхала и маіоръ Квапилъ по телеграфу получили сильный нагоняй отъ генерала Сырового и приказъ: тотчасъ-же выпустить всѣхъ плѣнныхъ, возвративши имъ оружіе.

Каппелевцы говорили, что «потихоньку» они, каппелевцы, были снабжены и оружіемъ отъ 3-ей дивизіи.

Подходъ каппелевцевъ къ Иркутску вызвалъ въ красныхъ панику. Городъ заградился баррикадами, и началась даже частичная эвакуація на сѣверъ, по Якутскому тракту.

7 февраля каппелевцы вошли въ Иннокентьевскую (4 версты отъ Иркутска). Штабъ каппелевской арміи, во главѣ съ генералами Войцѣховскимъ и Сахаровымъ, имѣлъ уже планъ занятія Иркутска. Части каппелевцевъ уже начали обходить Глазковское предмѣстье (стратегическій ключъ къ городу). Но 8 февраля утромъ, отъ начальника 2-ой Чешской дивизіи, стоявшей въ Иркутскѣ, маіора Крейчи и представителя чехословацкой республики, извѣстнаго намъ уже ранѣе д-раБлагоша, было получено категорическое требованіе не занимать Глазкова, иначе Чехи выступятъ вооруженно противъ Каппелевцевъ. Начались переговоры по телефону. Со стороны большевиковъ говорилъ все тотъ-же д-ръ Благошъ.

Главнымъ требованіемъ каппелевцевъ было освобожденіе Адмирала Колчака и доставка его въ лагерь бѣлыхъ. — Каппелевцы еще не знали, что наканунѣ, на разсвѣтѣ 7 февраля, адмиралъ Колчакъ и Пепеляевъ были разстрѣляны.

Главнокомандующій, генералъ Войцѣховскій, который

велъ переговоры съ чехами, внезапно измѣнилъ свое рѣшеніе брать городъ — ему сообщили, что адмиралъ убитъ.

Онъ отдалъ распоряженіе обходить городъ безъ боя, направляясь по тракту на Байкалъ...

Зловѣщая правда поползла по войску, поражая безсильнымъ отчаяніемъ и безъ того прибитыхъ невзгодами людей.

О послѣднихъ дняхъ адмирала Колчака и Пепеляева разсказывала годъ спустя Гришина-Алмазова въ Харбинской газетѣ «Русскій Голосъ». Она сидѣла тогда также въ одиночкѣ Иркутской губернской тюрьмы.

Разсказъ ея привожу здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями:

КОЛЧАКЪ И ПЕПЕЛЯЕВЪ ВЪ ТЮРЬМѢ *)

Въ 12 часовъ ночи 15 января я была разбужена администраціей тюрьмы, просившей разрѣшенія посадить въ мою камеру еще одну арестованную. Черезъ нѣсколько минутъ въ камеру вошла А. В. Тимирева.

Ея появленіе было для меня полной неожиданностью. Мы всѣ знали о завѣреніяхъ ген. Жанена и не сомнѣвались, что поѣздъ адмирала Колчака будетъ доставленъ до Верхнеудинска.

Тимирева была охвачена страшнымъ волненіемъ и тревогой. Изъ ея возбужденнаго, несвязнаго разсказа я поняла, что поѣздъ адмирала Колчака съ необычайнымъ трудомъ продвигался на востокъ, пока въ Нижне-Удинскѣ къ нему не былъ приставленъ чешскій караулъ.

Когда поѣздъ Колчака прибылъ въ Иркутскъ, чехи объявили, что передаютъ охрану русскимъ властямъ.

Немедленно въ поѣздъ явились представители политическаго центра и военнаго командованія. Адмиралу и лицамъ его сопровождавшимъ было предложено собрать вещи и отправиться въ тюрьму.

*) "Русскій Голосъ" (Харбинъ, февраль 1921 г.). (Авт.).

Колчакъ и Пепеляевъ были доставлены въ тюрьму на автомобилѣ. Адмиралъ былъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ, въ одиночную камеру № 56. Пепеляевъ сидѣлъ во второмъ этажѣ, черезъ камеру отъ меня.

Одиночный корпусъ въ три этажа помѣщался въ отдѣльномъ дворѣ, въ которомъ было 64 камеры.

Камеры были невелики: 8 шаговъ въ длину, 4 въ ширину. У одной стѣны желѣзная кровать. У другой — желѣзный столикъ и неподвижный табуретъ. На стѣнѣ полка для посуды. Въ углу выносное ведро, тазъ и кувшинъ для умыванья.

Въ двери камеры было прорѣзано окошко для передачи пищи. Надъ нимъ небольшое стеклянное отверстіе — волчокъ.

Колчакъ очень волновался. Онъ мало ѣлъ, почти не спалъ и, нервно кашляя, быстро шагалъ по камерѣ, измученный ежедневными томительными допросами и подавленный безмѣрностью катастрофы, отвѣтственность за которую онъ не хотѣлъ перелагать на другихъ.

Разъ въ недѣлю допускались передачи для заключенныхъ съ воли. Этими передачами только и можно было спасаться отъ голода, потому что тюремная пища была невыносима.

Едва только на лѣстницѣ появлялся тюремный супъ, весь корпусъ наполнялся зловоньемъ, отъ котораго дѣлались спазмы.

Разносили пищу и убирали камеру уголовные, которые относились довольно равнодушно къ новымъ арестантамъ, хотя и были довольны переворотомъ, сулившимъ имъ близкое освобожденіе. Они охотно передавали письма, исполняли просьбы и порученія политическихъ заключенныхъ.

Политическіе отвѣчали такимъ-же дружелюбіемъ. Одинъ изъ уголовныхъ былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, когда брился безопасной бритвой, данной ему Колчакомъ.

Въ отвѣтъ на негодованіе начальства, онъ простодушно возразилъ: «Такъ вѣдь она безопасная» и добавилъ: «это — наша съ Александромъ Васильевичемъ».

Надзиратели держались корректно. Служа издавна, они столько разъ видѣли, какъ заключенные становились правителями, а правители заключенными, что старались ладить съ арестантами.

Поэтому власти не довѣряли надзирателямъ, въ тюрьму былъ введенъ красноармейскій караулъ. Часовые стояли у камеръ Колчака, Пепеляева, и въ третьемъ этажѣ.

Они не должны были допускать разговоровъ съ заключенными и передачу писемъ. Но, кто не знаетъ русскаго солдата, который можетъ быть до изступленія свирѣпъ, но и до слезъ добръ.

Не во время явившееся начальство могло-бы увидѣть красноармейца, откупоривающаго банку съ ананасами, переданную намъ съ воли.

Но это благодушіе длилось недолго. Скоро наступили безумные, кошмарные, смертные дни.

Появились слухи о приближеніи каппелевцевъ. Сначала этому не придавали значенія, но скоро власти были охвачены тревогой.

Тюрьму объявили на осадномъ положеніи. Было дано распоряженіе подготовиться къ вывозу заключенныхъ изъ Иркутска.

Съ 4 февраля егерскій батальонъ, несшій караульную службу, былъ замѣненъ красноармейцами изъ рабочихъ злобными и кровожадными.

Почти всѣ уголовные были убраны изъ корридоровъ, по которымъ хищно бродили красноармейцы, врывавшіеся въ камеры, перерывавшіе вещи и отнимавшіе все, что имъ попадалось подъ руку.

Открыто дѣлались приготовленія къ уничтоженію заключенныхъ въ случаѣ захвата города. Тревога и

ужасъ царили въ тюрьмѣ. Многіе лишились разсудка въ эти дни.

Свѣтъ гасъ въ 8 часовъ. Изъ корридоровъ, освѣщенныхъ огарками свѣчей, доносилась лишь брань красноармейцевъ, сулившихъ разстрѣлы и казни.

4-го февраля всѣ прогулки были запрещены.

5-го я получила точныя свѣдѣнія, что Колчакъ и Пепеляевъ будутъ разстрѣляны.

Потрясенная этой вѣстью, я послала Пепеляеву письмо, со словами дружескаго привѣта и ободренія.

6-го утромъ, въ послѣдній свой день, онъ отвѣтилъ мнѣ письмомъ короткимъ и душевнымъ:

«Обо мнѣ не безпокойтесь, — писалъ онъ, — я ко всему готовъ и совершенно спокоенъ. Грустно думать, что меня будутъ разстрѣливать русскіе солдаты, которыхъ я люблю».

Когда военно-революціонный комитетъ потребовалъ казни Колчака и Пепеляева, чрезвычайная комиссія отказалась. Тогда комитетъ добился передачи заключенныхъ въ его вѣдѣніе.

Судьба ихъ была этимъ рѣшена.

6-го вся тюрьма трепетала отъ сознанія надвигавшейся развязки.

Когда вечеромъ погасили свѣтъ и приказали ложиться спать, я шляпной булавкой сорвала бумагу, которой заклеили волчокъ нашей камеры, и приникла къ стеклу.

Часовъ около 9-ти въ корпусъ вошли красноармейцы и вывели китайца-палача. Я была увѣрена, что онъ будетъ казнить осужденныхъ. Оказалось впослѣдствіи, что его сразу повѣсили во дворѣ тюрьмы.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, быть можетъ, четверть часа.

Гдѣ-то загудѣлъ автомобиль.

Въ корридоръ вошли тепло одѣтые красноармейцы.

Ихъ было человѣкъ 15. Среди нихъ начальникъ гарнизона, ужасный Бурсакъ.

Они вывели Пепеляева, который прошелъ мимо моей камеры спокойными и увѣренными шагами.

Затѣмъ пошли за Колчакомъ. Красноармеецъ высоко держалъ свѣчу. Я увидала блѣдное, трясущееся лицо коменданта.

Потомъ всѣ зашевелились. Появилась еще свѣча. Толпа двинулась къ выходу. Среди кольца солдатъ шелъ адмиралъ, страшно блѣдный, но совершенно спокойный.

Вся тюрьма билась въ темныхъ логовищахъ камеръ отъ ужаса, отчаянія и безпомощности. Среди злобныхъ палачей и затравленныхъ узниковъ, при колеблющемся свѣтѣ свѣчъ, только осужденные были спокойны.

Не сомнѣваюсь, что такъ же спокойно встрѣтили они и смерть.

Гришина - Алмазова».

О днѣ 7 февраля есть очень интересное мѣсто и у д-ра Крейчи. (Онъ выбрался въ это время уже въ Харбинъ).

Стран. 269:

«9 февраля подполковникъ Глосъ приходитъ съ послѣдними извѣстіями: — Есть надежда, что, вѣроятно, все изъ Сибири вывеземъ и перемиріе съ большевиками уже заключено».

Это перемиріе было подписано 7 февраля. Согласно этому перемирію, устанавливается нейтральная полоса (на одну деповскую станцію. Авт.) между чехословацкимъ арьергардомъ и авангардомъ большевистскихъ войскъ, и условіе движенія по дорогѣ.

Поѣзда обоихъ войскъ будутъ доставать уголь съ Черемховскихъ копей, гдѣ надъ доставкой будетъ наблюдать совѣтскій комиссаръ, вмѣстѣ съ уполномоченнымъ чехо-словацкихъ войскъ.

Золотой запасъ не будетъ ни въ коемъ случаѣ вывезенъ на Востокъ, остается въ Иркутскѣ, подъ охраной

стражи обоихъ войскъ и, при отъѣздѣ послѣдняго чехословацкаго эшелона изъ Иркутска, будетъ переданъ мѣстному революціонному исполнительному комитету. Въ большевистскомъ авангардѣ остается, какъ нашъ представитель, капитанъ Шейдъ (нашъ бывшій политическій уполномоченный въ Красноярскѣ), чтобы наблюдать за исправнымъ выполненіемъ договора.

Всѣ переговоры съ большевиками велъ съ нашей стороны Иркутскій представитель нашего политическаго уполномоченнаго, д - ръ Благошъ.

Сейчасъ-же послѣ этихъ, такъ для насъ благопріятныхъ извѣстій, слѣдовали другія, полныя потрясающаго трагизма: адмиралъ Колчакъ, 7 февраля былъ разстрѣлянъ въ Иркутскѣ, а съ нимъ и послѣдній его премьеръ-министръ, Пепеляевъ.

Итакъ, рѣшилась судьба еще такъ недавняго Верховнаго Правителя.

Сѣть вокругъ него затягивалась, уже отъ паденія Омска все грознѣе и грознѣе. Какъ въ пропасть скользилъ онъ съ каждымъ днемъ своего бѣгства на Востокъ, все время видя передъ собой неотвратимую гибель.

Какая это была, должно быть, душевная мука, напоминающая жизнь Людовика XVI и Маріи Антуанеты, во время Революціи!

День смерти ихъ какъ разъ приходится на тотъ-же самый день 7 февраля 1920 года, когда былъ подписанъ договоръ между нашими и большевистскими войсками.

Разстрѣлъ былъ совершенъ, согласно постановленія Иркутскаго Революціоннаго Комитета 7 февраля, въ пять часовъ утра, во дворѣ тюрьмы.

Въ Постановленіи Революціоннаго Комитета говорится, что по всѣмъ даннымъ, въ городѣ имѣется тайная организація Колчаковцевъ, т. к. былъ найденъ складъ оружія и патроновъ. Кромѣ того, къ городу приближаются остатки Сибирской Арміи Колчака, командующій которой въ своихъ условіяхъ, требовалъ выдачи адмирала Колчака».

...«За это насъ будутъ обвинять и ненавидѣть, и нашъ разрывъ съ лагеремъ русскихъ «правыхъ» будетъ полнѣе. Но развѣ смѣли мы, которымъ въ Сибири уже нечего дѣлать, и всѣ наши мысли направлены домой, — для сохраненія жизни Колчака рисковать судьбой всего нашего войска?

Относительно смерти Колчака, совѣсть наша спокойна, и мы можемъ умыть руки».

Невольно вспоминается древнее, классическое:

...«И взялъ Пилатъ воды, и умылъ руки свои, и сказалъ: «Не виновенъ я въ крови Праведника сего».

Д-ръ Штейглеръ пишетъ о подписаніи мира такъ:

Стран. 107. «Между тѣмъ, третьи мирные переговоры Чехо-Словацкаго Войска съ большевиками продолжались довольно успѣшно. Регулярная Совѣтская Армія, изъ боязни передъ порчей нами Сибирской дороги, и передъ возможностью выступленія Японцевъ, проявляла уже охоту къ миру.

Такъ, дня 7 января 1920 года, на станціи Куйтунъ, было заключено перемиріе между Совѣтской властью и Чехо-Словацкими легіонерами.

Этимъ перемиріемъ была обезпечена большевиками мирная эвакуація нашихъ эшелоновъ на Востокъ, съ сохраненіемъ нейтральнаго разстоянія между обоими, подвигающимися войсками, съ достаточнымъ снабженіемъ Черемховскимъ углемъ и всесторонней помощью совѣтскихъ учрежденій.

Чехословацкое войско, со своей стороны, обязалось сохранять строгій нейтралитетъ въ гражданской войнѣ русскихъ партій, оставляя полотно и всѣ желѣзнодорожныя принадлежности въ полной сохранности, не вывозить ни имущества бывшей Колчаковской Арміи, ни желѣзнодорожнаго матеріала.

Золотой запасъ, охраняемый до сихъ поръ въ Иркутскѣ, будетъ сданъ послѣднимъ чехо-словацкимъ эшело-

номъ мѣстной власти. Къ охранѣ Байкальскихъ туннелей будетъ допущена и русская стража.

Такимъ образомъ, двухлѣтняя борьба чехо-словацкаго войска съ властью большевистскихъ совѣтовъ окончилась взаимнымъ соглашеніемъ, честными уступками съ обѣихъ сторонъ.

Миръ съ большевиками означалъ также, отчасти и миръ со всей Сибирской демократіей, которая за время военнаго террора реакціонной эры Колчака и Семенова, совершенно перемѣнила свое отношеніе къ Совѣтской власти».

Итакъ, Куйтунскій миръ, подписанный 7 февраля въ день, на разсвѣтѣ котораго убитъ адмиралъ Колчакъ, заключенъ на основѣ «честныхъ уступокъ» съ обѣихъ сторонъ. Что было этими «уступками» со стороны чеховъ, сирѣчь, — что скрывается за этими словами — можно съ достаточной вѣроятностью предполагать. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, считать крупной уступкой то, что проѣхавши по рельсамъ, чехи не сложили этихъ рельсъ въ свои теплушки, (некуда, да и некогда ужъ было). Своеобразно понимаемый чехами нейтралитетъ на сей разъ былъ выгоденъ обѣимъ сторонамъ не менѣе, чѣмъ прежде. Въ общемъ-же, миръ этотъ есть новая жертва красному Молоху за счетъ Россіи, — послѣдняя, и покрывающая всѣ предыдущія, потому и оцѣненная, наконецъ, большевиками по достоинству.

Указанныя д-мъ Штейглеромъ причины уступчивости красныхъ — вздоръ, ибо никакой японской опасности не существовало, что явно обнаружилось еще на Рождествѣ, въ Иркутскѣ, въ инцидентѣ съ ген. Скипетровымъ.

Относительно-же Сибирской демократіи, которую чехи облагодѣтельствовали, помогая ей восторжествовать, то торжество ея продолжалось, увы! — недолго. Вскорѣ-же, послѣ ея капитуляціи, она испытала такую

реакцію, какая адмиралу Колчаку и не снилась. Взять, хотя-бы, партійный отчетъ, напечатанный въ органѣ эсъэровъ «Воля Россіи» (Прага, 1921).

«ГОДЪ РАБОТЫ ПАРТІИ СОЦ.-РЕВ. ВЪ СИБИРИ».

«Дать очеркъ работы, продѣланной сибирской организаціей партіи соціалистовъ-революціонеровъ за истекшій годъ — нелегкая задача. Насколько широко развернулась дѣятельность всѣхъ партійныхъ организацій, отъ Урала до Тихаго Океана, въ мѣсяцы борьбы съ реакціей Колчака, настолько-же она съузилась во вторую половину года, сжатая до минимума гоненіями правительственной партіи и сконцентрировавшаяся, главнымъ образомъ, во Всесибирскомъ Краевомъ Комитетѣ п. с.-р.

Насколько обширна задача историческаго освѣщенія дней борьбы, организованной партіей с.-р. закончившаяся побѣдой въ г. Иркутскѣ, обширна по обилію матеріаловъ, по глубинѣ ея идейнаго содержанія, настолько-же необходимо до крайности съуживать обзоръ работы за вторую половину, съуживать въ силу нелегальнаго существованія партіи, загнанной въ подполье большевистскимъ терроромъ почти на всей территоріи Сибири».

...«Не задаваясь задачей дать настоящими строками эпизодическій очеркъ борьбы партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ реакціей адмирала Колчака, мы должны здѣсь освѣтить ея идейное содержаніе, ея лозунги, объединившіе всѣхъ членовъ партіи, всѣ партійныя организаціи. Эти идеи и лозунги выявили сибирскій политическій центръ, ставшій 5-го января 1920 года на мѣсто свергнутаго сибирскаго правительства въ г. Иркутскѣ, и созданный усиліями Всесибирскаго Краевого Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Основнымъ лозунгомъ борьбы политическаго центра съ правительствомъ Колчака было прекращеніе гражданской войны въ рядахъ русской демократіи, борьба съ иностранной интервенціей и отечественной реакціей, питае-

мой иностраннымъ капиталомъ»... «Эти лозунги не были простыми словами... но глубоко продуманными идеями, за осуществленіе которыхъ партія соціалистовъ-революціонеровъ заплатила кровью многихъ своихъ сыновъ въ неравной борьбѣ съ реакціонерами въ Ново-Николаевскѣ и въ одиннадцати-дневныхъ бояхъ подъ Иркутскомъ».

... « Второй коренной работой, продѣланной сибирской организаціей, было собираніе разбитыхъ реакціей рядовъ партіи. Послѣ Иркутскаго переворота, когда пятерка, избранная въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1919 года Краевымъ Комитетомъ, для диктаторскаго руководства всей партійной работой въ краѣ, на время подготовки и проведенія возстанія, сдала свои полномочія пленуму Кр. Ком., пленумъ выработалъ декларацію, которая и заложила начало единаго дѣйствія партіи эсъ-эровъ въ Сибири. Этотъ документъ, декларировавшій прекращеніе вооруженной борьбы съ большевиками, былъ воспринятъ сибирскими организаціями, какъ руководящій. Единство идейное и организаціонное закрѣпили объѣзды организацій, предпринимаемые Краевымъ Комитетомъ. Назначенный на первое іюля съѣздъ уже не могъ состояться, ибо большевики принялись со всей яростью за преслѣдованіе партіи».

...«Лѣтомъ, истекшаго года Всесибирскимъ Краевымъ Комитетомъ не разъ предпринимались попытки договориться съ большевиками, найти общій языкъ наряду съ общимъ фронтомъ.

Переговоры ничѣмъ не кончились. Сибирскій Комитетъ р. к. п. заявилъ, что онъ не могъ согласиться съ указанной выше посылкой и вскорѣ послѣ этого послѣдняя легальная организація партіи эсъ-эровъ Иркутска была распущена властями и загнана въ подполье».

— Вотъ конечный итогъ побѣды «демократіи» надъ Колчакомъ!

Въ темную ночь, 8 февраля 1920 года, тучи саней каппелевцевъ окружили Иркутскъ, вереницы всадниковъ

заполнили всѣ дороги. Завѣтная цѣль, куда стремились черезъ всю Сибирь, манившая отдыхомъ — обманула. Прошли нескончаемыя версты, изнемогающіе отъ лишеній оставалось сдѣлать послѣднее усиліе, и вотъ — забытое наслажденіе — вымыться, содрать съ себя грязную, кажется, приросшую къ тѣлу, вшивую одежду и по настоящему, по человѣчески, заснуть... Но нѣтъ! дальше, еще дальше! Отдыхъ не скоро, еще снѣжныя версты безконечны, много сотенъ верстъ еще лютаго мороза, слѣпящей пурги и колючихъ сибирскихъ тумановъ.

Обошедшая Иркутскъ Каппелевская армія спустилась на ледяную равнину Байкала, отправляясь на другую сторону, къ станціи Мысовой, и оттуда, черезъ лѣса и горы — на Читу.

Вотъ нѣсколько строкъ, рисующихъ каппелевцевъ въ походѣ, устами одного изъ участниковъ его. («Восточная Окраина», февраль 1920 г.).

«ИЗЪ ЭПИЗОДОВЪ ВЕЛИКАГО ПОХОДА».

Была уже ночь, когда мы подъѣхали къ Байкалу. Безконечная ледяная равнина легендарнаго «священнаго моря» уходила отъ крутыхъ уступовъ горъ въ глубь нависшаго надъ землей мрака, и мысль одинаково мирилась какъ съ тѣмъ, что конецъ этой равнины недалекъ, такъ и съ тѣмъ, что, быть можетъ, у ней нѣтъ конца.

Говорятъ, иногда ледяная кора Байкала съ трескомъ разрывается, раскрывая полосу воды, какъ будто страшная глубина разверзаетъ пасть, чтобы проглотить случайнаго путника и дать ему покой и ласку водяныхъ струй на днѣ моря.

Спускаемся на ледъ, ввѣряя себя и своихъ, мечущихся въ тифозномъ жару, товарищей — холоду и капризамъ ледяной равнины. Развѣ можно передъ чѣмъ нибудь останавливаться? Развѣ теперь есть на свѣтѣ что нибудь страшное, что еще не смотрѣло намъ въ глаза?

Гладкій, скользкій ледъ. Дороги нѣтъ. Только послѣ нѣкоторыхъ трудовъ намъ удалось отыскать узкую полоску набитыхъ копытами слѣдовъ.

— Валька, живъ?

— Жи-ивъ, — доносится изъ повозки слабый и какой-то дѣтски покорный голосъ. — Покурить-бы!

— Нельзя!

— Ну, одну папиросочку-у?..

— Нѣтъ, нѣтъ. Потерпи!

Лошадямъ идти необычайно трудно, въ особенности некованнымъ. Онѣ то и дѣло срываются со слѣдовъ скользятъ и падаютъ.

Навстрѣчу ѣдетъ какой-то мужикъ.

— Куда вы? — спрашиваетъ.

— Въ Мысовую, дядя, въ Мысовую!

— Эка хватили, въ Мысовую! Я туда-же, было поѣхалъ, да вернулся. На середкѣ-то такой вѣтеръ и холодъ, что ни въ какомъ тулупѣ не вытерпишь. Да и сани съ дороги сдуваетъ, все время бокомъ идутъ. —

— Ну, авось, проѣдемъ! —

Ѣдемъ уже больше часа, но огоньки оставшіеся назади деревушки кажутся все еще настолько близкими, какъ будто мы не двигались впередъ, а все время топтались на одномъ мѣстѣ.

Къ счастью вѣтеръ затихъ, и мы благополучно миновали страшную середину Байкала, а къ утру были уже вблизи противоположнаго берега.

«Священное море» оказалось милостивымъ къ намъ. Какъ-то пройдутъ другіе?

Коротенькій отдыхъ, мгновеніе мертваго, свинцоваго сна — и снова въ путь. Свѣжій морозный воздухъ не можетъ прогнать страннаго состоянія полусна, полубодрствованія. Напрягаешь усилія, чтобы не заснуть и не свалиться съ сѣдла, стараешься развлечься наблюденіемъ медленно уходящей назадъ панорамы лѣсистыхъ горъ, или пытаешься вслушиваться въ разговоры солдатъ, — но вѣки все больше и больше наливаются тяжестью, бороться съ которой, наконецъ, не хватаетъ ни воли, ни силъ.

Ловишь еще отрывокъ разговора, мелькаетъ сквозь сонную пелену еще одинъ пейзажъ — и забываешься....

Но, Богъ знаетъ, сонъ это или нѣтъ! Или, быть можетъ, весь этотъ безконечный путь только долгій, необыкновенный сонъ, отъ котораго мы вотъ-вотъ проснемся?

Какія-то тѣни мелькаютъ, кого-то въ чемъ-то убѣждаешь, хочется не то плакать, не то смѣяться, или вдругъ, на мгновеніе увидишь себя въ знакомой комнатѣ, освѣщенной керосиновой лампой съ зеленымъ абажуромъ, а потомъ кто-то подхватитъ тебя безвольнаго и понесетъ въ безконечную даль, гдѣ такъ просторно, тихо, покойно и такъ легко, легко...

Межъ сосенъ мелькаютъ огоньки — одинъ, другой. Видны темныя пятна избъ.

— Что, деревня какая-то? Остановимся?

Гдѣ какая деревня? — слышишь недоумѣвающій отвѣтъ. Долго и пристально всматриваешься въ сосны, огоньки и избы, — вотъ они тутъ, передъ тобой, но очнешься — и никакой деревни нѣтъ, а все та-же дорога и тѣ-же горы и лѣсъ.

Иногда видишь чудесные города, раскинувшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги. Красивой архитектуры дома, сказочные дворцы, башни, раскинутые средь опушенныхъ инеемъ садовъ, тянутся до горизонта, утопая въ молочно-синеватомъ маревѣ.

Или вдругъ вырастутъ два великана. Они подаютъ другъ другу руки и крѣпко жмутъ ихъ.

Не вѣришь себѣ, осматриваешься, провѣряешь, не во снѣ-ли это, встряхиваешься, но нѣтъ, — вотъ лошадь, лука сѣдла, твои колѣни, шинель, ты все это видишь и трогаешь рукой.

И удивленный, смотришь на города и великановъ, пока не пропадетъ странное очарованіе миража.

Это явленіе испытывали многіе изъ насъ.

Боже, какъ натянуты нервы!

Въ этой деревнѣ всѣ дома были уже заняты пріѣхав-

шими ранѣе частями, и для насъ не нашлось ни одного угла, гдѣ-бы можно было приткнуться и отдохнуть.

Но безвыходнаго положенія не бываетъ. Вскорѣ мы нашли срубъ большого дома, безъ крыши, съ вырубленными дверью и окнами, и рѣшили, что лучшаго помѣщенія не стоитъ и искать.

Черезъ нѣсколько минутъ посреди сруба горѣлъ уже костеръ, вокругъ котораго мы и расположились, подвѣсивъ надъ огнемъ котелокъ.

Ноги устали отъ многочасовой ѣзды верхомъ, и теперь такъ пріятно протянуть ихъ.

Настроеніе у всѣхъ замѣтно поднялось. Посыпались остроты относительно комфорта и избытка воздуха въ пріютившемъ насъ помѣщеніи. Все, что осталось позади, было забыто, и теперь все вниманіе было поглощено возможностью отдохнуть хотя-бы въ такихъ условіяхъ.

Обвѣтренныя суровыя лица, на которыя костеръ бросалъ красные, колеблющіеся блики, оживились бодрой, искренней веселостью.

Въ дверяхъ появился какой-то солдатъ.

— Куда прешь? Не видишь, что помѣщеніе занято!

— Гы-ы! Помѣщеніе!

— Какой части? Здѣсь, братъ, нашему дивизіону квартира отведена, а потому заворачивай оглобли и ищи своихъ! Ишь ты, завидно, что у насъ не душно и не тѣсно, вотъ и лѣзутъ.

Солдатъ хохочетъ, хохочемъ и мы.

Вскорѣ появился и другой претендентъ на нашу квартиру. Чья-то лошадь всунула морду въ окно, и глядя на насъ большими умными глазами, принялась привѣтствовать безконечными поклонами.

— Ты какой части? Куда лѣзешь? Здѣсь намъ отведено помѣщеніе, а для вашей породы другія квартиры есть!

Наконецъ, усталость беретъ свое, и, наскоро закусивъ, мы отдаемся крѣпкому сну подъ трескъ костра и тихую ночную молитву неба, глядящаго на насъ въ дыры сруба...

(ПУТНИКЪ)».

Къ приходу каппелевцевъ въ Читѣ загодя начали готовиться. Подготовлялись прежде всего помѣщенія. Чита — маленькій деревянный городъ. Реквизировалось все — театры, кафе, гостинницы, частныя кравтиры, даже сараи, склады и конюшни. На всѣхъ заборахъ можно было видѣть слѣдующее объявленіе:

«ГРАЖДАНЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ! Въ Читу въ скоромъ времени прибываютъ отряды, предводительствуемые генералами Войцеховскимъ и Сахаровымъ.

Великъ и труденъ былъ переходъ славныхъ полковъ зимой, при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ, въ безпрерывныхъ бояхъ, на нѣсколькихъ фронтахъ. Въ движеніи на Востокъ имъ пришлось брать съ бою каждый шагъ своего пути.

Но все преодолѣли мощные ряды стойкихъ борцовъ. Сейчасъ они въ Забайкальѣ, готовые послѣ кратковременнаго отдыха къ дальнѣйшей борьбѣ.

Измученные, голодные, но не павшіе духомъ, славные сибирскіе полки несутъ намъ съ собой безопасность. Они будятъ въ насъ надежду на успѣхъ праваго дѣла и родятъ увѣренность въ скоромъ избавленіи Родины отъ насильниковъ.

Будемъ-же достойными согражданами этихъ мужественныхъ бойцовъ.

Ихъ жертвы неизмѣримы и неоплатны. Такъ постараемся-же всѣ до единаго, сколько въ нашихъ силахъ, скрасить ихъ пребываніе среди насъ.

Собирайте пожертвованія, несите, каждый, что можетъ — чай, сахаръ, табакъ, теплое бѣлье, платье и обувь, т. е. все то, чего давно уже, были лишены въ бояхъ и походахъ наши дорогіе гости.

Помните, что если мы еще не все потеряли, если наши семьи пользуются благополучіемъ и безопасностью, то всѣмъ этимъ мы обязаны ѣдущимъ теперь къ намъ борцамъ.

Не забывайте, что имъ, нашимъ защитникамъ, предстоитъ новая борьба за общее благо Родины и за наше личное благополучіе.

Они сдѣлали такъ много. Намъ остается сдѣлать такъ мало: радушно встрѣтить тѣхъ, передъ кѣмъ мы въ неоплатномъ долгу.

Такъ не будемъ-же терять времени и станемъ уже сейчасъ готовиться къ достойному пріему приходящихъ полковъ. Они общіе наши гости, въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ намъ дорогіе, и поэтому во встрѣчѣ ихъ должно принять участіе все населеніе. Покажемъ имъ, что Забайкалье умѣетъ быть и радушнымъ и благодарнымъ.

Земной поклонъ Вамъ, славные герои!
Мы ждемъ Васъ, дорогіе гости!»

И вотъ насталъ день, когда весь городъ буквально былъ затопленъ санями и всадниками. Всѣ ворота были раскрыты настежь, дворы кишѣли санями и лошадьми; по улицамъ шпалерами стоялъ народъ и — плакалъ... Потому что нельзя было не зарыдать при видѣ этого нищаго воинства, укутаннаго, умотаннаго въ такое тряпье, какого я до этихъ поръ представить себѣ не могъ. Короткая шиненка (нѣкогда все тотъ-же «мундиръ англійскій»), обмотанная одѣяломъ, перетянутая въ таліи ремнемъ; на шеѣ — кусокъ бараньей шкуры, тоже привязанный тряпицей, голова накрыта заплатанной шапченкой, насунутой на самое лицо, заросшее бородой; на ногахъ разбитые валенки, у которыхъ подошва привязана проволокой, а сзади соломенная стелька тащится...

Сани, сани, сани... Въ нихъ лежатъ привязанные веревками больные, главнымъ образомъ тифозные, также замотанные въ грязное, вшивое тряпье. А кое-гдѣ, торчатъ въ соломѣ съ полдесятка, тоже привязанныхъ къ санямъ, — дѣтей.. Мохнатыя, заиндевѣлыя, худыя, скелетоподобныя лошади,—многострадальные, вѣрные друзья дальнихъ путниковъ косятъ умнымъ глазомъ на рыдающую по сторонамъ толпу...

Я стоялъ въ толпѣ, потрясенный зрѣлищемъ. Вотъ уже десять лѣтъ прошло, а спокойно не могу я вспомнить это-

го... Помню, какъ ударилъ соборный колоколъ: похоронный звонъ поплылъ надъ этой необычайной картиной. — Это каппелевцы привезли въ часовню тѣло ген. Каппеля, и архіерей велѣлъ звонить похоронную встрѣчу почившему герою.

Потрясенный городъ не спалъ и ночью. Всюду были огни, слышался возбужденный говоръ и скрипъ саней. «Они» все ѣхали и ѣхали... Первые дни городъ представлялъ какой-то лагерь кочевниковъ — на улицахъ, на площадяхъ, во дворахъ, въ общественныхъ садахъ — всюду стояли сани, копошились люди и жевали въ кормушкахъ кони. Все было переполнено. Казалось, что въ Читѣ не осталось ни одной свободной щели. Всюду на дверяхъ, воротахъ, домахъ стояли написанныя цифры.

А съ западныхъ дорогъ тянулись новыя вереницы саней и всадниковъ....

Не было въ тѣ дни въ Читѣ ни одной хозяйки, ни одной просто сердобольной матери, которая тогда не пекла бы, не варила, не стряпала всего, что только могла. Пришельцы, отвыкшіе не только отъ привѣта и ласки, но просто разучившіеся сѣсть на стулъ къ столу, по человѣчески ѣсть вилкой и ножемъ — озирались съ застывшей на лицѣ растерянной улыбкой, увѣренные, что они спятъ и имъ снится, что походъ кончился.

Въ парикмахерскихъ было не пробиться, и волосъ на полу были горы, ходить по нимъ было мягко, какъ въ овинѣ по соломѣ. Пахло керосиномъ...

У гроба генерала Каппеля, стоявшаго въ часовнѣ на Соборной площади, была густая толпа. Люди подходили и уходили. На полу, около гроба, все росла кучка денегъ, неизвѣстно кѣмъ начатая, — измятыя, опущенныя изъ трудовой ладони бумажки, неходящіе нынѣ мѣдяки и гривенники — кто, что могъ.

Въ Соборѣ служилась безпрерывная панихида — много, много неотпѣтыхъ, оставленныхъ въ тайгѣ, боевыхъ товарищей дожидалось конца похода, чтобы оставшіеся въ живыхъ спѣли имъ, по обычаю отцовъ, вѣчную память и помолились-бы объ ихъ вѣчномъ упокоеніи.

Читинскія газеты этого времени выходили пестрыми отъ воззваній и объявленій, такъ что ни передовой, ни статей, ни даже извѣстій помѣстить было негдѣ. Нѣкоторыя изъ воззваній и объявленій, характеризующихъ обстановку, привожу здѣсь («Восточная Окраина», начало марта 1920 г.).

«ГРАЖДАНЕ!

Въ Читу каждый день прибываютъ новыя части генерала Войцеховскаго.

Послѣ трудныхъ испытаній боевой жизни и чрезмѣрныхъ лишеній тяжкаго перехода, герои фронта нуждаются во временномъ отдыхѣ. Имъ нужны хотя-бы элементарныя удобства, которыхъ они давно не видѣли. Ихъ, эти удобства, можемъ дать мы, все время пользовавшіеся благополучіемъ домашней жизни и уютомъ.

Для людей, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не знавшихъ нормальнаго сна, забывшихъ, что такое во время приготовленный обѣдъ — для нихъ даже незначительныя мелочи жилого уюта имѣютъ громадное значеніе.

А между тѣмъ, приходящія части эти удобства какъ разъ не находятъ. Особенно затруднительно обстоятъ дѣла съ помѣщеніемъ. Отсутствуютъ мелочи, безъ которыхъ немыслима сколько нибудь нормальная жизнь. Нѣтъ даже такихъ вещей, какъ ложекъ, чашекъ, тарелокъ, ножей. Отсутствіе такихъ вещей ставитъ въ затруднительное положеніе, какъ войсковыя части, которыя приходится размѣщать по частнымъ квартирамъ, такъ и населеніе.

На нашей обязанности сдѣлать такъ, чтобы все это было з а в т р а же. Пусть каждая семья, хозяйка, каждый гражданинъ откажутся отъ двухъ-трехъ изъ этихъ вещей въ пользу братьевъ солдатъ — и у нихъ все необходимое окажется на лицо.

Ложки, чашки, тарелки, ножи и прочую домашнюю утварь несите въ Областный Отдѣлъ Призрѣнія (Александровская ул., зданіе Областнаго Управленія). Тамъ будутъ принимать ихъ отъ Васъ съ признательностью ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 часовъ дня».

«КЪ СВѢДѢНІЮ ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЕЙ, ПРИБЫВАЮЩИХЪ ВЪ ГОРОДЪ ЧИТУ.

Дезинфекція и дезинсекція вещей производится въ камерѣ Всероссійскаго Земскаго Союза на большомъ островѣ. (Начальникъ военно-санитарнаго управленія)».

«ПРИКАЗЪ № 58.

Марта 19 дня, 1920 года.

§ 2.

Всѣмъ военнымъ частямъ, а равно врачамъ всѣхъ частныхъ организацій ежедневно представлять въ военно-санитарное Управленіе Россійской Восточной Окраины (Большая ул., д. Левенсона) свѣдѣнія о количествѣ пользуемыхъ ими больныхъ военно-служащихъ, находящихся на частныхъ квартирахъ г. Читы. Командировъ частей войскъ, расквартированныхъ въ районѣ г. Читы и не имѣющихъ врачей, прошу также сообщать вышеозначенныя свѣдѣнія. Подлинный подписалъ: Начальникъ Военно-Санитарнаго Управленія, Галѣнковскій».

А вотъ голосъ послѣдняго Командующаго, приведшаго Каппелевскія войска въ Читу, генерала Войцеховскаго:

«ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПРИКАЗЪ

ВОЙСКАМЪ РОССІЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ

12 марта 1920 года.

№ 24

гор. Чита.

Доблестныя войска арміи Восточнаго фронта!
Берега Волги, Камы, Урала и Бѣлой и снѣжная Си-

бирская тайга усѣяны трупами вашихъ братьевъ — павшихъ героевъ.

Среди криковъ торжествующихъ насильниковъ, среди молчанія народа, рабствомъ покупающаго себѣ жизнь, почіютъ наши братья и друзья — но вѣчную память о нихъ мы принесли сюда, къ далекой границѣ Государства Россійскаго.

Спите спокойно солдаты Великой, свободной Россіи.

Черезъ рѣки братской крови вы не протянули дрожащей руки опьяненному побѣдой врагу, вы не просили пощады у вашихъ убійцъ и мучителей.

ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ!

Васъ не испугали ледяные туманы Кана, васъ не испугала безлюдная голодная тайга. Вы не захотѣли купить своею честью право унижаться и жить, вы не захотѣли взять кусокъ хлѣба изъ рукъ, облитыхъ кровью вашихъ отцовъ и матерей. И въ безпрерывныхъ бояхъ, устилая трупами сибирскія дороги, вы принесли за Байкалъ завѣты священной и правой борьбы.

ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ!

Крѣпче возьмите винтовку — врагъ безпощаденъ и хитеръ. Тѣснѣе сомкните ваши ряды. Не дайте себя разъединить.

Пока мы не достигли своей цѣли, пока въ Россіи царствуетъ совѣтская власть, нашимъ лозунгомъ долженъ оставаться по прежнему лозунгъ борьбы, а не спасенія.

Подписали: Генералъ - Маіоръ Войцеховскій. На-Начальникъ Штаба Генералъ - Маіоръ Щепихинъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Помощникъ Старшаго Адъютанта Штабсъ-Капитанъ Верещагинъ.

Глава Ш.

Еще будучи въ Иркутскѣ, передъ отъѣздомъ оттуда, докторъ Крейчи писалъ:

— «Атаманъ Семеновъ въ Читѣ, какъ и слѣдовало ожидать, поднимается противъ насъ, подстрекаемый съ запада Колчакомъ. Д-ръ Глоссъ приноситъ мнѣ послѣднюю его ноту, которую онъ послалъ генералу Сыровому. Написана она по французски, мы названы въ ней «frères Tchécoslovaques», и пересыпана она выраженіями удивленія героизму нашихъ легій и братской славянской любви. Тѣмъ чувствительнѣе шипы, скрывающіеся подъ этими риторическими розами.

Атаманъ Семеновъ ссуждаетъ наше поведеніе противъ отступающихъ съ западнаго фронта, въ особенности, — задержаніе поѣзда Верховнаго Правителя Колчака. Онъ призываетъ насъ, чтобы мы остановили свое движеніе на Востокъ и обратились лицомъ противъ большевиковъ и прямо требуетъ, чтобы мы дали свободный проѣздъ до Иркутска поѣздамъ Колчака и поѣздамъ съ ранеными русскими воинами, семьями солдатъ и «цѣнностями, которыя представляютъ послѣднее достояніе русской власти». Въ случаѣ, если эти требованія не были-бы исполнены нами, Семеновъ грозитъ насъ къ этому принудить, хотя,говоритъ — и скрѣпя сердце, но сдѣлаетъ это всѣми средствами, какія имѣетъ въ рукахъ.

Угроза, съ которой нельзя не считаться. Воинскія силы атамана противъ нашихъ ничего не стоятъ, но въ его рукахъ Байкальскіе туннели, и что мы принуждены, во всякомъ случаѣ, проѣхать его территоріей въ Забайкальѣ, а это дѣйствительное орудіе противъ насъ».

Мнѣ неизвѣстно, легенда-ли это, или, въ самомъ дѣлѣ существовалъ такой приказъ Колчака, — но чехи были увѣ-

рены, что адмиралъ приказалъ атаману Семенову осматривать каждый эшелонъ, проходящій черезъ Читу. Чехи этимъ были очень возбуждены, приготовились ко всему, вплоть до боя, но контроля ни подъ какимъ видомъ не допускали. Настроеніе противъ Читы все нарастало по мѣрѣ приближенія къ ней.

Съ одной стороны — возбужденіе это и тревога были не напрасны, ибо въ Читу съ каждымъ днемъ пробирались чудомъ уцѣлѣвшіе въ живыхъ участники событій на западѣ, свидѣтели и потерпѣвшіе, или, какъ ихъ чешскіе легіонеры называютъ въ своихъ книгахъ «грязные стоки Колчаковской реакціи».

Въ Читу бѣжали всѣ, кто только смогъ, всѣ, у кого желаніе жить преодолѣло пространство и зимнюю стужу, у кого умъ заострился въ хитрости, чтобы обмануть бдительность чеховъ на присвоенной ими дорогѣ, кому удалось или повезло, а, можетъ быть, просто сжалилась надъ ними судьба, но въ Читѣ скоро узнали все, что и какъ случилось на западѣ. А поэтому, слово «чехъ» сдѣлалось синонимомъ предателя и безъ проклятія и скрежета зубовнаго, никто этого имени и не произносилъ. Такъ что ненависть чеховъ къ Читѣ въ долгу не оставалась, но тревога ихъ и настороженность, готовность оружіемъ защищаться отъ возможнаго контроля своихъ грузовъ — эта тревога была несомнѣнно преувеличенной. Чехи утверждаютъ, что Семеновъ только потому не рѣшился помѣшать ихъ эвакуаціи, что не имѣлъ достаточныхъ воинскихъ силъ.

Это не совсѣмъ такъ.

Конечно, горсть Забайкальскихъ казаковъ, два года безпрерывно имѣющихъ такъ называемый «партизанскій фронтъ съ Амура и отовсюду, и за послѣднее время, и вокругъ Читы, — представляла ничтожную силу противъ многочисленныхъ свѣжихъ чешскихъ войскъ, но тутъ не въ воинской силѣ дѣло было, — въ рукахъ атамана Семенова были другія средства, о которыхъ сами чехи говорятъ.

Вѣдь въ случаѣ взрыва Байкальскихъ туннелей, пришлось - бы чехамъ трудно. У нихъ даже составлялись фантастическіе планы — что дѣлать въ этомъ случаѣ? Пришлось-бы идти по невѣдомымъ хребтамъ, пѣшимъ порядкомъ, только вѣдь, что можно было-бы такъ унести съ собой? Развѣ что, первобытное свое имущество — безопасную бритву, да блокъ - нотъ съ записью своихъ безсмертныхъ «подвиговъ» — вотъ и все.

Однако, несмотря на всю выгодность своего положенія въ этомъ вопросѣ, «кровожадный»атаманъ Семеновъ, «забайкальскій сатрапъ» взрывомъ туннелей не воспользовался. Можетъ быть, онъ не сдѣлалъ этого отчасти и потому, что былъ слишкомъ большимъ славяниномъ, всамдѣлишнымъ, а не словеснымъ, и временный укусъ славянскаго своего чувства хотѣлъ скорѣе забыть.

Кстати, нѣсколько словъ о фигурѣ атамана Семенова, какъ она отразилась въ литературѣ чехословацкихъ легіонеровъ.

Въ своихъ сужденіяхъ о немъ, чехи питались, главнымъ образомъ, большевистскими агитаціонными помоями, которыми тѣ, въ изобиліи обливали своего упорнаго врага.

По пріѣздѣ домой въ Прагу, легіонеры больше всего «заработали» на атаманѣ Семеновѣ, ибо ни одна Сибирская фигура въ легіонерской литературѣ не удостоилась такого всеобщаго и настойчиваго вниманія, какъ эта.

Писали «особы», писали рядовые гастролеры, но больше всѣхъ старались мелкіе смакователи бульварнаго типа.

Въ книгахъ этихъ послѣднихъ особенно расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ всѣ мерзопакостныя большевистскія фантазіи, съ присовокупленіемъ собственной развѣсистой клюквы «очевидцевъ».

Для насъ, русскихъ, всякія подобныя писанія былибы только забавны если-бы не было одного обстоятельства, а именно: если-бы чешскіе легіонеры не взяли

бы патента освѣдомителей всей Европы о бѣлой борьбѣ въ Сибири.

Такъ, еще недавно, въ связи съ Совѣтско-Китайскимъ конфликтомъ, «Фоссише Цейтунгъ» помѣстила «Два Разговора» о томъ-же атаманѣ Семеновѣ съ генераломъ Жаненомъ, и бывшимъ генераломъ Гайдой.

Первый «доблестный» главнокомандующій русскими военноплѣнными, ничего иного сказать не могъ, какъ только то, что — чехи.

Второй-же, Гайда, или, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ называется — Радула Гейдль, очевидно не можетъ простить бѣлымъ, что помѣшали ему сдѣлаться... Наполеономъ!

Этому авантюристу на русской почвѣ повезло чрезвычайно. Изъ санитарнаго фельдшера, онъ постепенно превратился въ генерала, командующаго огромной Арміей. Онъ приблизился уже къ самой вершинѣ власти, обласканный, возлюбленный Колчакомъ. Но презрительно и загадочно началъ улыбаться, настраиваться на Наполеона, и — полетѣлъ внизъ такъ-же стремительно, какъ и поднялся.

Кончилъ онъ въ Россіи тѣмъ, что устроилъ уже описанное выше жалкое возстаніе во Владивостокѣ, гдѣ «даже удара въ спину Колчаку не получилось, а произошла лишь на рѣдкость глупая и постыдная исторія», какъ говорятъ его-же бывшіе соратники.

Лично для Гайды это дѣло окончилось, если не членовредительствомъ, то еще хуже, а именно: побѣдившіе юнкера, къ которымъ онъ побѣжалъ съ поднятыми руками, отвели его въ Штабъ крѣпости, гдѣ сорвали съ него русскія генеральскія погоны и... «били ими по мордѣ»; какъ выразился разсказывавшій мнѣ эту исторію дежурный адъютантъ Штаба.

И вотъ, этакое «лицо» информируетъ всю Европу!

Конечно, послѣ битья погонами добраго не скажешь, но вѣдь Европа не знаетъ о битьѣ русскими погонами и «вѣское слово» облетаетъ весь міръ.

Я далекъ отъ мысли защищать атамана Семенова въ его ошибкахъ, или несправедливостяхъ — вѣдь онъ не готовился въ управители огромной страной, онъ всего лишь храбрый казачій офицеръ, и не виноватъ, что на него судьба возложила крестъ въ такое сверхъ-страшное время — владѣть судьбами огромныхъ тысячъ людей. Естественно, что у него должны были быть и упущенія, и злоупотребленія, и несправедливости. Но вчуже досадно, что даетъ информацію цѣлому свѣту человѣкъ, который въ упоеньи расточалъ и устно и письменно слово «разстрѣлять»! по отношенію къ тѣмъ-же русскимъ людямъ, въ бытность свою властелиномъ, — (я самъ читалъ его приказы съ этимъ страшнымъ словомъ).

Кромѣ того, на его нерусской совѣсти — такъ много русскихъ жизней, отнятыхъ имъ уже въ бытность не только не властью, но просто н и к ѣ м ъ, что такому господину приличествуетъ быть скромнѣе.

Я сказалъ уже, что чехо-словацкіе легіонеры излишне приписывали атаману Семенову желаніе мѣшать ихъ эвакуаціи, задерживать ихъ въ пути. Несмотря на всеобщую къ чехамъ ненависть, въ Читѣ всѣмъ было очевидно, что «мѣшать» чехамъ — это значитъ мѣшать самимъ себѣ. Ибо сразу-же за чехами шла красная армія. Чехи, какъ бы вели ее за собою, какъ-бы безмолвно ею угрожали.

Перехваченная сводка Иркутскаго Ревкома, говорящая о мирныхъ условіяхъ между чехами и красными въ Куйтунѣ, была расшифрована въ Читѣ съ великими ругательствами по адресу «братьевъ».

Наводненное мѣстными красными шайками Забайкалье было тогда взбудораженнымъ огромнымъ муравейникомъ, гдѣ одни ликовали, видя вступленіе красной арміи въ Забайкалье и усилили партизанскія нападенія, подходя къ самой Читѣ, — другіе лихорадочно отбиваясь отъ мѣстныхъ шаекъ, готовились къ послѣдней схваткѣ. Поэтому всякое осложненіе съ чехами было-бы перерывомъ въ этомъ напряженіи, угрожающимъ немедленнымъ крахомъ.

Кромѣ всего этого, обоюдную ненависть сдерживало присутствіе японцевъ. Вступивши въ Забайкалье, чехи вступили въ зону, охраняемую войсками его Величества, Императора Японіи, по распоряженію союзниковъ, съ согласія адмирала Колчака.

Оффиціально, японцы были въ Сибири для того, чтобы «помогать эвакуаціи чеховъ», какъ и всѣ другіе «интервенты».

Кстати сказать, это пресловутое положеніе «мы здѣсь для того, чтобы помогать чехамъ», напомнило мнѣ одинъ разговоръ. Онъ относится, правда, ко времени, когда чехи были на фронтѣ, но не утратилъ своей сути и въ описываемый моментъ.

РАЗГОВОРЪ ДВУХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ во Владивостокѣ, относящійся еще къ осени 1918 года (напечатанъ въ филадельфійской газетѣ «Субботняя Вечерняя Почта»), вотъ онъ:

Вопросъ: Для чего мы находимся въ Сибири?

Отвѣтъ: Мы въ Сибири для того, чтобы помогать чехамъ.

В. — А! такъ вотъ въ чемъ дѣло! Хорошо. Какъ я Васъ понимаю, мы, значитъ, пойдемъ на Уральскій фронтъ и обрушимся на большевиковъ.

О. — Ни въ коемъ случаѣ! Мы ничего не предпримемъ въ этомъ родѣ.

В. — Но почему нѣтъ? Развѣ мы здѣсь не для того, чтобы помогать чехамъ?

О. — Да, для этого. Но мы не должны вмѣшиваться въ русскія дѣла. И вы понимаете — большевики вѣдь русскіе.

В. — Но развѣ американскія войска не сражаются открыто съ большевиками въ Архангельскѣ? и развѣ тамъ большевики не русскіе?

О. — Да, они тоже русскіе, но все-же есть большая разница. Въ Архангельскѣ нѣтъ ничего. Тамъ только сражаются. Тамъ нѣтъ дѣлъ, въ которыя можно было-бы вмѣшаться. А здѣсь, здѣсь гибель дѣлъ, въ которыя можно

вмѣшаться, и мы должны быть очень осторожны, чтобы не вмѣшаться въ эти дѣла. Я надѣюсь, вы меня понимаете?

В. — Возможно, что я тупъ — но я не понимаю. Развѣ мы не вмѣшиваемся въ русскія дѣла, занимая рядъ русскихъ городовъ и возясь по Сибирской желѣзной дорогѣ?

О. — Что за дикая идея! Совсѣмъ не вмѣшиваемся.

В. — Тогда, можетъ быть, Вы объясните, какимъ-же образомъ мы помогаемъ чехамъ?

О. — Съ удовольствіемъ. Мы помогаемъ чехамъ просто тѣмъ, что находимся здѣсь.

В. — Тогда, почему же чехи продолжаютъ настаивать, чтобы мы сражались вмѣстѣ съ ними, и выражаютъ все больше и больше неудовольствія, что мы имъ не помогаемъ?

О. — Это происходитъ просто напросто потому, что чехи не понимаютъ нашей политики.

В. — Но развѣ наша политика не состоитъ въ томъ, чтобы помогать чехамъ?

О. — Нѣтъ, наша политика совсѣмъ не въ этомъ, а въ невмѣшательствѣ въ русскія дѣла.

В. — Значитъ, мы здѣсь не для того, чтобы помогать чехамъ, а для невмѣшательства въ русскія дѣла?

О. — Не совсѣмъ такъ...

В. — Тогда, почему мы не уѣзжаемъ домой?

О. — Потому что правительство не хочетъ, чтобы мы ѣхали домой.

В. — Но почему-же правительство не хочетъ, чтобы мы вернулись?

О. — Очень просто — потому что правительство хочетъ, чтобы мы оставались здѣсь и помогали бы чехамъ»!..

Я увѣренъ, что японскіе офицеры точно также вели между собою подобные «вразумительные» разговоры.

Японцы имѣли на русской территоріи огромный десантъ превосходнаго монолитнаго войска. Однако, нигдѣ ничѣмъ серьезнымъ они себя не проявили — (я говорю о

войскахъ въ Забайкальѣ до Иркутска, исключаю Приморье, гдѣ японцы силу свою пускали въ ходъ и даже весьма чувствительно).

Въ Забайкальѣ они, видимо, были для того-же — для «невмѣшательства» въ русскія дѣла: стоятъ, смотрятъ — молчатъ — присутствуютъ. Надо отдать имъ, однако, справедливость, присутствовать они умѣли — съ достоинствомъ, внушительно. Но и только.

Становятся-ли чехи вооруженно на сторону повстанцевъ въ Иркутскѣ, разоружаютъ-ли правительственный броневикъ — японцы смотрятъ — присутствуютъ, и — ничего.

Предаютъ-ли чехи адмирала Колчака на разстрѣлъ, японцы тоже — ничего, несмотря на то, что японскій флагъ въ числѣ другихъ семи союзныхъ флаговъ также прикрывалъ смертный вагонъ Адмирала.

Однако-же, когда аккуратно, какъ часы, секунда въ секунду, въ разныхъ частяхъ города играютъ японцы зорю, когда по улицамъ «печатаютъ» въ полномъ вооруженіи безстрастные, какъ отлитые изъ мѣди, вымуштрованные, до впечатлѣнія заводныхъ — колонны японскихъ солдатъ, когда часовые у японскихъ казармъ стоятъ какъ статуи, когда, наконецъ, по учебному полю развертываются японскія цѣпи, присѣдая ползутъ на приступъ, съ непонятнымъ, но мощнымъ крикомъ:«банзай»!—это отрезвляетъ, это сдерживаетъ, это способствуетъ порядку...

Случайно мнѣ пришлось играть не послѣднюю роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ между атаманомъ Семеновымъ и Чешскимъ Командованіемъ и представителемъ Чехословацкой республики въ Читѣ. Случилось это такъ:

Однажды, ночью, ко мнѣ позвонили отъ атамана, прося явиться немедленно.

Являюсь. Встрѣтилъ меня самъ атаманъ и разсказалъ о только что полученной телеграммѣ со станціи Оловянная, гдѣ «чехи грабятъ русскіе эвакуаціонные эшелоны, отправленные изъ Читы съ семьями военныхъ».

Офицеръ для порученій, подполковникъ Сергѣевъ, котораго атаманъ послалъ къ генералу Сыровому, для выясненія вопроса, поругался съ генераломъ Сыровымъ.

Сыровой заявилъ, что онъ будетъ говорить только или «съ самимъ атаманомъ Семеновымъ или, говоритъ, пришлите капитана Котомкина».

— «Поѣзжайте сейчасъ къ Сыровому и скажите ему, что если онъ не прекратитъ это безобразіе, я ни за что не отвѣчаю. Посмотрите, что дѣлается».

Атаманъ подвелъ меня къ окну и отдернулъ штору — дворъ былъ полонъ осѣдланныхъ коней.

Атаманскій желтый автомобиль помчалъ меня на ст. Чита 1 въ Чехословацкій Штабъ, къ поѣзду генерала Сырового.

Генералъ Сыровой былъ очень золъ. Его единственный глазъ воинственно сверкалъ. Онъ вскричалъ: «Я получаю здѣсь одни только оскорбленія, пора этому положить конецъ! Я вызвалъ уже тяжелую артиллерію. Я раскатаю Читу по бревнамъ»!

— Дорогой братъ генералъ, на станціи Оловянной...

— Оловянная, Оловянная!.. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ въ грабежѣ принимала участіе только лишь небольшая группа чехословаковъ, распропагандированныхъ большевиками; взята всего одна мотоциклетка». — — Онъ бѣгалъ по вагону съ воинственными жестами. Я бѣгалъ за нимъ, убѣждалъ генерала успокоиться и повторялъ, что видѣлъ осѣдланныхъ уже коней, что казаки при скачутъ къ поѣзду генерала Сырового скорѣе, чѣмъ придетъ вызванная артиллерія.

Капитанъ Скацель, адъютантъ Сырового, въ своей книгѣ «Съ генераломъ Сыровымъ въ Сибири» пишетъ, что я былъ тогда такъ взволнованъ, что у меня то и дѣло падало съ носу пенснэ, и я былъ очень смѣшонъ.

—Можетъ быть, не спорю.Но въ результатѣ моей «дипломатіи», инцидентъ прошелъ благополучно и даже болѣе того. На завтра генералъ Сыровой съ адъютантомъ Скацелемъ и маіоромъ Кошекомъ, дипломатическимъ

представителемъ ЧСР въ Читѣ, пріѣхали къ атаману Семенову.

Послѣ краткаго оффиціальнаго разговора, по поводу печальнаго происшествія на Оловянной, благодаря чисто русскому гостепріимству и открытому характеру атамана Семенова, гостямъ было предложено красное вино, и даже питъ былъ тостъ за... славянское единеніе!

Съ этого времени, я былъ назначенъ оффиціальнымъ уполномоченнымъ для сношенія съ чехокомандованіемъ (Удостовѣреніе 16 марта 1920 г. № 897-а и Приказъ №264), ибо никто въ Читѣ эту должность на себя брать не хотѣлъ.

Долженъ сказать, что нужно было большое мужество для исполненія этой обязанности, ибо трудно было защищать чеховъ. Могу съ чистой совѣстью сказать, что нечаянную обязанность эту я исполнялъ чуть-ли не покладая свой животъ и слылъ въ Читѣ единственнымъ «чехофиломъ». Да и чехи не отрицаютъ, что благодрая мнѣ, они избѣгли очень многихъ непріятностей въ Читѣ, хотя не видѣлъ я отъ нихъ благодарности, да и не ждалъ ея, а помогалъ скорѣйшей эвакуаціи чеховъ, какъ могъ, и принималъ на себя за нихъ всѣ заушенія, единственно, изъ-за сохранившагося еще во мнѣ тогда, несмотря ни на что, славянскаго чувства и искренней любви къ чехамъ.

Отъ того времени у меня совершенно случайно остались кое-какія бумаги. Нѣкоторыя изъ нихъ считаю нелишнимъ привести здѣсь.

Штабъ 3-й Чехослов. стр. дивизіи
4 апр. 1920 г.
№ 1386
Чита.

Копія.

Командиру 12 стр. Полка.

Начальникъ Дивизіи приказалъ выдать Енисейскимъ Казакамъ кухню, которую ввѣренный Вамъ полкъ при-

нялъ на храненіе, если она у Васъ еще находится. Объ исполненіи приказа извѣстить.

Начальникъ организаціоннаго отдѣленія
Капитанъ (подпись).

Мѣсто печати.
На оборотѣ:

Въ эшелонѣ № 2, 12-го полка, стоящемъ на ст. ЧИТА I, никакой кухни, принятой отъ казачьяго Енисейскаго полка не находится.

Ком. эшелона Майоръ Волекъ.

Чита 1-я
4-IV-1920.

Вотъ еще бумажка-приказъ Коменданта станціи:

Кадала, Разъѣздъ № 5:

— Продаются наши лошади. Извѣстить объ этомъ русскихъ.

Начальникъ Личной Канцеляріи
Главнокомандующаго
всѣми вооруженными силами
Россійской Восточной Окраины.
Апрѣля 3-го дня 1920 г.
№ 1642.
Гор. Чита.

Копія.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

По приказанію Помощника ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО по Военной части, предъявитель сего, Капитанъ Котомкинъ, уполномачивается получить отъ чешскаго командованія два орудія съ прибывшаго поѣзда за № 106.

Что подписями и приложеніемъ печати удостовѣряется

Полковникъ Власьевскій.

За Старшаго Адъютанта
Чиновникъ (подп.) Бѣдомѣстновъ.

(М. П.)

Орудія эти я получилъ, и не два, а цѣлыхъ пять. Они принадлежали тому самому отряду Енисейскихъ казаковъ, которые пріѣхали въ Читу въ гробахъ. За это мирное «взятіе» батареи, я былъ произведенъ въ подполковники, «Моя» батарея работала подъ самой Читой въ страстные дни, когда вслѣдъ за уходомъ чеховъ, красные подвинулись къ самой Читѣ. Бой былъ въ трехъ верстахъ отъ города. Красные были разбиты и бѣжали.

Отъ Енисейцевъ-же я получилъ слѣдующее письмо:

Есаулу КОТОМКИНУ, здѣсь.

Глубокоуважаемый Александръ Ефимовичъ!

Отъ имени Енисейскаго Казачьяго Войска, которое я здѣсь представляю, — искренно и сердечно благодарю Васъ за то содѣйствіе, которое Вы оказали Войску.

Ваше чуткое отношеніе къ намъ, Енисейцамъ, Ваша напряженная работа для насъ — глубоко цѣнится Войскомъ.

Мы вѣримъ, что когда возродится Россія, и проявитъ свое скорбное усталое лицо — Ваше сердце подскажетъ Вамъ, что въ далекой Сибири, въ бассейнѣ бурнаго Енисея, гдѣ живутъ въ предгоріяхъ Саянъ казаки — бьются въ согласіи съ Вашимъ сердца благодарныхъ Вамъ Енисейцевъ.

Привѣтъ мой и Войска Вамъ, искренноуважаемый Александръ Ефимовичъ.

Замѣститель Войскового атамана Помощникъ Атамана Енисейскаго Казачьяго Войска Александръ Кузнецовъ».

На оборотѣ удостовѣренія, уполномачивающаго меня получить орудія, такая записка:

«Пану Подполковнику Новаку».

Панъ Полковникъ Бердниковъ хочетъ купить шесть артиллерійскихъ коней, для ихъ орудій, и проситъ, чтобы мы ихъ выгрузили въ Читѣ П, если ты согласенъ. Назначить общую цѣну за всѣхъ или за каждаго въ отдѣльности? Маіоръ Мразекъ».

Кони, конечно, тоже были этого отряда Енисейскихъ казаковъ, сданные на храненіе, въ трудную минуту.

А вотъ еще документъ.

Переписка между Начальникомъ Штаба Чехословацкихъ войскъ и помощникомъ по Военной части Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Россійской Восточной Окраины.

Начальникъ Штаба Чехословацкихъ
Войскъ въ Россіи.
27 марта 1920 г.
№ 358/Н.
Ст. Чита.

К о п і я.

Помощнику по Военной Части,
Главнокомандующаго всѣми вооруженными
силами Россійской Восточной Окраины.

Командующій Чешско-Словацкими войсками въ Россіи приказалъ увѣдомить Ваше Превосходительство о слѣдующемъ: Серебро, упомянутое въ Вашемъ письмѣ командующему, за №1957 отъ 23 сего Марта приказано немедленно сдать моей телеграммой № 357/№ командиру 2 тяжелаго артиллерійскаго дивизіона, но въ виду того, что его эшелонъ находится въ настоящее время на линіи Цицикаръ-Харбинъ и слѣдуетъ безостановочно во Владивостокъ, прошу не отказать въ любезности сообщить мѣсто, гдѣ, по Вашему желанію, должна передача производиться, и фамиліи пріемщиковъ.

И. п. Подполковникъ (подп.) Вшетичка.
Съ подлиннымъ вѣрно, Поручикъ (подп.) Касалицкій.

А вотъ и самая телеграмма:

"Цицикаръ. Харбинъ. Командиру П-го тяжелаго артиллерійскаго дивизіона, копія начальнику артиллеріи П див.

Чита 27 марта. Командующій Войсками приказалъ возвратить 20 пудовъ серебра, переданныхъ Вамъ въ Тулунѣ помощникомъ Атамана Енисейскаго Казачьяго Войска. Мѣсто передачи и имена русскихъ пріемщиковъ будутъ означены дополнительно.

№ 357. Начальникъ Штаба Чеховойскъ Подполковникъ Вшетичка".

Это войсковое серебро такъ и прослѣдовало безостановочно — неизвѣстно куда, ибо казаки такъ и не получили его. Кто теперь ѣстъ казачьими серебряными ложками — трудно сказать. Пробовалъ я, въ бытность мою въ Прагѣ, полюбопытствовать, сунулся было къ великимъ

міра сего, такъ и такъ, дескать, любопытно-бы знать, куда тогда эти самыя ложки запропастились?

Результатомъ этого любопытства было вотъ что: черезъ нѣсколько дней къ халупкѣ въ Горныхъ Мокропсахъ, гдѣ я жилъ въ Чехословакіи, въ семь часовъ утра подкатилъ зеленый автомобиль — «зеленый Антонъ» — онъ въ Прагѣ назывался. Вышли три таинственныхъ типа и при нихъ здоровенный жандармъ съ винтовкой.

Жандарма этого я сразу узналъ: Желѣзный — его фамилія — съ мѣдно-краснымъ ликомъ, замѣтный, во Владивостокѣ онъ часто у моихъ родственниковъ бывалъ. Шаньгами его кормили тамъ, и вообще онъ какъ родной у нихъ пристроился. Такъ этотъ жандармъ сталъ у двери, а типы принялись искать. Перерыли, перебрали въ руки весь несложный мой эмигрантскій хламъ. Два часа съ половиной трудились.

— Чего вы ищите, панове? — спрашиваю, наконецъ.

— Да вотъ, говорятъ, вы съ мадьярами переговоры ведете насчетъ Карпатской Руси, отдѣлить отъ насъ хотите и передать мадьярамъ.

— Я, говорю, не въ шутку васъ, панове, спрашиваю, а всерьезъ. —

— Всерьезъ мы, говорятъ,—васъ и обыскиваемъ. Донесли намъ, дескать. —

Бумажку они оставили: подписались, что обыскивали безрезультатно. Бумажку эту я сохранилъ, берегу на память.

Съ этого обыска заинтересовался я Карпатской Русью и поѣхалъ однажды туда на лѣто. Не жалѣю и очень доволенъ былъ, что поѣхалъ. Сталъ я тогда уже отъ своего славянства остывать — «русскостью» больше дорожить сталъ...

Въ связи съ Енисейскимъ серебромъ — по созвучію, мнѣ вспомнился случай съ тридцатью серебрениками.

Однажды вечеромъ, когда я по дѣламъ службы былъ у генерала Сыровсго и держалъ въ рукахъ только

что поднесенный мнѣ генераломъ портретъ Президента Массарика, съ горячей надписью:

«Другу Чешскаго Народа и Войска», —

у вагона остановился конный вѣстовой. Вѣстовой появился затѣмъ въ вагонѣ съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ и на желаніе адъютанта, капитана Скацеля, принять отъ него этотъ пакетъ, молодцевато отвѣтилъ, что ему приказано передать лично въ руки Его Превосходительства Командующаго Чешскимъ Войскомъ, генерала Сырового. Генералъ Сыровой поднялся и принялъ пакетъ отъ него. Отдавъ честь по воинскому уставу, вѣстовой удалился.

Генералъ Сыровой вскрылъ полученный пакетъ, и... къ нашему общему удивленію, изъ пакета посыпались серебряныя монеты: то блѣднѣя, то краснѣя, генералъ Сыровой прочелъ содержаніе бумаги и затѣмъ, передавая, мнѣ, сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Вотъ какъ мнѣ платятъ русскіе! —

Я взялъ бумагу, въ которой прибли ительно стояло слѣдующее: «Командующему Чехословацкими Войсками, генералу Сыровому. Офицеры и солдаты Ижевской и Воткинской дивизій посылаютъ генералу Яну Сыровому ТРИДЦАТЬ СЕРЕБРЕНИКОВЪ — цѣна крови Іуды Предателя»

Дальше слѣдовали подписи.

На вопросъ генерала Сырового— «что-же ему дѣлать съ деньгами»? — я посовѣтовалъ ему присоединить пакетъ съ бумагой и тридцатью серебрениками къ дѣламъ архива чехословацкихъ легіоновъ и ни въ коемъ случаѣ не предавать этого факта огласкѣ.

Но, увы! — генералъ Сыровой не послушалъ моего дружески-братскаго совѣта и возвратилъ тридцать серебренниковъ приславшимъ ихъ обратно, съ надписью:

«Въ серебрѣ не нуждаюсь».

Потомъ, вскорѣ, на вечерѣ, въ пользу больныхъ каппелевцевъ, въ присутствіи представителей военной и гражданской власти, Начальника 5-ой японской дивизіи ге-

нерала Судзуки и представителей находящихся въ Читѣ Союзныхъ миссій, была произведена благотворительная американская лоттерея.

Среди другихъ предметовъ разыграны были и эти тридцать серебрениковъ съ подробнымъ объясненіемъ ихъ происхожденія.

Эвакуація чеховъ черезъ Читу приближалась къ концу и «хвостъ гада» уже передъ Пасхой 20-го года былъ въ безопасности. Чехами въ Читѣ въ послѣднее время уже не интересовались. Они, по прежнему, въ городѣ не показывались; кромѣ оффиціальныхъ лицъ въ городѣ не было ни одного чеха. Ихъ политическому представителю, г-ну маіору Кошеку, мною была устроена (безплатно) обширная квартира на Пушкинской улицѣ, квартира личнаго врача Атамана, выѣхавшаго въ то время изъ Читы.

Къ Читѣ въ это время подошли вплотную красныя войска, и бои были около самаго города. Чита эвакуировалась. Въ городѣ остались почти одни военные. На Страстной городъ пережилъ свои критическіе дни. Надъ городомъ летали аэропланы красныхъ, сбрасывали бомбы, сѣя панику на улицахъ.

Чехи-же, радостные, что «гадъ проползъ» Забайкальемъ благополучно, спѣшили черезъ Манчжурію къ Владивостоку, гдѣ они грузились на пароходы и отплывали въ Европу — наступило, наконецъ, вожделѣнное время!

О чешской эвакуаціи я слышалъ въ Прагѣ лекцію самого начальника эвакуаціи чехословацкаго войска, д-ра Раше. И такъ какъ особенно заинтересовался выводами лектора, купилъ его брошюрку, гдѣ лекція эта изложена полностью. («Эвакуація» 1923 г. Прага).

Очень любопытная брошюра оказалась. Она кратко повѣствуетъ о томъ, какъ «съ помощью дисциплины и демократическаго духа», чехи нажили въ Сибири огромныя богатства.

Читаешь ее и непрерывно восхищаешься. И невольно сравниваешь — вотъ мы въ эмиграціи, живемъ уже деся-

токъ лѣтъ, свободно, гнета реакціи не испытываемъ, геройствомъ не отвлекаемся, дорогу караулить намъ не приходится — только и дѣлаемъ, что безпросвѣтно работаемъ, а поглядите, что у насъ есть: пиджака у насъ нѣтъ, и лица зеленыя.

Д-ръ Раше такъ и пишетъ: «Нужно принять во вниманіе, что до начала нашей Арміи, мы были взяты русскими въ плѣнъ, какъ намъ Семеновъ говорилъ — «голые, безъ штановъ», и дѣйствительно, все наше имущество были наши руки и голова».

И что-же? — Черезъ пять лѣтъ, когда они уѣзжали изъ Владивостока, чехи на собственныя солдатскія средства:

1. Наняли двѣнадцать иностранныхъ пароходовъ для перевозки своихъ товаровъ и грузовъ на Родину.

2. Сдѣлали милліонныя закупки сырья.

Еще будучи на русской землѣ они:

3. Купили собственный океанскій пароходъ («Легія»), ибо не хотѣли нѣкоторые грузы довѣрить въ чужія руки.

4. Во всѣхъ попутныхъ портахъ сдѣлали огромные запасы провіанта, ибо безъ помощи союзниковъ, сами, отправили домой, 14 % войска.

5. Заложили Легіонерскій Банкъ, который имѣлъ начальнаго капитала въ твердой валютѣ семьдесятъ милліоновъ кронъ, а нынѣ является богатѣйшимъ банкомъ республики, недавно выстроившимъ собственное колоссальное зданіе съ подвалами для денежныхъ хранилищъ.

6. Имѣли свою богатѣйшую типографію, которая печатала книги на четырехъ языкахъ, часто въ роскошныхъ изданіяхъ.

7. Они владѣли цѣлымъ рядомъ Уральскихъ заводовъ, имѣли нѣсколько фабрикъ, безчисленныя мастерскія и проч.

Откуда-же все сіе? спрашивается.

Д-ръ Раше такъ начинаетъ: «Часто насъ спрашиваютъ: откуда Легіо-банкъ имѣетъ деньги? и сейчасъ же на это сами отвѣчаютъ: навѣрьое, изъ того накраденнаго рус-

скаго золота. А между тѣмъ, на это имѣется простой отвѣтъ. Насъ было въ Сибири почти 60.000 добровольцевъ. И имѣли мы право на обязательное жалованье и довольствіе по приказу генерала Штефанека, но иногда, отчасти изъ-за недостатка денежныхъ знаковъ, отчасти изъ предосторожности, чтобы финансовое управленіе наше не осталось какъ-нибудь безъ денежныхъ средствъ, какъ оказалось это при эвакуаціи, осторожность весьма не безосновательная, а также, чтобы нѣкоторыми слабыми одиночками не были деньги истрачены зря, — выплачивало имъ финансовое управленіе только малую часть слѣдующаго намъ жалованья и довольствія. Для иллюстраціи какъ намъ платили, приведу, что полковникъ, шефъ отдѣла военнаго министерства, считая на довоенную корону, имѣлъ 18 коронъ мѣсячной платы, при всемъ прочемъ снабженіи, какъ и всѣ остальные солдаты, считая по цѣнамъ 19-го года на Владивостокскомъ рынкѣ, могъ полковникъ купить за цѣлое свое мѣсячное жалованіе одну гуску, даже безъ капусты и безъ картофеля. Капитанъ — гусиное стегнышко, а стрѣлокъ, ужъ и не знаю, что бы могъ за эти деньги купить.

Такимъ образомъ, то, что оторвали мы отъ устъ, либо было у насъ оторвано, мы потомъ добровольно записали на свой банкъ. Тотъ акціонерный капиталъ—70 милліоновъ коронъ представляетъ такъ называемыя недоплатки, то есть, разницу жалованья и довольствія намъ полагающагося и того, что намъ выдавали за 1919 годъ. При 35.000 добровольцевъ, которые купили акціи банка, это приходится по 2.000 коронъ сбереженій на одного человѣка за одинъ годъ. Это, вѣроятно, не такъ много, а дома, тѣмъ болѣе, многіе изъ васъ скопили за 19 годъ, либо могли скопить, гораздо больше насъ и при условіяхъ болѣе удобныхъ и пріятныхъ, если-бы вы жили такъ, какъ тогда мы.

Вотъ правда о той легендѣ, откуда и какимъ способомъ мы достали деньги на часть нашей эвакуаціи, которую мы оплатили сами, и за которую намъ государство, на основаніи постановленія народнаго собранія, что

репатріація вознаграждается изъ государственныхъ средствъ, должно, въ видѣ недоплатковъ».

Владивостокскія газеты времени чешской эвакуаціи писали объ этомъ объясненіи такъ:

«БЛОХА», № 5.

ЧЕШСКАЯ БУХГАЛТЕРІЯ.

Итальянская бухгалтерія упразднена. Учреждена чешская, болѣе выгодная. По чешской бухгалтеріи — солдатъ, получающій рубль серебромъ, можетъ купить вагонъ іюньскихъ тысячныхъ бумажекъ и еще получить сдачи на два съ полтиной золотомъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ ДОКТОРА ГИРСА.

Мы очень любимъ русскихъ. На Карпатахъ мы бѣжали къ нимъ съ растопыренными руками. Мы очень долго путешествовали взадъ и впередъ и за это получали жалованье. На это жалованье мы купили кожу и шерсть. Но какъ это мы сдѣлали? А очень просто! Мы взяли русскаго человѣка, содрали съ него кожу и получили кожу. Кожу остригли и получили шерсть. И мы довольны, и русскіе привѣтствуютъ. Мы уѣзжаемъ, а они остаются и кричатъ намъ на дорогу: Наздаръ»!

«СЛОВО», 28-У 20 года.

СОЛДАТСКІЕ ГРОШИ.

Интервьюеры трехъ газетъ — «Дальнев. Обозр.», «Воли» и «Голоса Родины» — обсудили «выпады за послѣднее время мѣстной прессы по адресу чехословаковъ», въ связи съ вывозомъ чешскими войсками нѣкоторыхъ сырьевыхъ продуктовъ изъ Сибири и побѣжали за разъясненіями.

Впрочемъ, не знаемъ, какъ было дѣло: вѣроятнѣе всего, что обсудили-то сами чехи, а интервьюеры только побѣжали.

И не къ кому нибудь (они знаютъ свое дѣло!), а къ д-ру Гирса. И д-ръ Гирса «любезно подѣлился»...

Мы долго и вдумчиво читали эти мягкія по формѣ и вкрадчивыя по содержанію интервью. Въ нихъ столько логической обаятельности, что мы (даже мы!) невольно остановились передъ вопросомъ:

— Справедливы-ли, въ самомъ дѣлѣ, выпады мѣстной прессы по адресу чехословаковъ?

И рѣшили:

— Нѣтъ, не справедливы, потому что при «организованной и дисциплинированной работѣ», на 75 тысячъ чешскихъ солдатскихъ грошей въ теченіи 2-хъ лѣтъ дѣйствительно можно не только хорошо экипироваться, но и провести милліонныя сдѣлки на мѣдь, пушнину, селитру, кожу, шерсть и др. товары, пріобрѣсти цѣлые составы поѣздовъ съ резиной и, наконецъ, снабжать оружіемъ даже великія державы...

Нѣтъ, выпады мѣстной прессы противъ чехословаковъ не справедливы.

Все дѣло въ организаціи, въ дисциплинированной работѣ».

Это очень зло, но «логическая обаятельность» иногда никому ничего не доказываетъ, а создаетъ противоположныя убѣжденія, натыкаясь на безчисленныя «неувязки, какъ говорятъ совѣтскіе граждане.

Вотъ хотя-бы такая: если сибирскіе легіонеры были оплачены отъ правительства настолько, что имѣли даже излишки, которые составили огромныя суммы, то почему посланецъ Президента Массарика, д-ръ Крейчи, ѣдучи лѣтомъ 1919 года въ Сибирь, ломалъ голову надъ загадкой — кто наши легіи кормитъ? И иначе не разрѣшалъ, какъ предположеніемъ, что легіи кормятся лишь подаяніемъ.

Непонятно: правительство, которое платитъ даже до излишковъ, и въ то-же время не знаетъ, удивляется, ахаетъ?... Ниже приводимый документъ показываетъ, что восхитившія пражскую делегацію хозяйственныя способности «гошей» и въ самомъ дѣлѣ восхитительны:

"Тыловое Интендантство Чехо-Словацкой армии в России
"26" июля 1919 года
№ 12180.
Отдел Продовольственный.
Омск. Гостинница "Русь"
телефон № 10-85

Главному Интенданту полковнику Сторожеву

Копия*)

Помошнику Мин—ра снабжения и продовольствия г. Мельникову.

II. Хлебо-фуражное довольствие, соль, масло, сахар.

Для чехословацкой армии нужны **ежемесячно** в следующих количествах:

1. Муки .. .. 65.000 пудов
   или пшеницы .. .. 90.000 пудов
2. Сахара .. .. 9.000 пудов
3. Масла .. .. 8.000 пудов
4. Соли .. .. 4.000 пудов

III. Мясо.

Для чехо-словацкой армии в Сибири нужно ежемесячно следующее количество мяса:

1. Мяса говяжьяго .. .. 20.000 пудов мертвого веса
2. Мяса свиного .. .. .. 6.000 .. ..
3. Мяса копченого .. .. 3.000 .. ..

Тыловое интендантство чехо-войск считает себя в праве расчитывать на выполнение сообщенного количества полностью.

Вр. и д. тылового интенданта чехо-войск майор (подпись).
Печать: "Тыловое интендантство чешско-словацкой армии".

Очевидно, что при этомъ довольствіи, офицеръ чехо-войска могъ-бы и совсѣмъ не покупать той жалкой гуски безъ картофеля, про которую разсказываетъ для примѣра д-ръ Раше. Напрасно только представляетъ онъ пражской чешской аудиторіи эту гуску, какъ необходимость, а складываемые въ банкъ излишки, какъ «вырванный изо рта» кусокъ.

Или, напримѣръ, непонятна еще одна крупная «неувязка»: скопленныя легіонерами суммы они истратили на эвакуацію, каковыя деньги имъ р е с п у б л и к а о с т а л а с ь д о л ж н а, — извѣстные, такъ наз. легіонерскіе н е д о п л а т к и, большой финансовый вопросъ въ Чехосло-

*) Документъ взятъ изъ книги И. Субботовскаго (Авт.).

вакіи, (1) — какимъ-же образомъ, эти самыя истраченныя деньги явились основнымъ капиталомъ Легіобанка? Это какой-то несгорающій фениксъ: деньги вытаскиваются изъ кошелька и тратятся, а онѣ, глядь, опять въ кошелькѣ неприкосновенными лежатъ! Непонятно. Да дивья-бы только мы русскіе не понимали — еще-бы ничего. А то, свои же, чехи, происхожденіе Легіобанка никогда толкомъ понять не могли, сколько творцы его не объясняютъ. Объяснять же они начали, какъ видимъ, давно, еще во Владивостокѣ.

Въ чешскомъ обществѣ исторія обогащенія сибирскихъ легіонеровъ и до сихъ поръ продолжаетъ вызывать волненіе. При каждыхъ парламентскихъ выборахъ, а особенно въ какихъ нибудь внезапныхъ «заплеткахъ» въ «аферахъ» и «панамахъ», въ родѣ извѣстной спиртовой, — противники, а часто и разсорившіеся друзья начинаютъ другъ друга укорять и обвинять. Давно прошедшая спиртовая панама дала особенно яркій образецъ этой дружеской рвачки, во время которой «непревосходимый финансистъ», о т е ц ъ Легіобанка и его главный директоръ, Шипъ, былъ скандально арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Но вскорѣ дѣло это было замято, панъ Шипъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, и дѣло производствомъ прекращено. Но и помимо крупныхъ скандаловъ этотъ «легіобанковскій» вопросъ выплываетъ въ чешской печати то и дѣло.

Нынѣ, черезъ 10 лѣтъ, этотъ вопросъ такъ-же волнуетъ чешскую общественность, какъ и 10 лѣтъ тому назадъ. Въ доказательство сего приводимъ статью отъ 26-1У-1929 г. изъ «Веч. Листа», ном. 100.

---

*) Между прочимъ, "недоплатки", которыя легіонеры считали за республикой, представляющія серіозную цифру, возбудили въ свое время бурные дебаты въ парламентѣ, гдѣ выступалъ противъ легіонеровъ мин. фин. д-ръ Рашинъ. Онъ упрекалъ легіонеровъ въ корысти и отказывался эти деньги платить. Вскорѣ, затравленный лѣвой прессой, онъ былъ изъ-за угла убитъ какимъ то мальчишкой.

«РУССКІЕ МОНАРХИСТЫ И БОЛЬШЕВИКИ ТВЕРДЯТЪ, ЧТО ВЪ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКѢ ЕСТЬ ЧАСТЬ ВЫВЕЗЕННАГО РУССКАГО ЗОЛОТОГО ЗАПАСА.

Постоянно повторяется обвиненіе, которое требуетъ основательнаго объясненія. Совѣты могутъ предъявить требованія на возвращеніе Казанскаго золота?

Послѣдній (7) номеръ «Вѣстника Центральнаго Содружества Чеховъ и Словаковъ изъ Россіи» публикуетъ статью, которую пока печатаемъ безъ отмѣтки, но къ выводамъ которой въ скоромъ времени вернемся:

«Долго-ли будутъ намъ плевать въ глаза»?

Этотъ вопросъ задавали мы, когда читали извѣстіе о томъ, что извѣстный русскій публицистъ, Гутманъ-Ганъ, написалъ въ рижской газетѣ «Слово» длинную статью подъ заглавіемъ: «Конецъ Адмирала Колчака». Въ статьѣ этой Ганъ, извѣстный своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ чехословацкому командованію въ Сибири — доказываетъ, что враждебность предводителей чехословацкой арміи къ Колчаку имѣла свою причину въ томъ, что Колчакъ не могъ допустить, чтобы Чехослов. корпусъ смотрѣлъ на имущество русскаго народа, какъ на свою военную добычу, и энергично требовалъ отъ союзническихъ дипломатовъ контролированія всего того, что чехословаки вывозили въ 30.000 вагонахъ, какъ военную добычу. Соц.-революціонеры, которые въ своемъ обладаніи Волгой опирались только на чехословацкіе штыки, охотно платили эту дань и готовы были платить и далѣе, если-бы власть перешла въ ихъ руки. Колчаку было ясно, что Чехословацкій корпусъ, поддавшись соблазну обогащенія, утратилъ свою способность къ борьбѣ, бросилъ фронтъ и спѣшилъ съ добычею домой. Ганъ, продолжая статью, подробно разсказываетъ о судьбѣ адм. Колчака и говоритъ о предательствѣ, которое якобы, совершили надъ нимъ генералы Жа-

ненъ и Сыровой. Не впервой, что Гутманъ-Ганъ выступаетъ съ этимъ обвиненіемъ противъ нашей Сибирской Арміи. Недостаточно его нападенія просто игнорировать указаніемъ на то, что Ганъ — жидъ. Это плохая оборона, если, къ тому-же еще, появляется она въ соціалистическомъ сборникѣ, издатели котораго слишкомъ далеки отъ антисемитизма. Насколько намъ извѣстно, Ганъ часто оперируетъ съ рядомъ докладовъ и цифръ, и многіе его выводы заставляютъ ожидать, что подготовляетъ онъ свой доказательный матеріалъ къ моменту удобнаго нападенія. Было-бы ошибочно констатировать, что Ганъ есть то-же, что генералъ К. В. Сахаровъ и его «Бѣлая Сибирь», либо баловень нашихъ сибирскихъ легій, а нынѣ — выгнанная служанка, русскій «поэтъ» А. Котомкинъ-Савинскій. Подготовка къ бою у Гана не идетъ въ сравненіе со слюнями изъ устъ ген. Сахарова и «поэта» Котомкина, ибо, въ этомъ случаѣ, дѣло идетъ о практическомъ народнохозяйственномъ и биржевомъ дѣятелѣ московскомъ, который сумѣлъ еще во время Колчака, когда занималъ довольно значительное положеніе, припрятать всякій докладъ, зафиксировать каждую цифру. Ужъ нѣсколько разъ аппелировали мы къ виднымъ нашимъ лицамъ, чтобы оставили они, въ борьбѣ противъ клеветы на чехословацкую армію въ Сибири, свою, до сегодня продолжающуюся тактику, стрѣляющую холостыми зарядами, какъ-то: «жидъ», «царскій генералъ», «германофилъ», «японофилъ» и т. д., а предприняли бы систематическую публикацію документовъ и цифръ, которые несомнѣнно были привезены до послѣдняго, въ архивѣ Финансоваго Управленія русскихъ легій. Особенно теперь, когда начинается ликвидація этого учрежденія (арестованный въ лоттерейной аферѣ Г. Сидекъ былъ приписанъ къ Финансовому Управленію) было - бы только желательнымъ. Возбуждается въ рядахъ русской эмиграціи излишнее подозрѣніе безсилія другой стороны, когда до сихъ поръ защита поручается единственно д-ру Куделѣ, который, однако, въ Сибири имѣлъ другія функціи, нежели народнохозяйственныя и финансовыя, или когда въ борьбу съ ра-

стущимъ предубѣжденіемъ русской эмиграціи, что наша республика создана единственно на русскія деньги, высылается бывшій высокій русскій бюрократъ В. С. Драгомирецкій. Недостаточно просто говорить, что русская эмиграція насъ ненавидитъ, и что свѣдѣнія о вывозѣ русскаго народнаго имущества обращаются только среди русской эмиграціи. Ибо еще недавно секретарь «Всесоюзнаго Общества жертвамъ интервенціи» — нынѣ казенной совѣтской институціи — Миркинъ, въ своей брошюрѣ «СССР, царскіе долги и наши контрпретензіи», изданной русскимъ госуд. издат., на стр. 108, говоритъ, написалъ, что СССР можетъ потребовать отъ Ч. С. Р. возвращенія казанскаго золота, которое, якобы, до сихъ поръ въ Прагѣ. Недостаточно, если критикъ этой брошюры въ обозрѣніи министерства иностр. дѣлъ напишетъ, что этотъ совѣтскій оффиціальный авторъ не изслѣдовалъ серьезные совѣтскіе источники, а почерпнулъ это свое утвержденіе изъ эмигрантскихъ памфлетовъ, и укажетъ товарищу Миркину, что казанскій золотой запасъ еще въ 1920 г. перешелъ во владѣніе совѣтскихъ учрежденій въ Иркутскѣ. Это опять слабый отпоръ, ибо надо предполагать, что секретарь государственной совѣтской организаціи, созданной сов. властью послѣ женевской конференціи, организаціи, въ которой были прикомандированы старые русскіе финансисты и хозяйственники, какъ ученые эксперты, знаетъ также хорошо объ основаніяхъ мирнаго договора, заключеннаго на ст. Куйтунъ. Такимъ образомъ, теперь къ эмигрантскимъ памфлетистамъ присоединяются памфлетисты совѣтскіе. Надъ этимъ необходимо задуматься! Можемъ-ли мы допустить, чтобы къ крови русскаго народа примѣшался ядъ предубѣжденности, что мы обогатились русскимъ народнымъ достояніемъ?»

— Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, до чего легіонеры долготерпѣливы! Десять лѣтъ они возятся съ «памфлетистами», возмущаются, оскорбляются, убѣждаютъ ихъ, устраиваютъ даже лекціи господина...Климушкина въ свою защиту, потомъ начинаютъ отмахиваться — презрѣнные

бывшіе живутъ изъ милости.—Наконецъ, мобилизуютъ субсидируемую въ Прагѣ эмигрантскую прессу, чтобы отъ «памфлетиста» осталось одно черное пятно. Стоитъ-ли до ставлять себѣ столько хлопотъ? Удивительнѣе-же всего то, что начинаютъ и съ появляющимися оттуда, изъ СССР, — «памфлетистами» — тѣ-же терпѣливые хлопоты. А между тѣмъ, вѣдь имѣется очень вѣрный, разительный способъ «накрыть» сразу всѣхъ «памфлетистовъ», тѣхъ и этихъ, и вообще всѣхъ «памфлетистовъ» обоихъ полушарій накрыть хотя-бы по одному вопросу — о золотоомъ запасѣ: просто — опубликовать сдаточную вѣдомость. Чехи такіе дѣловые люди, что, бывало, уздечки съ собственнаго своего коня, сданнаго имъ на храненіе, безъ расписки не получишь, а тутъ — подумайте только, цѣлый Клондайкъ, готовый, промытый, на храненіе приняли! Странно, что терпя всякіе «памфлеты», легіонеры до этого простого способа не додумались, — «Содружество Чеховъ и Словаковъ изъ Россіи» даетъ легіонерамъ очень дѣльный совѣтъ.

Но возвратимся къ чешской эвакуаціи, къ цифрамъ г-на Раше. Всѣхъ транспортовъ, на которыхъ выѣхали чехи изъ Сибири, было 36, изъ нихъ 12 нанятыхъ на собственныя деньги войска, остальные — предоставили союзники На нихъ было эвакуировано:

Изъ общаго числа:	67.730
Нижнихъ чиновъ	53.455
Офицеровъ и военныхъ чиновниковъ	3.004
подданныхъ (земляковъ, бывш. военноплѣн.	6.714
женъ (солдатъ и гражданъ)	1·716
дѣтей (солдатъ и гражданъ)	717
Иностранцевъ	1.935
Разныхъ	189

Легіонеры очень спѣшили — грузились днемъ и ночью. Во Владивостокскомъ Гниломъ Углу, не переставая, работали подъемные краны, кипѣла работа.

...«Ни разу не случилось, чтобы прибывшее судно, хотя-бы одинъ часъ, ожидало людей» — пишетъ д-ръ Раше.

«Уже по дорогѣ къ Владивостоку люди приготовлялись къ погрузкѣ, когда эвакуація шла живѣйшимъ темпомъ.

Производился медицинскій осмотръ, составлялись списки, отбирался личный багажъ, упаковывался грузъ.

На пароходъ, по количеству мѣстъ, назначаемы были цѣлыя части. На каждый пароходъ съ солдатами процентно были погружены и граждане (чехословаки, которые въ армію не вступили), считаясь съ состояніемъ ихъ здоровья и возрастомъ, причемъ не дѣлалось различія между народностями. Смотря по вмѣстимости парохода и мѣстъ, грузились и тяжело больные, далѣе жены и дѣти солдатъ и гражданъ. Иностранцы (чужіе союзническіе солдаты, курьеры, частные пассажиры и плѣнные, не чехословаки, которыхъ мы забрали при нашемъ выступленіи, съ оружіемъ въ рукахъ — мадьяры, германцы, австрійцы) были посажены на суда только съ разрѣшенія Уполномоченнаго Чехословацкаго Правительства, за наличныя деньги, либо за счетъ нѣкоторыхъ правомочныхъ корпорацій (правительства, международнаго краснаго креста и т. д.).

Каждый назначенный къ отправкѣ получалъ входной билетъ на пароходъ, и на мостикѣ, при посадкѣ, былъ строгій контроль, чтобы никто безъ разрѣшенія не вошелъ.

Только одинъ разъ таки случилось, что двое или трое русскихъ прокрались на судно и по обнаруженіи ихъ были въ ближайшей пристани высажены (1)».

« Съ теченіемъ времени, мы достигли такой аккуратности и быстроты при погрузкѣ, что иностранные спеціалисты, морскіе офицеры, командированные своими властями для наблюденія за нашей эвакуаціей (американскій, англійскій и французскій) не могли нахвалиться. Къ примѣру, — меньшее англійское судно, принявшее 1.600 человѣкъ и нѣсколько сотъ тоннъ груза отплыло черезъ 9

---

*) Курсивъ нашъ (Авт.).

часовъ по своемъ пріѣздѣ, «Mont Vernon» съ 3452 человѣкъ почти черезъ 14 часовъ».

Итакъ, теплушечная жизнь чеховъ кончалась. Тысячи оставленныхъ легіонерами теплушекъ являли печальную картину — они въ большинствѣ представляли «больные» вагоны, т. к. были приспособлены для длительнаго житья, съ прорѣзнымъ окномъ, сложенной печкой и пр. Ими были забиты всѣ тупики Гнилого угла, или гнали ихъ съ обратными паровозами до Второй рѣчки, гдѣ они на запасныхъ путяхъ собирались въ цѣлый мертвый городъ.

Владивостокскіе обыватели издали, кучками, топтались на берегу. Кто радовался, что «интервенты», которыхъ городъ навидался за эти годы во всевозможныхъ мундирахъ, выбираются съ русской земли, сыпались крѣпкія остроты и злобныя ругательства по поводу чешскаго имущества:

— «Эхъ-ма! Грабанули славяне-братья!» — Не братья, а «б р а т ь я». Ишь какъ лебедками ворочаютъ, и ночи не спятъ. Чего честному солдату грузить, а? Шинель да котелокъ! А эти гляди какую прорву навезли. Откуда, спрашивается, взяли?»

Среди этихъ разсуждающихъ часто можно было замѣтить молчаливыя, понурыя женскія фигуры, украдкой смахивающія предательскую слезу. Онѣ пристально слѣдили за движеніемъ тамъ, гдѣ грузятся «разжирѣвшіе соколята. (по образному выраженію мѣстнаго фельетониста). Боязливыя женскія фигуры, это — «жены» и «невѣств» чешскихъ легіонеровъ, оставленныя на берегу. Эта разновидность русской женщины не въ мѣру расплодилась въ Сибири за время пребыванія соколятъ. Не къ чести это русской женщины, но что-же дѣлать, — изъ пѣсни слова не выкинешь.

Женщины, впрочемъ, одинаковы на всемъ свѣтѣ: — новое прельщаетъ. Да и соблазнъ былъ великъ. Чехи — чистенькіе, выхоленные, одѣты, какъ на парадъ, игриво-бездѣльные, до дрожанія обтянутой икры, до розоваго румяца на женственномъ лицѣ — ну, какъ тутъ устоять? Тѣмъ болѣе, что свои то, русскіе, съ зелеными, застыв-

шими въ неистовомъ напряженіи лицами, зло огрызающіеся, какъ загнанные волки, — какіе они «любовники»... Зато и поплатились, охъ, и дорого-же поплатились бѣдныя русскія дѣвушки! Въ каждомъ городѣ остались сотни ихъ, проклинающихъ, а особенно во Владивостокѣ, когда милые «женихи» пошли погрузить свои вещи на пароходъ, оставить невѣстъ «подождать» на пристани...

Легіонеры часто пишутъ въ своихъ книгахъ объ этомъ «женскомъ вопросѣ» чешскихъ легій. Они пишутъ всегда въ какомъ-то оправдательномъ тонѣ, стараясь переложить вину на этихъ обиженныхъ, опачканныхъ ими русскихъ женщинъ. Конечно, были и такія, о которыхъ жалѣть нечего — легіонеры не брезговали и такими, — но не о нихъ мы говоримъ здѣсь. Говоримъ мы о тѣхъ дочеряхъ хорошихъ родителей, о крѣпкихъ, румяныхъ, беззаботныхъ щебетуньяхъ, которыхъ довѣрчивая наивность и горячее сердце сдѣлало несчастными. Оторвавшись отъ родныхъ, обманутыя въ святыхъ своихъ чувствахъ, оплеванными обществомъ, осыпанныя насмѣшками подругъ, — что онѣ понесли съ собою въ жизнь, гдѣ преклонили свою молодую голову, отогрѣли ли ихъ бѣдное сердце отъ ожесточенія? И все таки тѣ, оставшіяся на берегу, искавшія полными слезъ глазами милую фигуру среди толпящихся на палубѣ уѣзжавшихъ чеховъ, — ихъ жребій все таки оказался счастливѣе тѣхъ, которыхъ чехи взяли съ собою. Не мало этихъ послѣднихъ, еще болѣе несчастныхъ, бывшихъ легіонерскихъ женъ я встрѣчалъ въ Прагѣ. Потребовались бы цѣлые томы, чтобы описать ихъ хожденія по мукамъ, ихъ безпомощность и вопіющее безправіе. Нѣкоторыя изъ нихъ, оборванныя и выгнанныя, либо мужемъ, либо оказавшейся въ наличности его собственной женой (нерѣдко было и такъ), либо родными всѣми вмѣстѣ, при содѣйствіи мужа, — онѣ ютились по общественнымъ ночлежкамъ, нерѣдко съ ребенкомъ на рукахъ, ходили по разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, искали хоть какого нибудь труда. Стыдящіяся самихъ себя, иногда ведущія непосильный бой за ребенка съ родней мужа, нерѣдко — старухи въ 25 лѣтъ, бѣд-

ныя дочери русской земли, кто-то о васъ повѣдаетъ когда нибудь, разскажетъ всю глубину вашихъ испытаній? Много горькихъ женскихъ исторій я слыхалъ въ Пражскомъ «Обществѣ Взаимопомощи русскихъ женщинъ» въ первые годы его существованія, и еще болѣе, въ мало извѣстномъ теперь въ Прагѣ Общежитіи для Русскихъ, — Брусскихъ казармахъ, напоминающихъ Горьковское «Дно»...

Невольно я удалился въ сторону — возвращаюсь къ Владивостоку, къ окончанію чешской эвакуаціи.

Газеты помѣщали каррикатуры — фельетоны на уѣзжающихъ чеховъ въ такомъ родѣ:

КАРРИКАТУРА. Возвращеніе чеховъ въ Прагу.

Легіонеръ ѣдетъ на толстой резиновой шинѣ. На спинѣ громадный грузъ изъ сахару, табаку, кофе, кожи, мѣди, сукна, мѣха, мануфактуры, мебели, автошины «треугольникъ», золото и т. д.

По Свѣтланкѣ шла экономическая комиссія. Не та, что рубль повышала со 100 до 2.000, а та, что изъ-за Карпатъ пришла.

Смотрятъ: соборъ, колокольня, а на колокольнѣ колоколокола! —

— Слушай, Карлъ, сказалъ Фрицъ, вѣдь это висятъ колокола!

— Да! что-же изъ этого?

Но вѣдь колокола дѣлаются изъ мѣди.

— Ну?

— А мѣдь — это наша военная добыча.

— Браво, Фрицъ, вскричалъ Карлъ, тебѣ въ нашемъ могущественномъ и славномъ государствѣ нужно быть министромъ финансовъ.

— О! отвѣтилъ Фрицъ, мы не такіе русскіе свиньи. Ихніе министры финансовъ все отдаютъ, а наши все пріобрѣтаютъ.

— Впередъ! мы самые храбрые въ мірѣ.

— Впередъ! Мы устали отъ побѣдъ».

Экономическая комиссія, или «Центрокомиссія» — это только что возникшее новое легіонерское «министерство», которое вѣдало хозяйственной частью эвакуаціи.Ее вызва-

ло къ жизни желаніе скорѣйшаго отплытія изъ Владивостока, страхъ политическихъ переворотовъ и проч. Д-ръ Раше такъ описываетъ возникновеніе и дѣятельность «Центрокомиссіи»:

«Такъ возникла мысль, осуществленная д-ромъ Гирсой съ помощью Финансоваго Управленія, начальникомъ котораго былъ братъ подполковникъ Шипъ, — нанимать за собственныя средства пароходы и хотя и медленно, но вѣрно увозить людей домой.

Поэтому, при политическомъ представителѣ во Владивостокѣ учрежденъ былъ особый отдѣлъ: «Хозяйственная Комиссія, позже названная центральной хозяйственной комиссіей (Центрокомиссія), въ которой рядомъ съ полит. представителемъ засѣдали делегаты высшаго управленія войска и учрежденій арміи (представитель командующаго войскомъ, Финансоваго управленія, Главнаго Контроля Интендантства и т. д.), обязанностью котораго было нанимать пароходы, приспособлять ихъ къ перевозкѣ людей, заботиться о грузахъ, о провіантѣ, объ обслуживаніи въ техническомъ и торговомъ отношеніи во время плаванія, сооружать продовольственныя станціи въ портахъ»,

«Еще о нашемъ карго. Нашъ грузъ, кромѣ личнаго багажа, который каждый эвакуированный могъ взять съ собою на свое мѣсто, составился частью изъ вооруженія и снаряженія воинскаго, изъ интендантскихъ товаровъ и, наконецъ, товаровъ торговыхъ, которые закуплены на деньги солдатъ Центрокомиссіей, на основаніи телеграммы военнаго министра Клофача о томъ, что на родинѣ недостатокъ сырья. Закупка эта была тѣмъ необходимѣе, что на нее использованы были сибирскіе денежные знаки, которые на западѣ (Сибири), а скоро также и на востокѣ, не только съ каждымъ днемъ утрачивали свою цѣнность, но, наконецъ, были объявлены совершенно недѣйствительными. Дѣло шло о деньгахъ солдатъ, ими сбереженныхъ, или задержанное жалованье, которые (если-бы во время не были на нихъ закуплены товары), и по послѣдующемъ значительномъ паденіи цѣнъ, однако, предста-

вляли стомилліонную цѣнность — нынѣ должна была-бы заплатить солдатамъ республика. Этимъ съэкономили мы республикѣ нѣсколько сотъ милліоновъ коронъ. (1) Нами нанятые и союзническіе пароходы при перевозкѣ людей не могли нагрузить весь этотъ товаръ, а нѣкоторые, какъ хлопокъ, совершенно къ перевозкѣ на транспортахъ съ людьми исключаются,(то должны мы были нанять нѣсколько пароходовъ для перевозки этого имущества и, наконецъ, купить собственный пароходъ «Легію» (2), ибо была опасность, что имущество наше останется во Владивостокѣ невывезеннымъ, и тамъ, изъ-за неустойчиваго политическаго положенія, можетъ погибнуть».

Какъ видитъ читатель, солдатскіе гроши неистощимы.

Конечно, мы русскіе рады — очень хорошо, что сотни милліоновъ коронъ чешскіе легіонеры съэкономили Республикѣ. Одно лишь непріятно: покупали они сырье то за ничего нестоющія бумажки вѣдь не у марсіянъ. И даже не у иностранцевъ, ибо и японцы и китайцы, не говоря ужъ о другихъ, знали толкъ въ валютѣ не хуже чеховъ, и за дождь пустыхъ бумажекъ у нихъ, конечно, сырья не купишь. Стало быть, этой операціей биты были исключительно «братья русскіе» — еще водившіеся тогда на Д. В. недорѣзанные буржуи. Возмутительно — довѣрчивый русскій человѣкъ получалъ за свое добро цѣлый чемоданъ сибирскихъ бумажекъ, не зная, что беретъ хламъ. Можетъ быть, радовался и благодарилъ еще. А чехи, тотъ же д-ръ Раше, снисходительно, съ видомъ благодѣтеля похлопывалъ его по плечу... Но все же трудно представить такого незнающаго купца. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, тщетное требованіе коммерсантами подписей и

*) Злые языки утверждали, что огромное количество сиб. ден. знаковъ, оказавшихся въ распоряженіи легіонеровъ, объясняется... похищеніемъ изъ Иркутскаго Казначейства клише экспедиціи заготовленія госуд. кред. билетовъ. Это утвержденіе обошло всю дальневосточную прессу.

*) Пароходъ "Легія" сдѣлалъ нѣсколько рейсовъ между Тріестомъ и Владивостокомъ съ легіонерами и грузомъ, и по окончаніи эвакуаціи, продолжалъ ходить между Владивостокомъ и Европой.

печатей на сибирскихъ деньгахъ выплачиваемыхъ чехами. И все же русскій человѣкъ «продавалъ», бралъ ихъ. Можетъ быть, выйдя съ получкой, весь чемоданъ въ бухту вытряхивалъ, можетъ быть, плакалъ да бралъ. Что заставляло его дѣлать это? Почему легіонерамъ удалось такъ «съэкономить» на этомъ послѣднемъ буржуѣ, или иначе говоря, почему легіонерамъ удалось прибрать къ рукамъ во Владивостокскомъ порту многое, что плохо лежало? А во Владивостокѣ тогда многое лежало, и лежало до нельзя плохо. Вѣдь это былъ во время войны единственный нашъ свободный портъ, главныя ворота въ Россію, черезъ которыя всѣ товары и всѣ военные грузы возились. Но т. к. Сиб. дорога — одноколейная,а провезти надо тысячи верстъ, черезъ всю Азію, чтобы добраться до районовъ, куда товары слѣдовали, то ясно, что отправлялись почти исключительно военные грузы, все, что обслуживало войну. Частные-же грузы и даже казенные, но не необходимые для настоящаго момента, прибывая во Владивостокъ, выгружались въ пакхаузы. Одни товары ждали очереди отправки, дожидались ея, другіе же, запихивались все глубже въ пакхаузы, закидывались другими, склады загромождались все новыми и новыми грузами, прибывающими въ портъ. Когда склады переполнились, стали выгружать товары прямо на землю, штабелями складывать подъ открытымъ небомъ.

Съ теченіемъ времени многіе грузы потеряли своихъ хозяевъ — т. н. безхозяйные грузы. Многіе были реквизированы правительствомъ за неплатежъ пошлины и лежали мертвымъ капиталомъ. Маленькій примѣръ такой реквизиціи (позднѣйшій):

Газета: «Дѣло Россіи» 6-4, 1920 г.

Арестъ на имущество.

Правительствомъ наложенъ арестъ на имущество коммерсанта Щербины, за неисполненіе контракта на поставку дрели для арміи, заключеннаго прежнимъ бывшимъ особоуполномоченнымъ Юровымъ. Имущество перевозится въ склады минснабпрода, гдѣ будутъ храниться до

уплаты Щербиной правительству иска въ 6,500,000 руб. за нарушеніе контракта».

Словомъ, къ описываемому времени во Владивостокскомъ порту скопилась такая бездна всевозможныхъ товаровъ, что они составляли своего рода«денежный фондъ» всякихъ буферныхъ правительствъ, образовавшихся послѣ паденія власти Колчака на территоріи Дальнаго Востока. Правительства эти долгое время существовали за счетъ накопившихся въ порту грузовъ. Очередной «переворотъ», т. е. смѣна власти адмирала Колчака мѣстнымъ большевистскимъ правительствомъ во Владивостокѣ оказался для чеховъ весьма благопріятнымъ. Чехословацкое Командованіе взяло подъ свою охрану всѣ пути и товарные склады, желѣзнодорожные и морскіе, всю территорію порта оцѣпило своими часовыми, и проникновеніе туда владѣльцамъ грузовъ, лежавшихъ въ порту, стало невозможнымъ, а судьба самихъ грузовъ стала зависѣть отъ «милости побѣдителей».

Какія тутъ происходили поразительныя дѣла, какъ чудесно процвѣталъ коммерческій геній чеховъ — не трудно себѣ представить. Въ газеты проникали рѣдкія безпомощныя сообщенія вродѣ такого:

«Грандіозное присвоеніе («Русское Эхо» 3-6, 1920).

«Чехословаками во Владивостокѣ реквизировано 32 вагона автогрузовыхъ шинъ «Треугольникъ», изъ которыхъ 4 вагона употреблены ими для военныхъ надобностей, а 28 вагоновъ обращены въ собственность Чехославіи.

25 вагоновъ уже отправлены на пароходахъ изъ Влади востока въ Чехо-Славію вмѣстѣ съ эвакуированными на родину чехословаками.

Фактурная стоимость 28 вагоновъ исчислена управленіемъ владивостокскаго отдѣленія «Треугольникъ» въ 38.692.815 руб.

Финансово-экономическій совѣтъ Приморскаго правитель ства сообщилъ объ этомъ Никифорову для принятія мѣръ по возвращенію обратно вывезенныхъ чехословаками шинъ».

Читатель легко поймѣтъ, какъ метался, на какія отчаянныя «выгодныя сдѣлки» пускался послѣдній русскій купецъ, чтобы спасти свое добро. Для иллюстраціи приведу разсказъ одного такого злополучнаго купца, когда то сибирскаго милліонера: (1)

«На всѣ вопли и мольбы владѣльцевъ грузовъ, находящихся въ порту, Чехокомандованіе катерогически заявляло, что на территоріи порта ничего, кромѣ чешской военной добычи не находится.

Послѣ многихъ скандаловъ, мнѣ удалось проникнуть въ Чешское Интендантство, откуда шли всѣ распоряженія въ портъ, и послѣ просьбы выдать мнѣ разрѣшеніе вывезти изъ порта принадлежавшіе мнѣ товары, меня чиновникъ выгналъ и велѣлъ солдату дать мнѣ по затылку. Но къ моему счастью, солдатъ оказался очень гуманнымъ и приказанія не исполнилъ.

Послѣ этого я обратился къ знакомымъ японцамъ, которые имѣли связи съ Японскимъ Штабомъ, съ цѣлью просить защиты. Тамъ мнѣ было предложено продать всѣ товары какому либо японскому гражданину, и только такимъ способомъ они дадутъ возможность съ занятой чехами портовой территоріи освободить или вывезти товары въ Японію.

Тогда я нашелъ покупателя японца, и, согласно имѣвшихся у меня документовъ на принадлежащіе мнѣ товары, мы получили отъ Японскаго Командованія пропускъ въ Портъ. —

Насъ пропустили. Мы по документамъ провѣрили наличность всѣхъ товаровъ и покинули портъ до слѣдующаго дня, т. е. пока будетъ оформлена сдѣлка. Но на другого утро этотъ японецъ (нынѣ умершій И. Маеда) страшно возбужденный прибѣжалъ ко мнѣ и заявилъ, что онъ пошелъ въ портъ еще разъ провѣрить кипы и ящики съ товаромъ, но это мѣсто, гдѣ они лежали — пусто. А на его вопросъ, гдѣ лежавшіе здѣсь грузы, ему заявили, что это принадлежитъ имъ, чехамъ, какъ ВОЕННАЯ ДОБЫЧА, и

*) Разсказъ свой онъ прислалъ мнѣ письменно и подписался.

они его частью погрузили на стоявшій у берега пароходъ «Легія», а частью продали китайцамъ. Остальное распредѣлили для нуждъ арміи. Когда же я поѣхалъ съ нимъ снова въ портовое чехословацкое интенданттсво и заявилъ протестъ противъ ихъ дѣйствій, сказавши, что это грабежъ — чехи пригрозили сбросить меня въ бухту и предложили немедленно покинуть предѣлы занятой ими портовой зоны.

Списокъ моихъ товаровъ вотъ:

12000 ярдовъ сукна солдатскаго,

33600 кусковъ мануфактуры казеннаго образца.

29 кипъ сборной мануфактуры.

30 ящиковъ обуви.

40 тюковъ кожи подошвенной.

4 вагона гвоздей проволочныхъ.

Общая стоимость товаровъ равнялась 395000 іенъ».

Тутъ, какъ говорится, комментаріи излишни.

По окончаніи эвакуаціи во Владивостокѣ была оставлена «Центрокомиссія» (учрежденіе немножко другое, — торговая фирма, предпріятіе Легіобанка), которая продолжала заниматься разгрузкой Владивостокскихъ пакхаузовъ. Въ мартѣ 1921 г. возникъ по поводу этихъ грузовъ очень интересный конфликтъ Приморскаго Областнаго Народнаго Собранія («Парламентъ»!) съ собственнымъ Правительствомъ, въ которомъ замѣшано было какъ разъ легіонерское дѣтище, пароходъ «Легія». Все это драматическое происшествіе можно прослѣдить по Владивост. газетѣ «Вечеръ».

Такъ, 18-3, 1921 г. «Вечеръ» пишетъ:

— Вѣрно-ли, что съ пароходомъ «Легія», отправляющимся на дняхъ въ Европу, увозится большое количество грузовъ Приморья?

— Вѣрно-ли, что въ числѣ этихъ грузовъ имѣется подвѣсная канатная дорога на 22 версты, снятая съ фортовъ и радіостанціи военно - морского вѣдомства?

— Вѣрно-ли, что съ этимъ же пароходомъ отправляются грузы управленія снабженія и продовольствія — большое количество кожи, обуви и мыла?

— Вѣрно-ли, что эти отправки производятся не только безъ вѣдома Нар. Собранія, но и безъ постановленія областного управленія?

— Вѣрно-ли, что «операція» производится подъ защитнымъ флагомъ нѣкой иностранной фирмы?

— Вѣрно-ли, что отправкой руководитъ видный представитель Читы (1), собирающійся выѣхать на томъ-же пароходѣ»?

Изъ передовой статьи того-же дня:

...«Ни для кого не секретъ, что грузы, находящіеся во Владивостокѣ, какъ казенные, принадлежащіе тому или иному вѣдомству, такъ и реквизируемые изъ числа такъ называемыхъ «безхозяйныхъ», вывозятся изъ предѣловъ Приморья. Вывозятся грузы въ Хабаровскъ, вывозятся въ Читу и даже заграницу, якобы для Совѣтской Россіи.

Кто вѣдаетъ вывозомъ? Кто даетъ распоряженія?

Мы знаемъ, что распоряжается во всякомъ случаѣ не Нар. Собраніе. Товарный фондъ, представляющій цѣнность не меньшую, чѣмъ фондъ денежный, а въ настоящихъ условіяхъ являющійся единственнымъ источникомъ пополненія казны, таетъ, расходуется. А какъ расходуется, въ какомъ количествѣ, на какія цѣли, чьимъ разрѣшеніемъ — это парламенту неизвѣстно».

Вѣрно-ли? (19-3, 21 г.).

— «Вѣрно-ли, что 15 марта уполномоченный минпродторга Сережниковъ потребовалъ отъ управленія снабженія и продовольствія «срочно передать для нуждъ правительства Д. В. Р.» имущество, находящееся на складахъ управленія и таможни, въ томъ числѣ 80.000 косъ, 100 жатокъ, 80 сноповязокъ, 30 плуговъ, кожи, ботинокъ, медикаментовъ?

— Вѣрно-ли, что два дня спустя, т. е. 17 марта, президіумъ совѣта управляющихъ «оформилъ» это требованіе, постановивъ за подписью Антонова, Берлацкаго и Петкуса «предложить упр. отд. снабженія и продовольствія

*) Чита въ это время была уже Тобельсоно-Краснощековской буферной роспубликой "Д. В. Р.", филіаломъ Москвы. (Авт.).

передать въ распоряженіе центр. пра-ва Д. В. Р. товары, перечисленные въ спискѣ Сережникова?

— Вѣрно-ли, что въ тотъ-же день Сережниковъ потребовалъ передать эти товары Центросоюзу «для отправки по назначенію»?

— Вѣрно-ли, что всѣ эти товары, переданные столь спѣшнымъ порядкомъ, общей стоимостью на 3 милліона зол. рублей, не менѣе спѣшно грузятся на пар. «Легія», отправляющійся... неизвѣстно куда»?

21-3, 1921г.:

ВЪ НАРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

«Легія» еще стоитъ въ порту. Сегодня въ Нар. Собраніи будетъ обсуждаться вопросъ о вывозѣ казенныхъ грузовъ, предоставленныхъ Сережникову. Коммунисты ведутъ эти дни усиленную агитацію среди крестьянъ-депутатовъ Нар. Собранія за выдачу разрѣшенія на вывозъ груза.

21-3, 1921 г.:

ЧТО УВОЗИТСЯ НА «ЛЕГІИ».

Такъ какъ въ отвѣтъ на запросъ дня деп. Виноградова Областное управленіе отказалось пролить полный свѣтъ на совершенную имъ операцію съ передачей грузовъ и разрѣшеніемъ ихъ вывоза за границу, мы вынуждены опубликовать списокъ вывозимыхъ казенныхъ грузовъ.

Косы — 65.000 шт.; подковы — 5.376 пуд.; кожа подошв. — 2.9000 пуд. полувалъ — 1.300 пуд.; медикаменты — 10.000 — зол. руб.; бертолетовая соль — 3.000 пуд.; резинов. кольца — 80·000 гр.; пилъ поперечныхъ — 300 шт.; жатокъ — 38 шт.; сноповязокъ — 50 шт.; плуговъ — 50 шт.; чаю — 8.470 пуд.; моторовъ — 5 шт.

Кромѣ того, списокъ включаетъ мыло, перецъ, свѣчи, натѣльное бѣлье, тетради и пр.

Передъ самымъ выпускомъ номера намъ сообщили, что управ. вѣдомствомъ финансовъ и упр. отдѣломъ снабженія и продов. сегодня издали приказы анулировать выданныя ранѣе разрѣшенія на вывозъ грузовъ представителю Д. В. Р. Сережникову пароходомъ «Легія».

Тѣ-же грузы, которые будутъ вывозиться безъ разрѣшенія — задержать.

ГЛУМЛЕНІЕ НАДЪ ПАРЛАМЕНТОМЪ. ...«А ВАСЬКА СЛУШАЕТЪ ДА ѢСТЪ».

Пароходъ «Легія» продолжаетъ грузить казенные товары. За послѣдніе дни, особенно съ субботы 19, т. е. дня предъявленія запроса объ отправкахъ грузовъ, приняты срочныя и дорогія мѣры къ ускоренію погрузки на бортъ парохода.

Сегодня погрузка должна быть закончена.

Вопросъ о продолжающейся погрузки «Легіи» несмотря на отказъ Нар. Собранія признать дѣйствія обл. упр правильными, сильно волнуетъ общественные круги, т. к. въ этомъ фактѣ усматривается прямой вызовъ со стороны коммунистовъ Нар. Собранію въ цѣломъ и общественному мнѣнію. Говорятъ объ устройствѣ нѣкоторыми организаціями митинговъ протеста и уличной демонстраціи.

25-3-1921 г.

ЧУМА И «ЛЕГІЯ».

Предсѣдатель санитарно - исполнительной комиссіи, докторъ Поповъ, возбудилъ передъ Народнымъ Собраніемъ ходатайство о задержкѣ медикаментовъ, отправляемыхъ неизвѣстно куда на пароходѣ «Легія», въ противномъ случаѣ, Приморье останется совершенно безъ медикаментовъ, въ то время, когда въ области уже распространяется эмидемія чумы.

«Легія» продолжаетъ получать казенные грузы десятками тысячъ пудовъ. Грузятся товары и изъ складовъ «продпути», военнаго вѣдомства и нѣк. др.

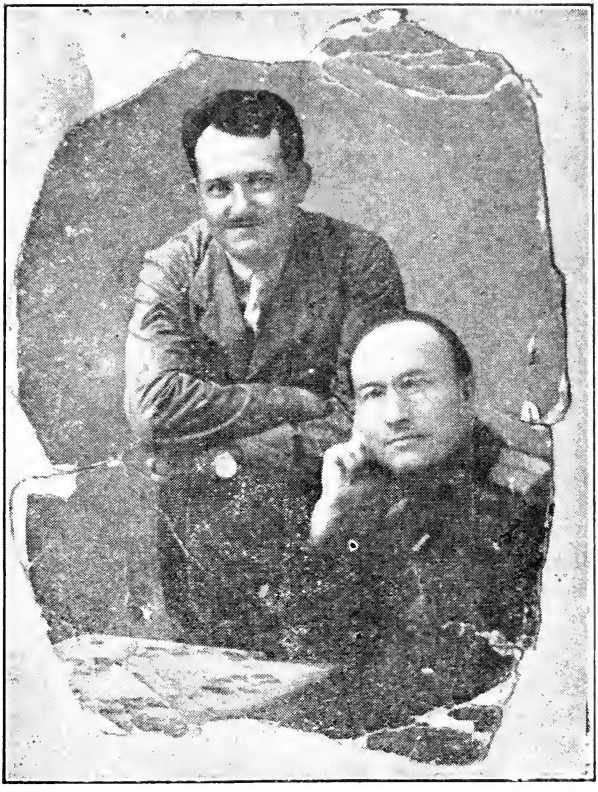
На «Легіи» шла и идетъ усиленная погрузка грузовъ

Читинскихъ вѣдомствъ и погрузка находится только въ вѣдѣніи Сережникова. Мѣстное правительство только удержало временно нѣкоторое количество стальнго троса.

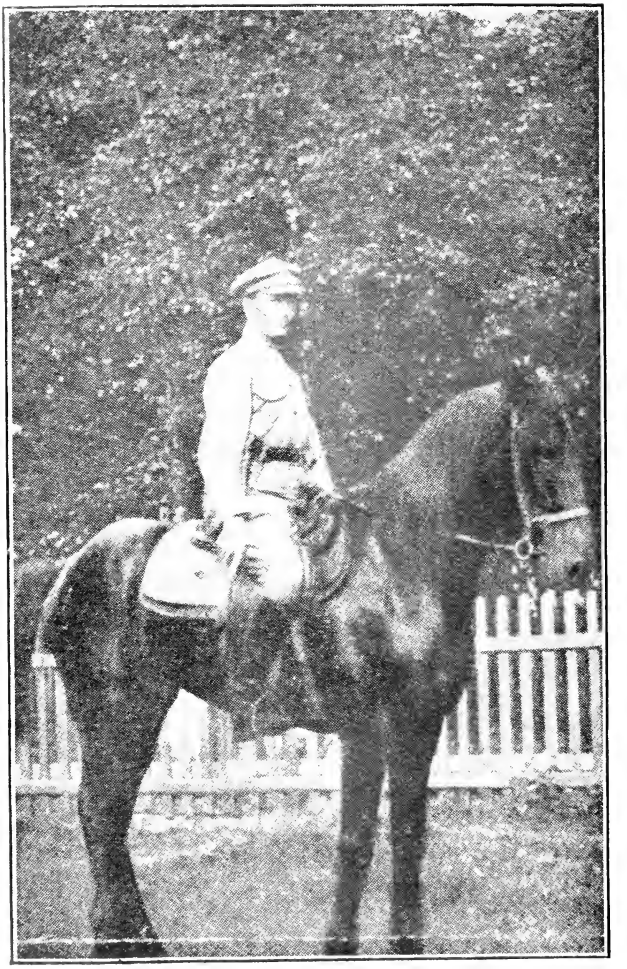
Вчера для погрузки на «Легію» состоялся «воскресникъ», на который собралось около 300 чел., въ томъ числѣ много дѣтей и подростковъ.

Легіенеры очень гордятся своимъ пароходомъ — онъ де продолжаетъ разносить нашу славу по всему міру... Какъ разъ почти въ то самое время, когда происходило выше приведенное «Васька слушаетъ да ѣстъ» — газета легіонеровъ въ Прагѣ, «Легіонерскій Путь» (№ 10, 3-«, 1921 г.), устами того же д-ра Раше, б. нач. эвакуаціи и предсѣдателя Легіобанка, писала:

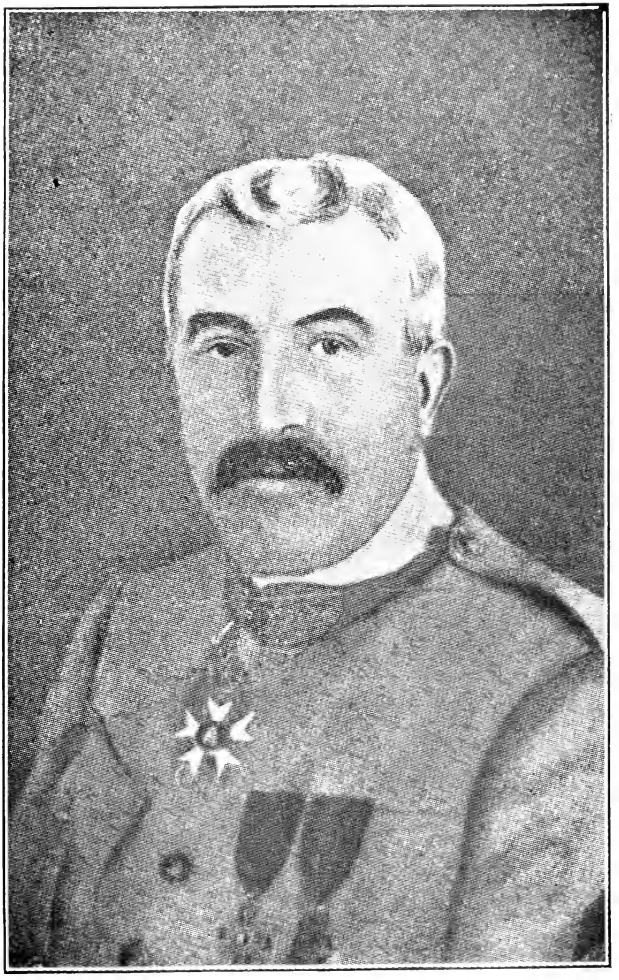
«Впервые во всей исторіи чехословацкаго народа развѣвается чехословацкій флагъ на океанѣ. Наша «Легія» пропагандируетъ имя и торговое значеніе нашего молодого государства по цѣлому свѣту, вводя наше новое, удаленное отъ моря, государство въ общество старыхъ народовъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всю міровую торговлю. И тѣмъ самымъ приняла на себя «Легія» ту задачу, которую ранѣе выполняли наши заграничныя легіи. Какъ они запечатлѣли въ памяти міра новое имя «Чехословакъ» своимъ героизмомъ и своимъ присутствіемъ во всѣхъ почти частяхъ стараго и новаго свѣта, такъ наша «Легія» поддерживаетъ эту традицію и далѣе въ тѣхъ заграничныхъ кругахъ, которые цѣнятъ другіе народы по тому, къ чему они способны на полѣ великой міровой торговли».



Сверху: Военный Представитель Чеховойскъ въ Омскѣ, и Политическій Представитель Чехословацкой Республики въ Читѣ, Д-ръ, Майоръ Я. Кошекъ.
Снизу: Авторъ настоящей книги.



Полковникъ Швецъ.



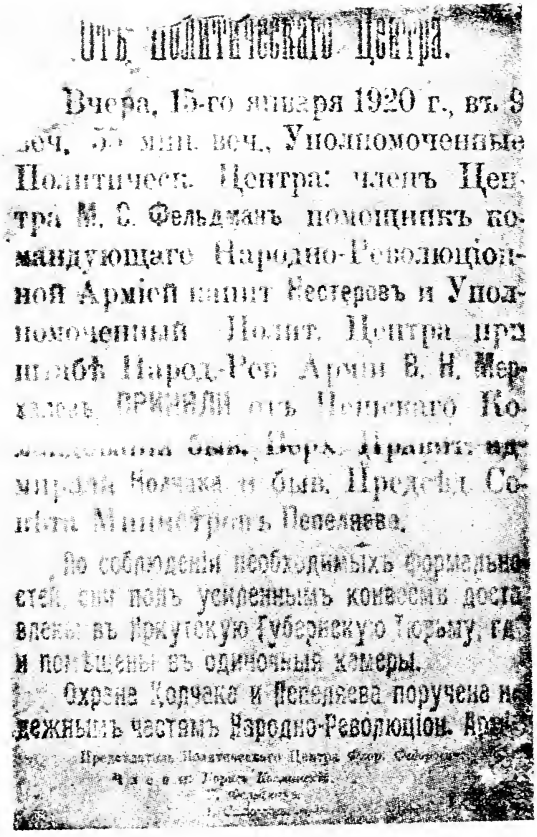
Генералъ Жаненъ.

Верховный Правитель, Адмиралъ А. В. Колчакъ.

Атаманъ Г. М. Семеновъ, въ началѣ поднятаго имъ противобольшевистскаго возстанія. на Дальнемъ Востокѣ.

Генералъ Гайда.

Портретъ Президента Ч.С.Р., Т. Г. Масарика, на одной изъ легіонерскихъ теплушекъ.



Отъ политическаго Центра.

Вчера, 15-го января 1920 г., въ 9 веч. 55 мин. веч., Уполномоченные Политическ. Центра: членъ Центра М. С. Фельдманъ помощникъ командующаго Народно-Революціонной Арміей капит. Нестеровъ и Уполномоченный Полит. Центра при штабѣ Народ.-Рев. Арміи В. Н. Меркуловъ, ПРИНЯЛИ отъ Чешскаго Командованія быв. Верх. Правит. адмирала Колчака и быв. Предсѣд. Совѣта Министровъ Пепеляева.

По соблюденіи необходимыхъ формальностей, они подъ усиленнымъ конвоемъ доставлены въ Иркутскую Губернскую Тюрьму, гдѣ и помѣщены въ одиночныя камеры.

Охрана Колчака и Пепеляева поручена надежнымъ частямъ Народно-Революціон. Арміи.

Документ о передаче чешским командованием Колчака в распоряжение Политического Центра. *)

*) Документъ этотъ взятъ изъ книги И. Субботовскаго. (Авт.)

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.9
.F52
C81445
1930

IMPRIMERIE D'ART VOLTAIRE,
O. ZELUK, DIRECTEUR,
34, RUE RICHER, PARIS - 9e